

It. sing. 1488 (1)

137

1007ⁿ / 77 ~~7 5882~~ (2e num)

137

137

12

A/4334

~~A/4334~~ 895

**ПУТЕШЕСТВІЕ
ВОКРУГЪ СВѢТА**

совершенное

по повелѣнію

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

НИКОЛАЯ I.,

на военномъ Шлюпѣ Сенявинѣ

въ 1826, 1827, 1828 и 1829 годахъ

Флота Капитаномъ

ФЕДОРОМЪ ЛИТКЕ.

Отдѣленіе историческое.

Съ Атласомъ литографированнымъ съ оригинальныхъ рисунковъ
Господъ А. Постельса и Барона Китлица.

Часть I.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ шѣмъ , чшобы по оппечашаніи , предсшавлены
были въ Ценсурный Комишеть при экземпляра.
С. П. б. 10. Сентября 1834.

Ценсоръ Ф. Ш а р м у л .

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Linke, Friedrich

791/79/6979

ВВЕДЕНІЕ.

Въ теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ Россійскія военныя суда почти ежегодно оплывали землю; но кромѣ Экспедицій Капитановъ *Беллинсгаузена* и *Васильева*, имѣвшихъ цѣлю Географическія открытія, всѣ другія посылались съ грузомъ для Камчатки и Охотска и для крейсированія въ колоніяхъ Россійско - Американской компаніи; и хотя у командировъ не отнималось права заниматься учеными изслѣдованіями, но они могли дѣлать это только мимоходомъ и сколько главная цѣль путешествія позволяла; и потому не удивительно, что отъ плаваній сихъ Географія пріобрѣла мало пользы.

Наша Экспедиція была счастливѣе другихъ тѣмъ, что снаряженная на три года могла она по ненадобности въ военныхъ судахъ въ нашихъ колоніяхъ употребить годъ на работы Географическія и ученыя. Планъ для работъ сихъ былъ намъ начертанъ весьма обширный, какъ изъ нижеслѣдующей инструкціи Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента видно.

Обстоятельства позволили намъ выполнить только часть сего плана. (*)

ИНСТРУКЦІЯ

ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА изъ Государственнаго Адмиралтейскаго Департамента, Капитанъ-Лейтенанту Литке, командующему шлюпомъ Сеньявинъ.

По прибытіи вашемъ на Уналашку, получите вы отъ Капитанъ-Лейтенанта Станюковича, согласно сдѣланному ему предписанію, повелѣніе отдѣлиться отъ него, дабы описать земли Чукочъ и Коряковъ и полуострова Камчатки (которые по сіе время еще ни кѣмъ не описаны и извѣстны только по одному плаванію Капитана Беринга), берега Охотскаго моря и Шантарскіе острова, которые намъ хотя извѣстны, но недостаточно описаны. Согласно сему предположенію, немедленно приступить вамъ къ изготовленію своего судна для исполненія сдѣланнаго вамъ порученія. Въ числѣ необходимыхъ на то вещей, есть одна или двѣ байдары и нѣсколько человекъ Алеутовъ для управленія оными, коими вы должны снабдить себя.

Такъ какъ опись Азіатскаго берега должна быть начата Беринговымъ проливомъ, и лучшее время проходить онымъ есть Іюль мѣсяць, то по выходѣ съ Уналашки, направьте курсъ свой прямо къ Восточному мысу, и опредѣливъ вѣрнѣйшимъ способомъ какъ долготу его, такъ и противолежащаго мыса Принца Валлиса и острововъ Св. Діомида (Гвоздевыхъ) среди пролива лежащихъ, начать опись свою, слѣдуя къ S.

(*) Въ концѣ введенія изложили мы вкратцѣ плоды сей Экспедиціи.

На пути вашемъ въ Беринговъ проливъ описать вамъ подробно острова Св. Матвѣя, такъ же осмотрѣть мѣсто, въ которомъ Капитанъ Васильевъ думалъ видѣть берегъ, на SO отъ восточной оконечности Св. Лаврентія.

При описи земли Чукочь и Коряковъ, заходить вамъ во всѣ заливы, которые на семъ берегу могутъ открываться. Въ особенности имѣете со всею подробностію изслѣдовать такъ называемое Анадырское море, образующее большой заливъ, въ которомъ находятся другіе меньшіе, изъ коихъ два названы Ночень и Онемень; въ послѣдній впадаетъ рѣка Анадырь. — Желательно, чтобы приказали описать на гребныхъ судахъ какъ устье сей рѣки, такъ и послать во внутрь ученыхъ съ вашего судна, дабы доставить намъ свѣдѣнія относящіяся до сихъ намъ вовсе неизвѣстныхъ береговъ. — Съ такою же подробностію имѣете вы описать Олюторскій заливъ, который, какъ и весь берегъ лежащій къ N и къ S отъ онаго, ни кѣмъ не описанъ, и о которомъ не имѣемъ мы другой карты, кромѣ Беринговой.

По окончаніи описи всего Камчатскаго берега, заходите въ Камчатку, дабы оттуда отправить донесенія ваши въ С. Петербургъ.

Опись берега Охотскаго моря назначается вамъ на другой годъ. Возвращаясь отъ S, гдѣ предполагается вамъ провести зимніе мѣсяцы, имѣете вы прорѣзать гряду Курильскихъ острововъ, гдѣ найдете то удобнѣе, и войдя въ Охотское море, держать къ сѣверной оконечности полуострова Сахалина, а оттуда начать опись берега, лежащаго между Сахалиномъ и Удскимъ острогомъ, включая въ оную Шантарскіе

острова, которые слѣдуетъ описать съ большею подробностію, вмѣстѣ съ Тугурскимъ заливомъ.

Такъ какъ весь западный берегъ Охотскаго моря, отъ города Охотска до Удскаго острога, былъ описанъ Гг. Вице-Адмиралами Сарычевымъ и Фоминымъ; то не имѣете вы надобности осматривать оный; а по окончаніи описи Шантарскихъ острововъ, тотчасъ должны вы держать къ сѣверному берегу Охотскаго моря, лежащему на востокъ отъ Охотска, описавъ подробно Тауйскій, Пенжинскій и Ижигинскій заливы, которые намъ мало извѣстны, особенно въ отношеніи Географическаго ихъ положенія. Окончивъ опись сихъ береговъ, слѣдовать вдоль западнаго берега Камчатки къ Курильскимъ островамъ, опредѣляя мѣстами Географическую долготу, гдѣ только возможно будетъ, а потомъ въ Петропавловскую гавань, откуда, буде Капитанъ Станюковичъ тамъ, вмѣстѣ съ нимъ возвратиться въ Россію.

Относительно занятій вашихъ во время зимнихъ мѣсяцевъ, которые должны вы провести въ тропикахъ, то сіе совершенно предоставляется вамъ, приводя только вамъ на видъ 1) чтобы на пути вашемъ къ S осмотрѣть то мѣсто, въ коемъ на нѣкоторыхъ картахъ недавно начали означать острова подъ именемъ *Бонинъ Сима*; 2) что надлежитъ вамъ изслѣдовать подробно все пространство, въ которомъ находится Архипелагъ Каролинскихъ острововъ, начиная отъ острововъ Маршала до Пелевскихъ острововъ, и простирая ваши изслѣдованія до самаго экватора; острова Маріанскіе и островъ Юаланъ представляютъ вамъ удобныя мѣста освѣженія. Западные острова

Маршала не надобно вамъ ходить, ибо пространство лежащее на Востокъ отъ сихъ острововъ, предписано Капитанъ-Лейтенанту Станюковичу.

Ежели вы по какимъ либо обстоятельствамъ возвратитесь одни въ Россію, то желательно, чтобы вы осмотрѣли сѣверную сторону Соломоновыхъ острововъ, потомъ сѣверную сторону Новой Ирландіи и Новаго Ганновера, и острова лежащіе въ небольшомъ разстояніи отъ оныхъ; напоследокъ выходите Молукскимъ моремъ въ Южный Индійскій Океанъ однимъ изъ проливовъ, лежащихъ на западъ отъ Новой Голландіи. Для дальнѣйшаго плаванія вашего вокругъ мыса Доброй Надежды, кажется излишнимъ давать вамъ наставленіе.

Сенявинъ былъ *Баркъ*, 90 футъ длиною, вооруженный 16 карронадами. Сего рода суда суть удобнѣйшія для дальныхъ и продолжительныхъ плаваній, соединяя въ себѣ качества въ добрыхъ мореходныхъ судахъ нужныя, не требуя большаго числа людей для управленія. *Сенявинъ* былъ весьма покойное морское судно; но къ несчастію не имѣлъ качества хода, столь нужнаго во многихъ случаяхъ, а особенно находясь въ неизвѣстныхъ мѣстахъ, что въ продолженіе путешествія часто было причиною большаго для насъ неудовольствія. *Молеръ* былъ тѣхъ же размѣреній что *Сенявинъ*, но другаго плана, былъ вмѣстительнѣе и ходилъ лучше. Оба судна строены на Охтенской верфи нарочно для сей Экспедиціи, въ Маѣ 1826 года спущены на воду и въ началѣ Іюня приведены въ Кронштатъ, гдѣ были снаряжены окончательно. О снаряженіи семъ нѣтъ надобности много распространяться;

въ нынѣшнее время оно во всѣхъ націяхъ почти одинаково. Довольно будетъ сказать, что мы были снабжены лучшими снарядами и провизіями въ такомъ изобиліи, какъ только вмѣстительность судна позволяла. Нѣкоторыя статьи надлежало дополнить въ Копенгагенѣ и въ Англіи.

Экипажъ шлюпа состоялъ изъ слѣдующихъ чиновъ:

Капитанъ-Лейтенантъ *Литке*, Начальникъ Экспедиціи.

Лейтенанты :	.	.	.	.	.	{	<i>Завалишинъ.</i>
							<i>Аболешевъ.</i>

Мичманы :	.	.	.	.	.	{	<i>Ратмановъ.</i>
							<i>Майетъ.</i>
							<i>Бутаковъ.</i>

						{	<i>Глазенаппъ.</i>

Гвард. Экипажа юнкеръ *Крузенштернъ.*

Штурманскаго корпуса Штабсъ-Капитанъ *Семеновъ.*

Кондукторы :	.	.	.	.	.	{	<i>Нозиковъ.</i>
							<i>Орловъ.</i>

Докторъ *Мертенсъ*, Натуралистъ Экспедиціи.

Адъютантъ - Профессоръ *Постельсъ*, минералогъ и рисовальщикъ.

Отставной Прусской службы Капитанъ Баронъ *Китлицъ.*

Унтеръ - офицеровъ 5.

Нижнихъ чиновъ 41.

Слугъ 2.

Всего 62.

Сверхъ того находилось на шлюпѣ до перваго прибытія въ Камчатку 15 человекъ матросъ и мастеровыхъ, отправленныхъ на службу въ Охотскій и

Петропавловскій порты. За исключеніемъ одного матроса, умершаго въ слѣдствіе ушиба полученнаго при паденіи съ марса, всѣ участвовавшіе въ Экспедиціи узрѣли благополучно отечество. Но намъ суждено было, годъ спустя, оплакать потерю дѣятельнѣйшаго оной участника, *Мертенса*. Да позволено намъ будетъ почтить здѣсь слезою память незабвеннаго друга, въ цвѣтъ лѣтъ похищеннаго у наукъ. Ревностный ученый, пріятный собесѣдникъ, онъ былъ душою и украшеніемъ маленькаго нашего общества. Ентузіазмъ его къ наукамъ не зналъ предѣловъ; онъ умѣлъ распространить его на всѣхъ; и не только товарищи, но даже матросы радовались когда чѣмъ нибудь могли споспѣшествовать его работамъ. Доблести его какъ ученаго и неутомимаго естествоиспытателя оцѣнены другими; мы оплакиваемъ въ немъ драгоцѣннаго товарища по качествамъ души и сердца. (*)

Плоды сей Экспедиціи были вкратцѣ слѣдующіе:

По части Географической.

Въ *Беринговомъ морѣ*: опредѣлены Астрономически важнѣйшіе пункты берега Камчатки отъ Авачинской губы къ Сѣверу; измѣрены высоты многихъ сопокъ; описаны подробно острова Карагинскіе, дотолѣ вовсе неизвѣстные, островъ Св. Матвѣя и бе-

(*) Мы сочли достойнымъ вниманія публики приложенное въ концѣ 3й части извѣстіе о краткой, но полезной жизни сего примѣчательнаго человѣка.

регъ Чукоцкой земли отъ мыса Восточнаго, почти до устья рѣки Анадыря; опредѣлены острова Прибылова и многіе другіе.

Въ *Каролинскомъ Архипелагѣ*: изслѣдовано пространство симъ Архипелагомъ занимаемое отъ острова Юалана до группы *Улюѣй* (Острова Маккензи или Эгой); открыто 12, а описано всего 26 группъ или отдѣльных острововъ. Каролинскій Архипелагъ, почитаемый дотолъ весьма опаснымъ для мореплаванія, будетъ отнынѣ безопасенъ на равнѣ съ извѣстнѣйшими мѣстами Земнаго Шара.

Острова Бонинъ-Сима отысканы и описаны. Сверхъ того собрано много данныхъ для опредѣленія Географическаго положенія мѣстъ въ которыхъ шлюпъ останавливался; познанія теченій моря, приливовъ и отливовъ, и проч.

Мореходный Атласъ, содержащій болѣе 50-и картъ и плановъ изданъ отъ Гидрографическаго Депо Морскаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА. Текстъ къ оному поступилъ въ печать.

По части физики.

Опыты надъ постояннымъ маятникомъ въ девяти пунктахъ. (*) Опыты сіи, согласно съ произведенными прежде разными наблюдателями, показали значительнѣйшее *сжатіе* земли, противу выводимаго изъ неравностей движенія луны. Общій выводъ сжатія изъ сихъ опытовъ выходитъ $\frac{1}{269}$; но въ соединеніи съ нѣкоторыми другими приближается онъ къ $\frac{1}{288}$.

(*) Изданы на Русскомъ языкѣ отъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ. 1853 года.

Опыты надъ магнитною стрѣлкой, какъ на берегу такъ и на морѣ, наиболѣе въ Сѣверной части Великаго Океана. Выводы сихъ опытовъ примѣчательнымъ образомъ согласуются съ магнетическою теоріею Ганстейна.

Наблюденія надъ часовыми колебаніями барометра между параллелями 30° N. и 30° S., производимыя чрезъ каждые полчаса во всѣ сутки по двумъ симпиезомерамъ и одному барометру. Періодъ наблюденій сихъ заключаетъ до 12 мѣсяцевъ.

Ежедневныя наблюденія температуры морской воды на поверхности. (*)

Выводы всѣхъ сихъ опытовъ и наблюденій будутъ помѣщаемы въ запискахъ Императорской Академіи Наукъ.

По части Естественной Исторіи.

По Зоологіи. Собрано нѣсколько рѣдкихъ видовъ летучихъ мышей и одинъ новый видъ тюленей; — сто видовъ пресмыкающихся животныхъ, изъ числа коихъ 25 изображены красками Г. Постельсомъ. Триста видовъ рыбъ, сохраненные въ спиртъ; изъ оныхъ Г. Постельсъ нарисовалъ красками 245 съ живыхъ экземпляровъ; многіе между ими еще мало извѣстны, а другіе совершенно новы. Но что сему богатому собранію рисунковъ придаетъ су-

(*) Мы имѣли три Термометра съ индиксами для измѣренія теплоты воды въ глубинахъ; и всѣ три при самыхъ первыхъ опытахъ были подымаемы разбитыми, вѣроятно отъ давленія воды; что и лишило насъ возможности продолжать сіи опыты.

губую цѣну есть то, что знаменитый Кювье, во время пребыванія Гг. Натуралистовъ въ Парижъ, разсмотря оное внимательно, снабдилъ собственноручною подписью систематическихъ именъ съ означеніемъ всѣхъ новыхъ видовъ. — Стопятьдесять видовъ *черепокожныхъ*, изъ коихъ сто нарисованы Докторомъ Мертенсомъ съ живыхъ экземпляровъ. Особенное вниманіе обращено было Г-мъ Мертенсомъ на моллюски, на животныя кольчатыя (annelides), лучистыя (radiaires), звѣздчатыя (asteries) и крапивныя (acalephes). Сіи животныя, будучи большею частью весьма нѣжнаго строенія, не могли быть всѣ сохраняемы въ цѣлости, а потому Г. Мертенсъ старался рисовать ихъ со всевозможною точностью пока они еще были живы; при чемъ онъ не удовольствовался простымъ изображеніемъ внѣшняго ихъ вида, но сдѣлавъ имъ подробный анатомическій разборъ, нарисовалъ также всѣ внутреннія ихъ части. — Около семи сотъ видовъ насѣкомыхъ; — нѣсколько *череповъ* дикихъ; — значительное собраніе *раковинъ*; — триста видовъ птицъ въ 750 экземплярахъ: симъ предметомъ занимался Баронъ Китлицъ; онъ же самъ трудился надъ приготовленіемъ оныхъ и изображеніемъ тѣхъ изъ нихъ, кои нашель до того неудовлетворительно описанными или совершенно неизвѣстными.

По Ботаникѣ: Травникъ Г-на Мертенса заключаетъ до 2500 *явнообразныхъ растений* со включеніемъ *папоротниковъ*; онъ же составилъ собраніе *поростовъ* или *фукусовъ*, которое по количеству и разнообразію заключающихся въ ономъ *недѣлимыхъ*, едва ли найдеть себѣ подобное, между привезенными когда ли-

бо подобною Экспедиціею. Примѣчательнѣйшіе изъ видовъ изображены красками со *свѣжихъ* экземпляровъ Г-мъ Постельсомъ. — Предметъ на который по сіе время въ путешествіяхъ въ отдаленныя страны еще мало обращали вниманія, составляютъ виды прозябенія, кои каждой странѣ придаютъ отличительный характеръ. Гг. Постельсъ и Китлицъ, слѣдуя совѣту друга ихъ Доктора Мертенса, собрали не малое число таковыхъ рисунковъ, изъ коихъ нѣкоторые помѣщены въ Атласъ, сопровождающемъ сіе сочиненіе.

По Геогнозѣ. Горнокаменныя породы были собираемы Г-мъ Постельсомъ во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ шлюпъ останавливался; число оныхъ простирается до 330. —

По части Этнографической.

Общими трудами составлено богатое собраніе *одеждъ, орудій, утварей и украшеній*; важнѣйшіе изъ сихъ предметовъ нарисованы Г-мъ Постельсомъ.

По части живописи.

Въ продолженіе самаго путешествія составленъ портфель, заключающій до 1250 рисунковъ; изъ сего числа 700, трудовъ Г-на Постельса, 360 Доктора Мертенса и 200 Барона Китлица.

Всѣ сіи собранія, по возвращеніи Экспедиціи, переданы были въ Музеумъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи Наукъ.

ГЛАВА I.

*Отправленіе изъ Кронштата. Плаваніе до
Копенгагена и Портсмута. Пребываніе
въ сихъ мѣстахъ.*

Въ морскихъ путешествіяхъ нѣтъ минуты, которой бы всѣ безъ изъятія, а болѣе всѣхъ Начальникъ судна, ожидали съ бѣльшимъ нетерпѣніемъ, какъ перваго выступленія изъ гавани на рейдъ. Работа поспѣшная и тяжкая, множество подробностей, всѣ болѣе или менѣе важныя, о коихъ должно заботиться, дѣлають время это чрезвычайно хлопотливымъ и тягостнымъ, наипаче если снаряжается судно совершенно новое и никогда въ морѣ не бывшее. Покуда судно находится въ портѣ, возможность удовлетворять всѣмъ надобностямъ, мнимымъ или существеннымъ, и даже прихотямъ, раждаетъ безпрестанно новыя работы, и судно никогда не бываетъ готово, сколько бы ни приготавлилось. Съ выходомъ только на рейдъ принимаетъ оно нѣкоторый видъ готовности, получая первый урокъ того, что въ послѣдствіи во всемъ пространствѣ испытываетъ, — ограничиваться собственными средствами. По этому спѣшимъ мы всегда выходить на рейдъ, имѣя иногда большую часть вещей *rêlé-mêle*, за исключеніемъ тѣхъ, конечно, кои необходимо тщательной укладки требуютъ.

Точно въ такомъ видѣ вышли мы 4 (*) Августа 1826 года на малый рейдъ. Разныя необходимыя работы и приемы продолжались еще болѣе недѣли. 14 Августа сдѣланъ намъ былъ смотръ и объявлено приказаніе при первомъ благополучномъ вѣтрѣ отправиться въ путь; 19-го перешли мы на большой рейдъ, а 20-го при самомъ тихомъ вѣтрѣ отъ SO, пошли въ море, вмѣстѣ съ нѣсколькими десятками купеческихъ судовъ. Къ вечеру весь горизонтъ покрылся дымомъ, уподоблявшимся густѣйшему туману. Необычайные жары и засухи того лѣта не только произвели лѣсные пожары во всѣхъ окрестностяхъ Петербурга, но иссуша болота воспламенили самую землю и неоднократно приводили подгородныя селенія и дачи въ великую опасность, для отвращенія которой нужны были усилія цѣлыхъ полковъ, кои дѣлая перекопы, замедляли пожары, не всегда будучи въ состояніи ихъ остановить. Дымъ по цѣлымъ днямъ затмѣвалъ солнце, и тогда только можно было дышать свободнѣе, когда морскимъ вѣтромъ относило его отъ берега. Можно посудить о великости сего общественнаго бѣдствія потому, что до самаго острова Гохланда, на разстояніи 130 верстъ окружены были сею дымною мглою, и должны были идти ощупью, не видя ни береговъ ни маяковъ. Она разлучила насъ съ *Моллеромъ*, котораго, когда дымъ прочистился, ни въ которой сторонѣ видно не было. Тихіе вѣтры очень замедляли наше плаваніе; островъ *Гохландъ* прошли мы не прежде 22-го, а 26-го были еще только у *Оденсгольма*. Въ семь мѣстъ во время штиля видѣли мы нѣ-

(*) Въ сей книгѣ всегда употребляется старый штиль.

сколько смерчей, опускавшихся къ морю изъ густаго и чернаго облака, обложившаго горизонтъ отъ S до W. Мы сожалѣли что не могли разсмотрѣть ближе сего примѣчательнаго и здѣсь рѣдкаго явленія; мы могли замѣтить только, что по приближеніи водянаго столба къ морю, вода подымалась къ нему въ видѣ паровъ.

Въ ночи на 27-е миновали мы мысъ *Дагерортъ* и сопутствуемые свѣжимъ попутнымъ вѣтромъ быстро неслись впередъ, и уже рассчитывали когда достигнемъ Зунда, забывъ о непостоянствѣ стихій, во власти коихъ находились. Вскорѣ сдѣлался совершенно намъ противный, весьма крѣпкій вѣтеръ. Это была первая изъ равноденственныхъ бурь, кои въ теченіи 10 ти дней слѣдовали одна за другою почти безъ перемѣжки, и все намъ противныя. Во все это время мы по большей части не столько о томъ думали, чтобы подаваться впередъ, какъ чтобъ не быть прижату къ опаснымъ берегамъ, подъ вѣтромъ у насъ находившимся. Година испытанія во всѣхъ отношеніяхъ! Въ началѣ похода обыкновенно ничто порядочно не приложено и не установлено, — все падаетъ и ломается, вода чрезъ полубортики льется ручьями, большая часть спутниковъ лежитъ въ морской болѣзни.... Но сколь ни непріятно такое *посѣщеніе на новоселье*, оно имѣетъ и свою выгоду: качества судна испытываются, многіе недостатки въ устройствѣ и размѣщеніи открываются и исправляются, непривыкшіе къ морю съ нимъ знакомятся, и всѣ послѣ того съ бѣльшею увѣренностію и спокойствіемъ смотрятъ на обширное поприще, въ которое пускаются. Къ 6 Сент. достигли мы только до меридіана мыса *Гобореа*, южной оконечности острова *Готланда*;

но здѣсь получили весьма свѣжій восточный вѣтеръ, съ помощію котораго на слѣдующій же вечеръ пришли въ *Кёге* бухту; а 8-го поутру положили якорь на Копенгагенскомъ рейдѣ.

Мы встрѣтились здѣсь съ шедшими изъ Архангельска въ Кронштатъ кораблями *Азовомъ* и *Іезекиилемъ*, подъ начальствомъ Капитана *Лазарева* — имена, коимъ суждено было чрезъ годъ пріобрѣсти знаменитость подъ стѣнами Наварина. Кромѣ удовольствія встрѣтиться съ соотечественниками своими на чужбинѣ, обрадовались мы встрѣчѣ сей еще и потому, что могли доставить о себѣ вѣсти въ Россію, гдѣ объ насъ конечно начинали заботиться.

Моллеръ соединился съ нами не прежде 11-го числа. Не будучи въ состояніи удержаться въ морѣ, принужденъ онъ былъ спускаться въ *Аренсбургскій* заливъ, на островъ *Эзелъ*. Я полагалъ, что по соединеніи съ *Моллеромъ* мы немедленно отправимся въ дальнѣйшій путь; но Капитанъ *Станюковичъ* разсудилъ запастись здѣсь нужнымъ на кампанію ромомъ и нѣкоторыми другими вещами, что насъ задержало до 15-го числа, и задержало бы еще долѣе безъ дѣятельнаго участія нашего Генеральнаго Консула Г. Статскаго Совѣтника *Гершау*. 15-го Сентября рано поутру пошли мы въ море и въ 11 часовъ миновали Ельсегеръ. Въ семь мѣстъ обыкновенно берутъ лоцмановъ для Сѣвернаго моря, но изъ нихъ весьма рѣдкіе имѣютъ достаточныя свѣдѣнія и опытность, чтобы принести какую нибудь пользу; напротивъ того неоднократно случалось, что они упрямствомъ своимъ запутывали и затрудняли мореходцевъ, и потому мы сочли лучшимъ идти однимъ. Съ весьма крѣпкимъ вѣтромъ

отъ S пробѣжали мы Категать въ одинъ день; но прошедши *Скагенскій* маякъ, встрѣтили противный вѣтеръ, который вскорѣ совершенно затихъ. *Моллеръ* находившійся вовсе время впереди, около 2 хъ часовъ ночи вдругъ отсталъ: по утру увидѣли мы его безъ фор-марселя.

Чрезъ все Сѣверное море шли мы съ вѣтрами болѣе попутными нежели противными, но всегда тихими, и потому весьма медленно. 21-го были мы на *Доггеръ* - банкѣ. Сопутникъ нашъ, шедшій лучше, всякій день болѣе и болѣе насъ опережалъ и напоследокъ совсѣмъ скрылся изъ вида. 22-го сдѣлался наконецъ свѣжій NW вѣтеръ и доставилъ намъ весьма успѣшное плаваніе; въ слѣдующее утро прошли мы чрезъ многочисленный флотъ Ярмутскихъ лоцмановъ, доказательство близости берега Англіи, а ввечеру подошли къ пловучему маяку на Галоперской мели, въ самое то время когда его зажигали. Большое волненіе качало его ужаснымъ образомъ; голова кружилась смотрѣть на него; и не лзя было не пожалѣть сердечно объ участи на немъ живущихъ. Одна только закоренѣлая отъ мягкихъ ногтей свычка съ моремъ можетъ сдѣлать такое положеніе сноснымъ; и потому здѣсь, какъ и вездѣ, въ смотрители маяковъ опредѣляются исключительно старые, выслужившіе моряки. Руководимые превосходными маяками освѣщающими юговосточную часть Англіи прошли мы ночью, при весьма большомъ ходѣ, всѣ опасности, коими Доверскій проливъ усѣянъ, а на слѣдующее утро заштили въ виду острова *Вайта*. Лоцмана не замедлили къ намъ выѣхать и между ими по странному случаю одинъ старый мой знакомый, который 9 лѣтъ назадъ

вводилъ на *Спитеедскій* рейдъ шлюпъ Камчатку; натурально, что ему было отдано предпочтеніе предъ другими. Въ ночи 25 получили тихій вѣтеръ отъ SW, съ которымъ по утру пришли въ *Спитеедъ* и стали въ одномъ кабельтовѣ отъ *Моллера*, не задолго до насъ пришедшаго.

Позднее прибытіе въ Англію налагало на насъ обязанность поспѣшить всевозможно окончаніемъ здѣсь дѣлъ нашихъ; ибо въ позднюю осень часто случается цѣлымъ конвоямъ лежать по нѣскольку недѣль на Портсмутскомъ рейдѣ, не видя возможности выдти въ море, за господствующими въ то время западными вѣтрами. Подобная задержка могла бы имѣть вредное вліяніе на все продолженіе путешествія.

Пребываніе наше здѣсь зависѣло отъ того, какъ скоро кончимъ мы дѣла въ Лондонѣ, гдѣ намъ слѣдовало пріискать и купить бѣольшую часть нужныхъ Астрономическихъ и Физическихъ инструментовъ и множество другихъ вещей, а мнѣ сверхъ того надлежало сдѣлать опыты надъ *постояннымъ маятникомъ*, который я имѣлъ приказаніе взять съ собою. Но и въ самомъ Портсмутѣ имѣли мы не мало дѣла; мы должны были взять по два цѣпные каната, съ принадлежащими къ нимъ якорями, — вещь необходимая для судовъ назначенныхъ плавать въ неизвѣстныхъ моряхъ, а наипаче между коралловыми островами. Для цѣпей сихъ надлежало передѣлать брашпили и клюзы, устроить мѣста внутри шлюпа, и проч. Къ тому присоединились разныя другія передѣлки и исправленія, кои время и опытъ показали намъ необходимыми. Все это должны мы были начать при себѣ, дабы шлюпы могли приготовляться и

въ наше отсутствіе. Это задержало насъ въ Портс-
мутъ около недѣли.

Въ Лондонѣ не могли мы ни какъ прежде двухъ
недѣль отдѣлаться. Большую часть сего времени за-
няли опыты надъ маятникомъ. Хотя заранѣе зака-
занный приборъ нашли мы совершенно уже готовымъ,
но исходатайствованіе дозволенія о произведеніи сихъ
опытовъ на Гринической обсерваторіи — одно мѣсто,
гдѣ оныя могли съ успѣхомъ быть произведены — пе-
ревозка прибора туда и обратно, самые опыты при-
надлежащіе къ числу труднѣйшихъ въ опытной фи-
зикѣ, не могли бы быть окончаны и въ сіе время
безъ пособія и участія Гг. *Барро*, Секретаря Адми-
ралтейства, Профессора *Барло* и Гг. Гриническихъ
Астрономовъ, которымъ не менѣе какъ и Гг. Капи-
танамъ *Парри*, *Горсбору* и *Сабину* считаю я себя
въ обязанности изъявить искреннюю мою признатель-
ность, за оказанную ими готовность споспѣшество-
вать содѣйствіемъ и совѣтами успѣшному исполненію
дѣлъ нашихъ.

15 Октября возвратились мы въ Портсмутъ; на
пюнахъ оставалось еще не мало работы, которой
успѣхи вовсе не соотвѣтствовали нетерпѣнію нашему,
частію отъ многими замѣченной медленности съ ка-
кою Англійскіе мастеровые работаютъ, частію отъ
крѣпкихъ вѣтровъ, нерѣдко останавливавшихъ пріѣздъ
мастеровыхъ и подвозку разныхъ вещей. Мы сдѣлали
ошибку, что съ самаго начала не испросили позволенія
войти въ гавань, что намъ много сохранило бы вре-
мени. Крѣпкіе вѣтры наипаче затрудняли наливку
воды и погрузку тяжелыхъ вещей, для которыхъ
нужно было грузовымъ судамъ держаться у самого

борта, чего при большемъ волненіи сдѣлать не возможно. Подобную задержку имѣли мы и въ самые послѣдніе дни. *Сенявину* оставалось взять до 30 тонновъ воды и отдать два большіе якоря, вмѣсто взятыхъ здѣсь, къ чему вѣтры не позволяли намъ приступить прежде 21 Октября. Къ утѣшенію нашему служило то, что во все это время продолжались вѣтры отъ W и NW, совершенно намъ противные. Но въ этотъ день вѣтеръ перешель къ N, по чему мы приложили всѣ усилія къ окончанію работы, дабы пользуясь имъ можно было въ слѣдующій день выйти въ море.

ГЛАВА II.

Плаваніе отъ Портсмута до Тенериффы и Ріо-Жанейро. Пребываніе въ сихъ мѣстахъ.

Хотя работа, и самая тяжелая, продолжалась наканунѣ до поздней ночи, однакожь мы 22 Октября гораздо прежде свѣта начали подымать якоря. Благополучный для выхода въ океанъ вѣтеръ есть въ настоящее время года такая драгоценность, которою должно всемѣрно пользоваться. *Моллеръ*, успѣвшій еще на канунѣ поднять одинъ якорь, снялся прежде насъ и подошедъ къ намъ подъ корму, объявилъ что будетъ насъ ожидать въ морѣ. Послѣдовавъ чрезъ нѣкоторое время за нимъ, мы его уже болѣе не видали. Прекрѣпкій NNO вѣтеръ ускорилъ плаваніе наше такъ, что мы ввечеру миновали *Портландскіе* маяки — послѣдній пунктъ береговъ Европы нами видѣнный — а въ слѣдующее утро были уже въ океанѣ, гдѣ нашли тотъ же вѣтеръ, но по причинѣ великаго волненія гораздо болѣе прежняго насъ беспокоившій; шлюпъ былъ перегруженъ и качка какую мы претерпѣвали превосходить всякое описаніе, — но успѣшное плаваніе заставляло насъ забывать всѣ безпокойства. Выступленіе изъ канала въ позднюю осень есть подвигъ,

на который мореходец готовится всегда съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Узникъ освободившійся изъ неволи не съ бѣльшимъ нетерпѣніемъ и радостію перебѣгаетъ разстояніе раздѣляющее его отъ рубежа родной земли, какъ мы отсчитываемъ каждый градусъ уменьшенной широты и привѣтствуемъ наконецъ тропическое небо, видя себя внѣ опасности быть отброшенными назадъ жестокими западными бурями.

Вѣтръ продолжавшійся между N и NO съ уменьшавшеюся постепенно силою, въ 5 дней донесъ насъ до параллели мыса *Финистерра*, гдѣ послѣ кратковременной тишины получили мы опять ровный, совершенно подобный пассадному вѣтръ между O и ONO. Плаваніе наше было успѣшно и единообразно. Изрѣдка показывались въ разныхъ направленіяхъ суда, слабо утѣшавшія Гг. Натуралистовъ въ совершенномъ отсутствіи всѣхъ живыхъ существъ — насъ окружала пустота, на которую они столько же жаловались какъ въ свое время *Гумбольдтъ*.

31 Октября миновали мы островъ *Порто Санто*, отъ котораго взяли курсъ къ острову *Тенериффъ*, поелику мнѣ извѣстно было намѣреніе Капитана *Станюковича* зайти туда, чтобы запастись виномъ. На разсвѣтъ 2 Ноября находились мы уже подъ берегомъ острова и пошли на *Санта-Круцскій* рейдъ. Устремившись съ зрительными трубами впередъ, тщетно искали мы между нѣсколькими на якоряхъ лежавшими судами нашего спутника, — а подойдя ближе увидѣли на берегу предъ самымъ городомъ выказывающуюся изъ воды кормовую часть довольно большаго судна съ бортами — возлѣ неѣ нѣ-

сколько палатокъ изъ парусовъ. — Признаюсь, что видъ сей потрясъ мою душу. Нетерпѣливо желая разрѣшить непріятное сомнѣніе, опросили мы лавировавшій намъ на встрѣчу Англійскій бригъ и успокоились узнавъ отъ него, что обломки тѣ принадлежатъ Гаванскому судну выброшенному на берегъ бу-рею, нѣсколько дней назадъ здѣсь свирѣпствовавшей. Вскорѣ встрѣчены мы были портовымъ лоцманомъ, имѣвшимъ на своей лодкѣ синій флагъ съ бѣлымъ якоремъ, который привелъ насъ на рейдъ и поставилъ на якорь въ приличномъ мѣстѣ, объявля притомъ, что прежде всякаго сообщенія съ берегомъ должны мы выждать посѣщенія карантинныхъ чиновниковъ.

Сосѣдство мѣстъ безпрестанно посѣщаемыхъ чумою и желтою горячкою и частыя съ ними сношенія причиною великихъ осторожностей, принимаемыхъ здѣсь противу приходящихъ съ моря судовъ. Достаточно придти изъ Средиземнаго моря, чтобы подвергнуться обсервационному карантину, болѣе или менѣе продолжительному. Капитанъ *Фресинетъ* останавливавшійся на нѣсколько дней въ Гибралтаръ совсѣмъ не былъ допущенъ въ городъ. Мы были счастливы, потому что пришли изъ мѣстъ ни мало не подозрительныхъ. Карантинные чиновники, посѣтившіе насъ чрезъ часъ по прибытіи на рейдъ, объявили намъ *свободную практику*. Вмѣстѣ съ ними пріѣхалъ къ намъ переводчикъ Правительства *Донъ Педро Родригесъ*, Агентъ дома *Литтль и Ко.* въ Оротавѣ, къ которому мы имѣли рекомендательныя письма изъ Англіи, такъ что мы тутъ же могли сдѣлать распоряженіе къ снабженію насъ всѣмъ нужнымъ.

Первое извѣстіе намъ сообщенное было объ ужасномъ ураганѣ свирѣпствовавшемъ здѣсь съ 23-го по 27-е Октября, какого не только никто изъ живущихъ не запомнить, но по преданіямъ не бывало съ самаго завоеванія острововъ *Канарскихъ*. Въ продолженіе его погибло на Санта - Крузскомъ рейдѣ три судна: одно, котораго остатки мы видѣли, и другія два попавшія на молу и раздробленныя въ щепы въ нѣскольکو минутъ, съ которыхъ часть экипажей спаслась какъ бы чудомъ. На островъ *Канаріи* разбилось въ то же время до 10-ти судовъ. Буря сія сопровождалась ужаснымъ ливнемъ, двое сутокъ продолжавшимся и причинившимъ великія опустошенія. Вода, стремясь ущеліями съ горъ, покрыла всѣ ровныя мѣста, сады, стѣны, зданія все было увлекаемо неукротимою стихіею; многихъ обширныхъ плантацій не осталось и слѣдовъ — мѣсто ихъ заступила голая лава; одна изъ крѣпостей была почти со всѣмъ смыта и нѣсколько пушекъ съ нее унесены въ море; множество домовъ въ городѣ раззорены; многія улицы сдѣлались непроходимыми. Число погибшихъ полагали отъ 300 до 400 человекъ, а убытокъ въ нѣсколько милліоновъ піастровъ. Многіе думали, что было землетрясеніе, ибо найдены въ горахъ разсѣлины которыхъ прежде не было, и двери, запертыя на замкахъ, сами собою отворялись. Мы застали жителей въ полномъ ужасѣ отъ этой физической революціи; ни о чемъ болѣе не говорили какъ объ ураганѣ. Это напомнило намъ бѣдствіе постигшее Петербургъ за два до того года.

О спутникѣ нашемъ здѣсь не было ни какихъ извѣстій, это убѣдило меня что онъ прошелъ прямо въ Бразилію. Соединясь съ нимъ въ послѣдствіи

узнали мы, что проходя мимо острова *Тенериффы* при весьма свѣжемъ вѣтрѣ отъ востока, Капитанъ *Станюковичъ* не разсудилъ идти на Санта-Круцскій рейдъ, который отъ сего вѣтра совершенно открытъ и въ зимнее время вообще весьма опасенъ. Я конечно и самъ то же сдѣлалъ бы еслибъ не полагалъ навѣрное здѣсь съ нимъ соединиться. Обманувшись въ этомъ, рѣшился я, дабы не терять времени, дополняя только запасы въ слѣдующій же день идти въ море. Со всѣмъ тѣмъ сдѣлало это намъ великую разницу, какъ увидимъ послѣ.

Намѣреніе мое весьма не нравилось Гг. естествоиспытателямъ нашимъ, которыхъ мысли летали на снѣжной вершинѣ Пика и которымъ одного дня казалось слишкомъ недостаточно для обозрѣнія однихъ главнѣйшихъ естественныхъ достопримѣчательностей острова; но покоряясь необходимости долженъ я былъ, къ сожалѣнію, отказать имъ въ удовольствіи дальнѣйшаго здѣсь пребыванія. Чтобы по крайней мѣрѣ воспользоваться тѣмъ что обстоятельства представляли, съѣхали они въ самый день прибытія на берегъ и испрося позволеніе Губернатора, Генерала *Уріарте*, тогда же отправились внутрь острова.

Мои занятія ограничились здѣсь попеченіемъ о снабженіи шлюпа и о изготовленіи его къ морю. Размѣнявшись съ крѣпостью салютами, съѣхалъ я на берегъ въ сопровожденіи депутаціи, присланной ко мнѣ отъ Губернатора съ обычными привѣтствіями и предложеніями услугъ. Оффиціальныя визиты Губернатору, Портовому и Городовому Начальникамъ и нѣсколько другихъ заняли одну часть дня; другую провелъ я въ прогулкѣ по городу и окрестностямъ, гдѣ

на каждомъ шагѣ встрѣчались слѣды опустошеній, бурею причиненныхъ: взрытыя мостовыя, заваленныя улицы, разрушенныя стѣны и цѣлые дома. Ввечеру возвратился я на шлюпъ, куда между тѣмъ доставлено было всё нами заказанное, и мы въ то же время снялись съ якоря.

Ученыя творенія Bory de St Vincent, *Гумбольдта*, *Леопольда фонъ Буха*, на долго избавили путешественниковъ отъ обязанности говорить много объ островѣ *Тенериффъ*, особенно же послѣ однодневнаго пребыванія. Все что можно бы сказать объ общей фizioноміи города, объ образѣ жизни обитателей, о бѣдности народа и пр. и пр. было бы только повтореніе сказаннаго тамъ и лучше и основательнѣе. Но съ другой стороны вы замѣчаете съ перваго взгляда, что съ тѣхъ поръ долженствовала произойти здѣсь въ отношеніяхъ общественныхъ не малая перемѣна; вы тщетно ищете того множества праздныхъ и не всегда пристойныхъ монаховъ, кои шатались толпами по всѣмъ улицамъ къ стыду и соблазну какъ туземцевъ, такъ и путешественниковъ; всѣ повѣствованія сихъ послѣднихъ выражаютъ непріятныя впечатлѣнія, кои встрѣчи сіи на нихъ производили; — теперь встрѣчаете вы только изрѣдка бѣлыхъ, весьма скромной наружности священниковъ. Вотъ причина тому: оскорбленія которымъ первые неоднократно подвергались отъ черни во время безпокойствъ подѣ правленіемъ кортесовъ съ 1820 по 1823 годъ (*), значительно

(*) Намъ объяснили здѣсь загадочный и вовсе не Европейскій поступокъ здѣшней крѣпости противу нашего шлюпа *Предпріятіе* въ 1823 году. Капитанъ *Коцебу* намѣревался остановиться

уменьшили число ихъ; остальные взяли привычку меньше показываться въ народъ.

Другая вещь, по временамъ здѣсь измѣнявшаяся, есть качество и цѣна съѣстныхъ припасовъ, относительно коихъ находимъ мы великое разногласіе между разными путешественниками. Я потому здѣсь объ этомъ упоминаю, что съѣстные припасы составляютъ предметъ первой важности для мореплавателя. *Кукъ* (въ Августъ) нашелъ всѣ вообще припасы дешевыми и хорошими и отдаетъ сему мѣсту рѣшительное преимущество предъ островомъ *Мадерою* для освѣженія судовъ отправляющихся въ дальный путь. *Ванкуверъ* (въ Маѣ) нашелъ вино, воду и говлдину хорошими, но плоды, зелень, куръ и вообще всякую живность весьма посредственными и безмѣрно дорогими; *Лабиллардьеръ* (въ Октябрѣ) изобиліе въ овощахъ за исключеніемъ капусты, которая была мелка и весьма дорога; *Крузенштернъ* (въ Октябрѣ) всѣ припасы безъ изыятія весьма дорогими. Для сравненія прилагаются при семъ цѣны припасовъ въ наше время.

Говядины фунтъ	35 коп.
Баранъ отъ 25 до 35 фунт.	17 р. 50

въ *Санта Крузъ*, но его привѣтствовали ядрами и принудили тѣмъ продолжать путь прямо въ Бразилію. Тогдашній Губернаторъ, отчаянный республиканецъ, счелъ для себя непозволительнымъ принять судно, принадлежащее союзнику законнаго его Государя. Одинъ изъ Консуловъ въ *Санта Крузъ* сказывалъ намъ, что на настояніе его о допущеніи къ порту шлюпа, который можетъ статься имѣть въ томъ крайнюю надобность, Губернаторъ отвѣчалъ. «Въ такомъ случаѣ онъ пришлетъ парламентера и тогда я буду готовъ оказать ему всевозможную помощь; безъ того же не могу.»

Курица	1	р. 45
Утка	2	35
Апельсиновъ тысяча	14	50
Капусты весьма крупной 100 кочней	28	75
Тыква	1	
Анкерокъ воды		65
Вина лучшаго пипа	500	—
— — — низшаго пипа	300	—

Все это разумѣется съ доставкою на судно и за всѣми расходами; слѣдственно всѣ цѣны весьма умеренныя. Только вино обошлось намъ дорого; мы въ этомъ подверглись общей участи иностранцевъ: съ насъ взяли лишнее; настоящая же цѣна вину перваго разряда отъ 400 до 450 рублей.

Вышедши въ море старались мы какъ можно скорѣе удалиться отъ острова, однако же въ слѣдующее утро находились еще въ виду его, и за то были награждены зрѣлищемъ *Пика де Тейде*, показавшагося намъ на нѣсколько минутъ во всемъ своемъ величїи.

Вѣтеръ, донесшій насъ до острова *Тенериффы*, дулъ и во все время стоянки нашей такъ постоянно, что я принялъ его за настоящій пассадъ; но сильно ошибся. Вышедъ въ море встрѣтили мы SW вѣтры, частію и безвѣтрія, съ зыбью, томившіе насъ болѣе 10 дней. Мы непрїятнымъ образомъ испытали, какъ въ мореплаваніи важна бываетъ потеря одного дня. Шлюпъ *Моллеръ*, не останавливавшійся у *Тенериффы* и воспользовавшійся стоявшимъ тогда NO вѣтромъ, былъ уже въ тропикахъ и плылъ съ благопрїятными вѣтрами, между тѣмъ какъ мы были по нѣскольку дней почти на одномъ мѣстѣ. Уди-

вительная пустота, насъ окружавшая, дѣлала положеніе наше еще непріятнѣе. Разъ или два видѣли мы бонитовъ, и однажды только потѣшила Гг. натуралистовъ летучая рыба, ударившаяся въ шляпу рулевого и отпрянувшая на палубу.

15 Ноября въ широтѣ $21\frac{1}{3}^{\circ}$ и долготѣ 21° получили мы наконецъ пассадный вѣтеръ, съ которымъ плаваніе наше стало нѣсколько успѣшнѣе. Острова Зеленаго мыса, кои мнѣ хотѣлось осмотрѣть для повѣренія хронометровъ, проходили мы при жестокомъ вѣтрѣ и проливномъ дождѣ; я не воображалъ чтобы пассадъ въ Атлантическомъ океанѣ достигалъ до такой силы. Онъ сопровождалъ насъ до широты 8° N. Здѣсь 23 Ноября встрѣтили мы тишину продолжавшуюся съ весьма малыми перемѣжками двѣ недѣли, въ которыя мы съ трудомъ достигли широты 5° . Полоса раздѣляющая пассадные вѣтры, есть всегдашнее мѣсто страданій мореходцевъ, переходящихъ изъ одного полушарія въ другое. Но безпрестанные шквалы, сопровождаемые жестокими грозами и ливнями, здѣсь обыкновенно встрѣчаемые, безпокоя его, даютъ въ тоже время средства съ успѣхомъ перемѣнять мѣсто; — мы же страдали отъ другой крайности: безвѣтрій и знойнаго неба; всякое на горизонтѣ показавшееся облачко встрѣчаемо было съ радостію, какъ предвѣстникъ вѣтра, и исчезало всегда не защита насъ отъ палящихъ лучей солнца. Всегдашняя пустота кругомъ усугубляла скуку нашего положенія: только изрѣдка жадная акула, и еще рѣже фрегаты или петрель нарушали тишину около насъ царствовавшую.

Къ счастію непрерывные жестокіе жары не имѣли вреднаго вліянія на здоровье нашихъ людей.

Въ началѣ похода имѣли мы всегда по нѣскольку человекъ больныхъ, большею частію простудными и желудочными лихорадками, ревматическими припадками, и. т. п. Усиленные работы въ теченіе четырехъ или пяти мѣсяцевъ, при снаряженіи судна и въ началѣ плаванія, были причиною сего болѣзненнаго расположенія, которое меня не мало заботило; но со вступленіемъ въ теплый климатъ, гдѣ трудовъ было гораздо меньше, они видимо укрѣпились въ здоровьѣ; а около сего времени мы не имѣли ни одного больного. Лишнее было бы говорить, что со стороны врача и моей обращено было строжайшее вниманіе на все что могло служить къ сохраненію людей.

6 Декабря, въ день сугубо для насъ торжественный, избавились мы наконецъ изъ непріятнаго положенія нашего получа SO пассадъ, который въ первые четыре дни дулъ тихо и непостоянно, но послѣ установился, и пособилъ намъ 13 Декабря пересѣчь Экваторъ въ долготѣ $24\frac{1}{2}^{\circ}$ W, послѣ 40-дневнаго плаванія отъ Канарскихъ острововъ — самое неудачное изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ. Изъ множества путешествій на шлюпѣ находившихся, продолжительнѣйшее плаваніе имѣлъ Адмиралъ *Д' Антркасто* — 36 дней; напротивъ того удачнѣйшее Капитанъ *Головинъ* на *Камчаткѣ* — 18 дней.

Мы не забыли матроскаго игрища совершаемаго обыкновенно при первомъ переходѣ черезъ экваторъ. Въ нашъ вѣкъ просвѣщенія, эгоизма и ироніи игрище сіе стало выводиться изъ обыкновенія, какъ остатокъ времени варварскихъ, даже на Англійскихъ судахъ, гдѣ прежде обрядъ сей соблюдаемъ былъ съ нѣкотораго рода торжественностію. Едва ли есть чему

радоваться ! Называютъ его смѣшнымъ , глупымъ , но тоже самое болѣе или менѣе относится ко всякому игрищу. *Нептуналии* наши обрядъ не только совершенно невинный , но и весьма полезный ; онъ развлекаетъ , веселитъ людей непривыкшихъ еще къ томительному единообразію морской жизни , и всякій пекущійся о своихъ людяхъ капитанъ долженъ поощрять ихъ не только къ сему , но и ко всякому роду игрищъ и забавъ.

День сей замѣчателенъ для насъ такъ же по необыкновенной оживленности моря , составлявшей разительную противоположность съ пустотою царствовавшей по сѣверную сторону экватора. Бониты и албикоры гонялись за летучими рыбами , акулы за бонитами , летучія рыбы огромными стадами поднимались на воздухъ , бониты выпрыгивали за ними въ слѣдъ , производя со всѣхъ сторонъ всплески , какъ отъ рикошетныхъ выстрѣловъ въ морскомъ сраженіи. Нѣсколько албикоровъ достались и намъ въ добычу.

Отсюда дальнѣйшее плаваніе было успѣшно и весьма единообразно. 26 Дек. увидѣли мы мысъ *Фріо* , а на другой день ввечеру въ жестокую грозу и при проливномъ дождѣ положили якорь въ заливъ *Ріо Жанейро*. Полчаса спустя имѣлъ я удовольствіе увидѣть у себя Капитана *Станюковича* , который опередилъ насъ десятью днями.

Дальнѣйшій отсюда путь Капитанъ Станюковичъ рѣшился взять около мыса Горна. Тѣмъ нужнѣе было намъ поспѣшать по возможности окончаніемъ всѣхъ дѣлъ : поелику удобное для сего плаванія время

подходило уже къ концу. Съ помощію Консула нашего Г. Кильхена приняты были безъ малѣйшей потери времени всѣ мѣры къ успѣшнѣйшему исправленію судна и снабженію его всѣми потребностями. Наблюденія астрономическія и физическія также не были забыты, для произведенія коихъ переселился я на все время въ *Праія-Гранде*, на Восточной сторонѣ губы, гдѣ нашлось весьма удобное для сихъ работъ мѣсто. Все мое время посвящено было симъ занятіямъ; я ничего не видѣлъ и почти ни съ кѣмъ не видѣлся; въ городъ былъ только два раза для необходимыхъ дѣлъ. По всему этому конечно никто не будетъ ожидать, чтобы я сказалъ что нибудь новое о странѣ, которая съ каждымъ днемъ становится болѣе и болѣе извѣстною въ Европѣ.

8-го Января перебрался я обратно на шлюпъ; слѣдующіе за тѣмъ три дня прошли въ окончательномъ изготовленіи судна къ морю, составленіи выписокъ изъ произведенныхъ здѣсь наблюденій, для отсылки въ Россію и пр.; наконецъ 11-го могъ я извѣстить Капитана Станюковича о совершенной моей готовности.

ГЛАВА III.

*Плаваніе отъ Ріо-Жанейро вокругъ мыса
Горна до губы Захатія и Вальпарейзо.
Пребываніе въ сихъ мѣстахъ.*

Въ тотъ же день по сигналу со шлюпа *Моллеръ* подняли мы одинъ якорь, а въ слѣдующее утро вступили подъ паруса; но до наступленія морскаго вѣтра успѣли дойти только до крѣпостцы *Низменной* (Fort de Lage). 14-го по утру съ береговымъ вѣтромъ удалились отъ береговъ столько, что съ наставшимъ въ 10-мъ часу морскимъ, могли подъ всеми парусами взять курсъ S. Прибрежный муссонъ донесъ насъ въ двое сутокъ до широты $27\frac{1}{2}^{\circ}$; тутъ послѣ нѣкоторыхъ переменъ насталь опять N вѣтеръ и плаваніе наше было по прежнему успѣшно. Проходя рѣку Ла Плату имѣли мы на короткое время крѣпкій вѣтеръ отъ SW, а потомъ опять благополучный изъ NW четверти. 22-го Янв. удивила насъ встрѣча большаго стада летучихъ рыбъ. Мы тогда были въ широтѣ $37\frac{1}{2}^{\circ}$, и Реомюровъ термометръ показывалъ только 13° , такъ что и самимъ намъ становилось уже свѣжо. 26-го Янв. достигли мы уже широты $42\frac{3}{4}^{\circ}$ S и долготы 55° W. Пользуясь тишиной, въ семь мѣстъ насъ застигшей,

привязали мы новые паруса, готовясь къ безпокойному плаванію около мыса *Горна*. Г. Натуралисты также употребили сей день въ пользу для обогащенія коллекцій своихъ многими экземплярами птицъ, коихъ число около насъ съ приближеніемъ къ Фалкландскимъ островамъ примѣтно возрастало. Мы весьма часто сообщались съ нашимъ спутникомъ и когда обстоятельства позволяли, посѣщали другъ друга и дѣлились добычами охоты и рыбной ловли.

2-го Февраля на разсвѣтъ увидѣли NO-ю часть *Фалкландскихъ* острововъ а въ 10 часовъ миновали, въ разстояніи около 10 миль, устье обширной губы ознаменованной несчастнымъ концемъ путешествія Капитана *Фресинета*, потерпѣвшаго тутъ кораблекрушеніе. Свѣжій NO вѣтеръ быстро пронесъ насъ мимо сего берега, который около полудни скрылся въ пасмурности.

4 Февраля прошли мы параллель земли Штатовъ въ долготѣ 60° и съ сего времени стали, какъ говорится, *огибать* мысъ *Горнъ*, который не замедлилъ сдѣлать намъ обычное свое привѣтствіе. Ввечеру сдѣлалась буря отъ Запада, во всю ночь жестоко свирѣпствовавшая, съ дождемъ и великимъ волненіемъ. Поутру *Моллера* было не видно; густая пасмурность покрывала горизонтъ; на сигналы наши отвѣта не было; мы разлучились. Спутствіе судна необыкновенно оживляетъ вѣчную единообразность продолжительнаго плаванія; — пріятно видѣть, что есть кромѣ насъ человѣческія существа на свѣтѣ; и между судами рождается наконецъ такая же свычка, какъ между обитателями того же судна. Къ тому присоединяется темное чувство о необходимости взаимной помощи;

судно оставшееся одно посреди океана, уподобляется человеку одинокому въ степи; и сходныя эти положенія дѣлають на него равно непріятное впечатлѣніе. Собственно для меня разлученіе сіе было тѣмъ непріятнѣе, что Капитанъ *Станюковичъ* не назначалъ еще мнѣ *рандеву* (*), а потому и не зналъ я гдѣ онъ именно остановится, въ губѣ ли *Загатія* или въ *Вальпарейзо*; я полагалъ однако же, что въ первомъ мѣстѣ какъ указанномъ намъ инструкціями, и потому рѣшился сначала искать его тамъ.

Западные, большею частію крѣпкіе вѣтры, сопровождаемые, какъ обыкновенно, большимъ волненіемъ и зыбью продолжались 10 дней. Пользуясь каждою ихъ переменною переменяли мы долготу довольно хорошо и 13-го Февраля прошли меридіанъ мыса *Горна*, въ широтѣ около 61° . Въ слѣдующій день имѣли кратковременную, но за то весьма жестокую бурю. 15-го были въ широтѣ $61\frac{1}{4}^{\circ}$ — наибольшее наше удаленіе къ Югу. Отсюда вѣтры намъ болѣе благопріятствовали и отходя то къ N, то къ S, позволяли съ успѣхомъ переменять какъ широту, такъ и долготу; такъ что мы 24-го Февраля прошли уже параллель *Магелланова* пролива, оплывъ такимъ образомъ *Огненную Землю* въ 19 дней, — плаваніе довольно удачное въ столь позднее время года. Погода во всё это время продолжалась сырая и холодная, туманъ, мелкій дождь, снѣгъ, градъ смѣнялись между собою; горизонтъ очищался весьма рѣдко, а солнце показывалось сквозь мракъ на одно только мгновеніе; термометръ *Реом:* стоялъ обыкновенно между $+ 2^{\circ}$ и $+ 4^{\circ}$. Со всѣмъ

(*) Это у насъ техническое выраженіе.

тѣмъ положеніе наше было весьма сносно; мы ни въ чемъ не нуждались; продолжительныхъ бурь не имѣли вовсе; а топившаяся съ утра до вечера въ жилой палубѣ печь сохраняла людей и отъ холода и отъ сырости. Я зябъ болѣе другихъ, ибо въ каютѣ моей термометръ не поднимался выше 5° и 6° . Въ Петербургѣ при такой температурѣ въ комнатахъ казалось бы невозможнымъ жить; но мнѣ не препятствовала она даже продолжать всеневныхъ работъ моихъ. Давно замѣчено, что такія вещи, коихъ въ обыкновенной городской жизни опасаются какъ производящихъ болѣзни, въ морскихъ путешествіяхъ переносятся и легче и безъ всякихъ вредныхъ для здоровья слѣдствій; напримѣръ сквозной вѣтеръ; сколько катарровъ, ревматизмовъ, и т. п. приписываются сквозному вѣтру: мы живемъ вѣкъ на этомъ нечетномъ вѣтрѣ, не подозрѣвая и существованія его, или лучше сказать, мы не знаемъ инаго вѣтра кромѣ сквознаго и все таки не удостоиваемъ его права гражданства между 32-мя другими. — Приписываютъ это соленымъ частицамъ содержимымъ въ морскомъ воздухѣ; равномерной температурѣ его днемъ и ночью; и многимъ другимъ вещамъ; — не оспаривая вліянія всѣхъ сихъ причинъ, думаю я однакоже, что не менѣе всѣхъ ихъ дѣйствуетъ и то, что мы себя — волей или неволей — не нѣжимъ, и притомъ ведемъ жизнь правильную и умѣренную.

Весьма свѣжіе вѣтры между SW и WNW, съ огромнѣйшею зыбью быстро несли насъ къ Сѣверу; наконецъ 27-го Февр. въ широтѣ $45\frac{1}{2}^{\circ}$ достигли мы предѣловъ прибрежнаго муссона. Погода съ каждымъ часомъ становилась теплѣе, море покойнѣе, небо

яснѣе, все означало вступленіе наше въ климатъ благословенный. Мы правили прямо къ губѣ *Захатія*. 3-го Марта разстояніе наше до ближайшаго берега по счисленію было только 8 миль, но густой туманъ скрывалъ его. Ночью туманъ разсѣялся, а разсвѣтъ явилъ намъ зрѣлище неописаннаго величія и прелести: — зубчатая съ острыми пиками цѣпь Андесовъ рѣзко окраевалась на небесной лазури, первыми лучами солнца озаренной! Не буду умножать числа тѣхъ, кои терялись въ тщетныхъ усиліяхъ передать другимъ чувства свои при первомъ видѣ подобныхъ картинъ природы. Онѣ неизъяснимы, подобно великолѣпію самаго зрѣлища. Переливы цвѣтовъ, постепенное освѣщеніе облаковъ и неба съ возвышеніемъ солнца, неподражаемо прелестны. Къ сожалѣнію зрѣлище сіе, какъ все въ высокой степени изящное въ природѣ, было непродолжительно: съ увеличеніемъ массы свѣта въ атмосферѣ огромный исполинъ сей, казалось, погружался въ бездну, а восшедшее солнце сгладило и слѣды его.

Скоро показались извѣстныя *Перси*, двѣ горы на мысѣ *Біобіо*, коихъ видъ, достаточно объясняемый названіемъ, служитъ наилучшею примѣтою для распознаванія губы *Захатія*; въ полдень находились мы противу *Битыхъ Горшковъ* (*Quiebra olas*), каменьевъ отличающихъ сѣверную оконечность полуострова, образующаго сію губу; а въ 3 часа легли на якорь противу маленькой деревеньки *Томе*, на восточной сторонѣ губы. Дорожа временемъ я не сталъ лавировать къ *Талькагуанъ*, обыкновенному пристанищу судовъ въ сей губѣ; намѣреніе мое было только освѣдомиться о шлюпѣ *Моллеръ*, что легко

можно было исполнить пославъ туда шлюпку, время проѣзда которой Г. естествоиспытатели могли съ пользою употребить для своихъ изслѣдованій, какъ и я для моихъ наблюденій, и сверхъ того здѣсь гораздо удобнѣе и дешевле можно было застать свѣжею провизіей, и въ особенности дровами.

Было уже довольно поздно, по чему отправленіе шлюпки въ *Талькаеуану* отложено до слѣдующаго утра; и Г. Натуралисты, въ нетерпѣніи ступить на сушу послѣ продолжительнаго и для нихъ безплоднаго плаванія, не теряя ни минуты съѣхали на берегъ ночевать. На слѣдующее утро, отправя мичмана *Ратманова* въ *Талькаеуану*, послѣдовалъ и я за ними. Устроивъ во первыхъ все относившееся до снабженія шлюпа, занялся я наблюденіями астрономическими и магнитными, и до вечера не выходилъ изъ палатки; между тѣмъ Г. естествоиспытатели объѣзжали всѣ окрестности, и возвратились восхищенные здѣшнею природою и съ столь богатыми коллекціями что всего не лзя было помѣстить на суда и надлежало оставить до утра на берегу. Къ ночи возвратились мы на шлюпъ, всѣ безъ изъятія весьма довольные своимъ днемъ. Г. *Ратмановъ* и *Постельсъ* были уже дома, не привезши никакихъ извѣстій о *Моллерѣ*. Заключая изъ этого, что онъ прошелъ прямо въ *Вальпарейзо*, положилъ я въ слѣдующій же день идти туда же.

Мореходцы часто говорятъ весьма различно о странахъ, ими посѣщаемыхъ. Одну и ту же землю одинъ описываетъ плодоносною, другой безплодною,

одинъ богатою, другой бѣдною. Это зависитъ сколько отъ обстоятельствъ въ какихъ мореходецъ пристаетъ къ какой либо землѣ — обстоятельствъ кои бываютъ чрезвычайно различны, столько и отъ того, что переходы ихъ изъ страны въ страну, изъ климата въ климатъ бываютъ чрезвычайно быстры; переплывая океанъ раздѣляющій два свѣта, дѣлаетъ онъ, такъ сказать, скачокъ изъ одного въ другой; онъ какъ будто засыпаетъ въ одномъ и просыпается въ другомъ; ничто не наполняетъ пустоты между ими. Онъ усматриваетъ новую страну тогда, какъ впечатлѣнія оставленныя прежнею сохраняются еще во всей свѣжести; и большій или меньшій контрастъ между обѣими необходимо имѣетъ вліяніе на заключеніе, которое онъ дѣлаетъ о каждой. Такимъ образомъ мореплаватели приходившіе въ губу *Загатія* отъ Сѣвера, гдѣ зрѣніе утомляется смотря на безпредѣльную черту безплоднаго, песчаного берега какъ будто сотвореннаго природою не для жительства человѣка, но единственно въ защиту отъ устремляющейся на него водной бездны, находили берега губы *Загатія* смѣющимися богатыми; напротивъ того намъ, въ воображеніи которыхъ угрюмые берега острововъ *Фалкландскихъ* и свирѣпство Южнаго Океана не могли еще изгладить впечатлѣній оставленныхъ прелестною, богатою, роскошною природою Бразиліи, показались берега сіи довольно бѣдными. Песчаные и глинистые утесы, песчаные берега, песчаные скаты и вершины холмовъ придавали всей картинѣ характеръ безплодности, не позволявшей намъ замѣчать густыхъ лѣсовъ повсюду разсѣянныхъ, которые въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у самой воды начинались. Примѣня все это въ воображеніи

къ окрестностямъ губы *Rio Жанейро*, трудно намъ было убѣдиться, что видимъ предъ собою берега плодоснѣйшей страны въ свѣтъ.

Деревенька *Томе* лежитъ на берегу небольшой песчанымъ берегомъ окруженной бухты. Въ разныхъ отъ нея направлѣнїяхъ между холмами разсѣяно еще нѣсколько хижинокъ (*Ranchos*). Всѣ онѣ населены дружелюбнѣйшимъ и ласковѣйшимъ въ свѣтъ народомъ. Мы слишкомъ мало были между ими и слишкомъ были заняты другими предметами чтобы узнать ихъ коротко; но сія черта ихъ характера слишкомъ была рѣзка чтобы ее не примѣтить. Въ первый день наша шлюпка нашла у берега большой прибой. Проѣзжавшіе мимо верхами, видя затрудненіе ея, безъ всякой просьбы въѣзжали въ воду, помогали нашимъ выходить на берегъ и потомъ не сказавъ ни слова продолжали свой путь. Жители окружа ихъ приглашали къ себѣ, но безъ всякой докучливости или привязчивости. При покупкѣ всего намъ нужнаго, не замѣтилъ я въ нихъ ни малѣйшаго корыстолюбнаго состязанія, напротивъ того, мы часто были отсылаемы къ сосѣдямъ, когда кто изъ нихъ могъ намъ доставить какую вещь дешевле. Вообще всѣ показались намъ образованнѣе, нежели соотвѣтствующіе классы въ другихъ странахъ. Въ цѣлый день не замѣтили мы ни одной ссоры или брани. Къ дѣтямъ были они ласковы, которые съ своей стороны были очень благонравны. Не взирая на множество дѣтей, не слышали мы всѣмъ ихъ визга столь несноснаго, когда происходитъ отъ своенравія. Мнѣ случилось встрѣтить цѣлую толпу мальчиковъ шедшихъ въ школу, которые всѣ съ особенною веселостію и безъ малѣйшей застѣнчиво-

сти предлагали намъ въ продажу куръ, и еслибъ каждый вмѣсто дощечки имѣлъ подъ пазухой куру, то мы рисковали бы закупить оныхъ въдесятеро больше чѣмъ было нужно. Толпа сія въ синихъ пончахъ, остроконечныхъ, шерстяныхъ колпакахъ и съ деревянными дощечками въ рукахъ (*) представляла картину по истинѣ характеристическую.

Поселянинъ у котораго имѣли пріютъ наши натуралисты, былъ кажется зажиточнѣе, а въ той мѣрѣ и гостепріимнѣе прочихъ; онъ оскорбился узнавъ, что мы привезли съ собою обѣдъ, а чтобы его утѣшить должны мы были согласиться за его столомъ соединить нашъ обѣдъ съ его *olla*—блюдо столь же неизбежное за столомъ Испанскимъ какъ щи за Русскимъ. Вино здѣшнее весьма похоже на плохую маллагу, но съ хорошею выдѣлкою могло бы быть весьма вкусно. За цѣлый день безпокойства, за завтракъ и обѣдъ, должны мы были хозяину нашему заплатить по пиаэтру съ брата.

Хотя частыя посѣщенія судовъ всѣхъ націй, а наипаче Англійскихъ, и возвысили цѣны на всѣ предметы многими процентами, со всѣмъ тѣмъ могли мы застать всѣмъ нужнымъ по довольно сходнымъ цѣнамъ; а имен: курица 1 р. 60 к., утка 2 р. 50 к., гусь 4 р., индѣйка 5 р., баранъ 10 р., яицъ десятокъ 65 к; дрова обошлись по соразмѣрности дороже всего: за 1000 полѣнь, около $2\frac{1}{2}$ футъ длиною, что составить немного поменѣе сажени, платили мы двадцать рублей.

(*) Школа ихъ устроена по методъ Ланкастера.

На разсвѣтъ 6 Марта, получа съ берегу все остальное, снялись мы съ якоря, при весьма тихомъ южномъ вѣтрѣ. Въ сіе время года господствуетъ еще обыкновенно во всей силѣ прибрежный муссонъ, и потому я былъ въ нполой увѣренности, что вѣтеръ около полдня засвѣжѣетъ; однакожь въ устьѣ губы встрѣтили мы къ удивленію безвѣтріе, заставившее насъ положить верпъ. Мнѣ не хотѣлось класть якоря, чтобы имѣть возможность вступить подъ паруса съ первымъ дуновеніемъ южнаго вѣтра, котораго я все еще ожидалъ каждую минуту. Но вмѣсто того ночью нашель шкваль отъ NNO, которымъ сдернуло верпъ и шлюпъ понесло быстро на лежавшіе только въ $1\frac{1}{2}$ миляхъ подъ вѣтромъ каменья Rajaros Niños. Отрубя кабельтовъ и вступя подъ паруса избавились мы отъ сей опасности и положили якорь зайдя далѣе въ губу.

Весь слѣдующій день провели въ тщетномъ исканіи потеряннаго верпа.

8-го снялись опять и въ устьѣ губы опять встрѣтили противное маловѣтріе, съ которымъ могли однакоже коекакъ лавировать, такъ что при нашествіи густаго тумана ввечеру были уже внѣ самой узкости, но все еще весьма близко къ берегу. Ревъ буруновъ до самаго утра напоминалъ намъ о непріятномъ сосѣдствѣ; чтобы избавиться отъ него буксировались мы во всю ночь къ NW, при совершенной тишинѣ. Мы сдѣлали при семъ случаѣ замѣчаніе, впрочемъ не новое, о бѣльшей силѣ звука ночью; хотя разстояніе наше отъ берега безпрестанно увеличивалось, но буруны по стемненіи стали несравненно слышнѣе.

Весьма тихіе сѣверные вѣтры или совершенныя тишины, при густыхъ туманахъ мучили насъ четверо сутокъ; нетерпѣливо ожидаемый южный вѣтеръ задулъ не прежде какъ 17-го ввечеру. На слѣдующее утро были мы уже весьма близко къ губѣ *Вальпарейзо*, но густой туманъ, покрывавшій берега, задержалъ насъ и тутъ нѣсколько часовъ. Послѣ полдня онъ прочистился и мы подъ всѣми парусами легли къ Сѣверу. Первый предметъ, встрѣтившійся взорамъ нашимъ, когда стала открываться губа *Вальпарейзо*, былъ Шлюпъ *Моллеръ*, въ ту самую минуту вступавшій подъ паруса. Слѣдуя прямо въ *Вальпарейзо* избѣгъ онъ всѣхъ тѣхъ остановокъ, какія мы испытали, и пришелъ сюда 12 дней назадъ, исправился и теперь слѣдовалъ въ Камчатку. Простясь съ нимъ продолжали мы лавировать далѣе въ губу, и вскорѣ встрѣтили жесточайшій съ берега вѣтеръ, мчавшій передъ собою брызги смѣшенные съ пескомъ подобно густому туману. Мы съ трудомъ могли нести одни марсели, и потому до сумерковъ едва пришли на глубину 30 сажень, гдѣ и положили якорь. Въ 8-мъ часу жестокій вѣтеръ сей мгновенно обратился въ совершенную тишину, продолжавшуюся до слѣдующаго дня. Пользуясь ею на разсвѣтъ затанулись мы завозами далѣе въ губу на покойное мѣсто и расположились на двухъ якоряхъ.

Конча работу и убравъ шлюпъ, съѣхалъ я около полдня въ городъ. Большой прибой у берега не позволялъ выдти изъ шлюпки иначе какъ на плечахъ людей, ибо пристани до сихъ поръ въ *Вальпарейзо* никакой

нѣтъ. Лодочники, увидя насъ, бросились всѣ въ воду по поясъ и на перерывъ предлагали свои спины, и хотя я одинъ только удостоился чести быть ими вынесеннымъ, однакоже насъ окружили человѣкъ 20, изъ коихъ каждый требовалъ награды за свой трудъ. Мы принуждены были отпаливаться реалами до самаго дома Губернатора.

Губернаторъ Don Francisco de la Lastra, тотъ самый, который въ первые годы революціи былъ короткое время Верховнымъ Директоромъ, человѣкъ образованный и весьма хорошо говорящій по французски, принялъ насъ учтиво и въ ласковыхъ выраженіяхъ изъяснилъ желаніе, чтобы пребываніе въ отечествѣ его было для насъ сколько полезно, столько же и пріятно, и готовность свою споспѣшествовать тому по мѣрѣ его способовъ.

Только что мы опять показались на улицѣ, какъ осадила насъ по прежнему толпа претендентовъ на наши деньги, отъ которой мы съ трудомъ скрылись въ Union Hotel, содержимый однимъ Англичаниномъ. Переодѣвшись пошли мы осматривать городъ и окрестности, и какъ (думаю я) всѣ иноземцы, прежде всего забрели въ достопримѣчательныя Quebradas — ущелины въ горахъ, улепленные, такъ сказать, маленькими хижинками, содержащими большую часть населенія Вальпарейзо. Наиболее населенная quebrada есть та, которая подымается отъ SW угла города; гранитъ выходящій тутъ наружу служить для строе-ній надежнымъ основаніемъ, обезпечивающимъ ихъ отъ разрушительнаго дѣйствія землетрясеній. Сообщеніе сихъ жилищъ между собою и съ городомъ, совершается по узкимъ тропинкамъ, проложеннымъ

по утесамъ скалъ, безъ всякихъ периль или уступовъ, по которымъ дѣти, рѣзвясь, бѣгали внизъ и вверхъ, подобно сернамъ. Къ немногимъ только домамъ, и то принадлежащимъ иностранцамъ, проведены тропинки уступами; Чилены считаютъ это роскошью, совершенно лишнею и бесполезною. Престранное зрѣлище, представляетъ лѣстница черепичныхъ или пальмовыхъ крышъ подъ ногами — надъ головою такая же лѣстница пороговъ и огородцевъ. Я сначала пошелъ было съ Гг. Натуралистами, но они скоро завели меня въ такое мѣсто что я ни шагу впередъ, ни шагу назадъ болѣе не могъ ступить; и потому вмѣстѣ съ однимъ изъ товарищей оставилъ ихъ, пожелавъ имъ явиться домой съ цѣлыми головами, но тысячу разъ думалъ лишиться своей прежде нежели сошелъ въ низъ.

Слѣдуя по берегу моря пришли мы къ тому мѣсту, которое здѣсь называется *Адмиралтействомъ*. Оно окружаетъ небольшую бухту, что подъ редутомъ S. Antonio и отличается нѣсколькими полужарытыми въ песокъ пушками и якорями, нѣсколькими вытасченными на берегъ полусогнившими шлюпками, длиннымъ похожимъ на сарай строеніемъ, при которомъ единственный во всемъ Адмиралтействѣ часовой, нѣсколько котловъ, шпилей въ разныхъ направленіяхъ и проч. Мертвая тишина кругомъ дѣлала сіе мѣсто похожимъ болѣе на кладбище нежели на колыбель Чилійскаго флота.

Продолжая путь далѣе по берегу и увидя ворота крѣпости S. Antonio отворенными, вошли въ нее. Насъ никто не остановилъ; одинъ часовой дремалъ стоя у воротъ, а двое спали въ растяжку въ углу. Редутъ S. Antonio вооруженъ 8 мѣдными пушками 18 фунт.

калибра, Французскаго литья и 2 полевыми орудіями. Надо думать, что онъ недавно исправленъ, все въ немъ было въ порядкѣ и въ хорошемъ видѣ. Назначеніе его защищать W половину губы; однакоже онъ самъ противу одного фрегата никакъ бы не могъ устоять.

Къ обѣду собрались мы все вмѣстѣ во Французскую гостиницу, гдѣ нашли хорошій столъ и хорошее вино — первая роскошь, которой мореходецъ ищетъ послѣ продолжительнаго плаванія. Есть мореходцы, которые, по необыкновенному ли вкусу или по желанію отличиться чѣмъ нибудь необыкновеннымъ — ставятъ морскую жизнь несравненно выше береговой во всѣхъ отношеніяхъ, которые оставя корабль свой страдаютъ *береговою* болѣзнію. Я довольно ходилъ по морю, чтобы имѣть право вопреки симъ моимъ собратамъ сказать, что всегдашняя монотонія корабельной жизни ужасно наконецъ надоѣдаетъ, и что она даетъ ощутить въ сугубой степени удовольствіе провести въ первый разъ нѣсколько часовъ *безъ заботъ* въ непринужденной дружеской бесѣдѣ. Наша украсилась сверхъ того сообществомъ Доктора *Пенпиеа* (Rörpig), уже нѣсколько лѣтъ путешествующаго въ Америкѣ для изысканій по Естественной исторіи, встрѣча съ которымъ была намъ сколько пріятна, столько же и полезна, по знанію его языка и обычаевъ туземныхъ.

Другая неожиданная и пріятная для меня встрѣча была съ Г. *Шометъ-де Фоссе* (Chaumette des Fossées :) Французскимъ Генеральнымъ Консуломъ въ Перу, который по политическимъ обстоятельствамъ того края находился теперь въ Вальпарейзо и съ ко-

торымъ я познакомился нѣсколько лѣтъ назадъ въ Архангельскѣ. Узнать человѣка на одномъ концѣ обитаемаго міра и встрѣтиться съ нимъ по прошествіи многихъ лѣтъ на другомъ концѣ, почти въ антиподахъ, есть одинъ изъ пріятныхъ сюрпризовъ коими по временамъ красится жизнь странническая. Въ столь отдаленныхъ странахъ находимъ мы во всякомъ Европейцѣ соотечественника; всякое соперничество, всѣ оттѣнки національныя исчезаютъ; вы радуетесь встрѣтя человѣка, который вамъ сколько нибудь напоминаетъ объ отечествѣ, наипаче если это человѣкъ умный и образованный, какъ было въ настоящемъ случаѣ.

Для расположенія обсерваторіи нашли мы весьма удобное мѣсто на концѣ предмѣстія *Альмендраль*, въ домѣ купца Альвареца, гдѣ не только я съ инструментами, но и Гг. Натуралисты могли помѣститься, и гдѣ сверхъ того можно было удобно производить разныя для шлюпа работы и наливаться водою. Чрезъ два дни по прибытіи перевезли мы туда всѣ Астрономическіе и Физическіе инструменты, предъ-явя ихъ прежде въ таможднѣ. Мы испытали при семъ случаѣ, что всѣ, даже малѣйшіе, таможенные чиновники исполняютъ здѣсь свою должность съ особенною строгостію, хотя и весьма учтивымъ образомъ и безъ всякой привязчивости. Въ пребываніе наше въ *Альмендраль*, при безпрестанныхъ сношеніяхъ со шлюпомъ имѣли мы много тому доказательствъ.

Всегдашняя ясность неба, безпримѣрная въ другихъ мѣстахъ столь же мало надъ горизонтомъ моря возвышенныхъ, позволила мнѣ въ одну недѣлю кончить наблюденія Астрономическія и опыты надъ ма

ятникомъ ; нѣсколько дней посвящено было наблюденіямъ магнитнымъ , изготовленію донесеній , писемъ , и пр. , а 28-го Марта возвратился я опять на шлюпъ. Въ свободныя минуты , которыхъ во все это время имѣлъ я конечно весьма мало , посѣщаль я нѣкоторыя основавшіяся здѣсь Европейскія семейства и мѣста народныхъ увеселеній , гдѣ мы могли сдѣлать интересныя замѣчанія на счетъ характера здѣшняго народа.

Шлюпъ былъ между тѣмъ совершенно исправленъ и готовъ къ отправленію въ море ; но вознамѣрясь идти отсюда прямо въ Ситху не останавливаясь нигдѣ , чтобы сколько нибудь вознаградить испытанныя нами досель потери времени , счелъ я нужнымъ дать людямъ нѣсколько дней отдохновенія , и назначилъ къ отправленію 1 Апрѣля , къ которому дню обѣщано намъ было доставить и заказанные свѣжіе припасы. Истошивъ совершенно и Флору и Фауну окрестностей Вальпарейзо , Гг. Натуралисты положили воспользоваться оставшимися днями для посѣщенія *Кильоты* , города , лежащаго отъ Вальпарейзо въ 14 лигахъ къ Сѣверовостоку , гдѣ природа являетъ уже иной характеръ. Къ нимъ присоединился и я съ большею частію офицеровъ , такъ что кавалькада наша состояла изъ 12 человекъ.

Изъ Вальпарейзо въ Кильоту ведутъ двѣ дороги ; одна вдоль морскаго берега до рѣки *Конконъ* и потомъ по берегу сей рѣки до *Кильоты* ; другая вдается болѣе внутрь земли и идетъ чрезъ городокъ *Лимагу*. Положено было взять во первыхъ приморскій путь , чтобы воротиться чрезъ Лимагу.

Мы пустились въ путь по утру 30 Марта. Отъ самой равнины въ которой лежитъ Альмендраль , поды-

маются на крутыя горы отъ 400 до 500 ф. вышиною; семь разъ должно подыматься извилистыми тропинками на вершину, и столько же разъ опускаться внизъ оврагами, представляющими самыя живописныя картины. Эти семь горъ называются *Семью сестрами* (Siete Hermanas). Это самая лѣсистая часть изъ всѣхъ окрестностей *Вальпарейзо*. Лѣсъ хотя и не соотвѣтствуетъ тому, что мы разумѣемъ подъ названіемъ *еустаго* лѣса, однакоже въ немъ находятъ укрытіе шайки боровъ. Ночью здѣсь очень опасно проѣзжать и должно быть на все готову. Меня увѣряли, что даже одинъ окольный помѣщикъ изъ фамиліи Каррера содержалъ тутъ регулярную шайку разбойниковъ. Вообще большія дороги еще не безопасны: на пути въ С. Яго встрѣтя двухъ человѣкъ вмѣстѣ, должно непременно показать свои пистолеты: здѣшніе разбойники имѣютъ похвальную привычку не нападать на вооруженныхъ.

За Семью Сестрами начинается равнина называемая *Vinna de la Mar*; отсюда вправо идетъ дорога на Лимачу, а прямо вдоль берега ближайшая на Кильоту. Послѣдняя весьма единообразна и скучна: вездѣ песокъ или голый камень и много, много что колючій кустарникъ; весьма рѣдко встрѣчаешь порядочное дерево. Жаръ и пыль усугубляли непріятность дороги; только на вершинахъ холмовъ дышали мы свободнѣе, видъ моря оживлялъ картину, а вѣявшій съ него благотворный вѣтерокъ насъ самихъ. По временамъ встрѣчались намъ обозы съ фруктами, коими *Кильота* снабжаетъ *Вальпарейзо*, и нѣсколько путешествующихъ семействъ верхами (*). Дамское сѣдло

(*) Съ нѣкотораго времени учредились между *Вальпарейзо* и Сантъ-Частъ I.

похоже на кресла, сидѣть на немъ очень покойно. Мужеское же состоитъ изъ нѣсколькихъ подстилокъ, ковровъ, покрываль и проч, изъ коихъ на ночь устроивается порядочный бивуакъ; и отъ того оно такъ широко, что безъ особенной привычки невозможно на немъ сидѣть. Отъ этихъ сѣделъ почти всѣ Чилены кривоноги. Они съ своей стороны не могли безъ сожалѣнія смотрѣть на наше сѣдло, увѣряя что ночью должно быть на немъ нестерпимо холодно,

Часу въ 12 пріѣхали мы къ рѣкѣ *Copcon*, верстахъ въ двухъ отъ ея устья; въ сухое время года она жалкой ручеекъ, смиренно бѣгущій по камѣшкамъ; но широкое русло съ изрытыми берегами доказываетъ силу его въ дождливое время. Остававшіяся отсюда 4 лига были несноснѣе прежнихъ 10-ти. Жаръ сдѣлался пресильный; мѣста, если возможно, еще пустыньѣ. Мы изнемогали отъ усталости; но въ дали горы, при подшвѣ коихъ лежить *Кильота*, а наконецъ и опушка густой зелени на краю горизонта, придавали намъ бодрости и мы часу въ 3 добрались кое какъ до вождельннаго *оазиса* въ сей пустынь. Долго блуждали мы по безлюднымъ улицамъ, пока отыскали гостинницу, содержимую здѣсь однимъ Англійскимъ дворяниномъ (*). Немногіе изъ партіи нашей, усерднѣйшіе другихъ, забывъ и усталость и голодь, тотчасъ разбрелись по окрестностямъ рисовать, стрѣлять, бо-

Яго дилижансы, которые однако же до сихъ поръ не вошли въ общее употребленіе; они ходятъ нерегулярно, а когда наберется довольно ѣздоковъ. Цѣна въ одну сторону 11 піастровъ; есть и кареты и кабріолеты.

(*) J. Greenwood, Esq. of Kensington.

танизировать; но самая большая часть искала отдохновения въ тѣни лозъ прекраснаго сада Г. *Гринвуда*, и не прежде вечера оправилась. Подкрѣпя силы сытымъ обѣдомъ, пошли мы гулять по городу. Подобные намъ заѣзжіе случаются здѣсь конечно весьма рѣдко; всѣ встрѣчавшіеся останавливаясь, осматривали насъ съ головы до ногъ съ видомъ величайшаго удивленія; толпы мальчишекъ окружали насъ, а одного, расположившагося рисовать, едва не приняли въ каменья. Женщины какъ и всегда, показали здѣсь гораздо болѣе деликатности и такту. Многія миловидныя хозяйки, наслаждавшіяся тихимъ вечеромъ у дверей дома, приглашали насъ въ гости. Мы приняли одно изъ таковыхъ приглашеній: большую часть дома составляла одна просторная комната; слабый свѣтъ маленькой сальной свѣчки позволилъ намъ разсмотрѣть въ каждомъ концѣ оной по столу, въ первомъ углу образа, нѣсколько весьма низкихъ стульевъ, и всюду отвратительнѣйшую нечистоту; влѣво отверстіе въ стѣнѣ задернутое грязною занавѣскою вело въ темную спальную. Угрюмость сего жилища страннымъ образомъ контрастировала съ непринужденною веселостію и разговорчивостію хозяекъ, которыя при разставаніи поднесли каждому изъ насъ по цвѣтку.

Гостепріимный Г. Гринвудъ устроилъ намъ между тѣмъ ночной лагерь въ просторномъ сараѣ, потому что скромная гостинница его не разочтена для пріема столь многочисленнаго общества. Мы весьма нуждались въ успокоеніи; но блохи, настоящіе хозяева домовъ въ Чили, — потому что чаще выживаютъ господь изъ дому, чѣмъ тѣ ихъ — не дали намъ сомкнуть глазъ. Съ первыми лучами солнца были мы

уже на ногахъ и каждый пошелъ куда влекли его любимыя занятія. Проведя такимъ образомъ утро; пустились мы около полдня, какъ будто опасаясь озябнуть, въ обратный путь.

Кильота лежитъ въ котловидной долинь, при самой подошвѣ горъ, служащихъ какъ бы передовымъ оплотомъ исполинской цѣпи ими заслоняемой. Высочайшій пунктъ сего передоваго кряжа, гора Самрапа (колоколь), возвышается надъ поверхностію равнины около 2500 футовъ, глазомѣрно. Рѣка *Конконъ* (Concon), вытекающая изъ Кордильеръ близъ волкана *Аконкагуа*, лигахъ въ 30 отсюда, орошая долину доставляетъ ей лестное названіе *сада Чили*, названіе, по всѣмъ отношеніямъ ей приличное. Глазъ утомившійся зрѣніемъ бесплодной, солнцемъ выжженной земли близъ Вальпарейзо, съ удовольствіемъ отдыхаетъ здѣсь на роскошной вегетаціи: густые фиговые и виноградные сады, тучные луга покрытые стадами, представляютъ прибывшему съ той стороны новое, пріятное зрѣлище. Кильота снабжаетъ портъ всѣми безъ исключенія овощами и фруктами, также и молокомъ; на дорогѣ встрѣчаешь безпрестанно длинные ряды навьюченныхъ муловъ и лошадей, тянущіеся къ порту съ сими необходимыми потребностями.

Подобно всѣмъ городамъ Испанскѣй Америки, *Кильота* выстроена весьма регулярно, квадратомъ около 2 верстъ въ сторонѣ имѣющимъ, въ центрѣ коего большая площадь съ главною церковью. Мѣста принадлежащія домамъ весьма обширны, такъ что иногда цѣлый кварталъ принадлежитъ одному. Самую малую часть сего пространства занимаетъ дворъ, остальное садъ. Нѣсколько домовъ каменные, но боль-

шая часть мазаные. Видъ домовъ съ улицъ чрезвычайно угрюмый, обыкновенно имѣютъ они не болѣе одного окна, съ рѣшеткою; улицы весьма пусты. Лавки, которыхъ мы видѣли не мало, хорошо снабжены; церквей три, которыя еще не успѣли оправиться послѣ ужаснаго землетрясенія бывшаго въ 1823 году. Пульперій, въ которыхъ бы пѣли и танцевали, подобно какъ въ Альмендраль, мы здѣсь искали тщетно. Можетъ быть причиною тому страстная недѣля; но въ одномъ домѣ удалось намъ слышать игру, и весьма не дурную, на фортепіано.

Обратный путь начали мы довольно бодро; но плохо еще оправившіеся отъ усталости перваго дня и кони и ѣздоки скоро увидѣли дурной расчетъ пускаться въ дорогу въ самую жаркую пору. Ни малѣйшее дуновеніе вѣтерка не прохлаждало знойнаго воздуха; солнечные лучи отражаясь отъ бѣлаго камня или не-ска, палили насъ какъ будто отъ зажигательнаго зеркала; тѣни не было вовсе. Переправясь чрезъ горы окраевающія Кильотскую долину съ Юга, спустились мы въ городокъ *Лимагу*, гдѣ необходимо было сдѣлать приваль. Намъ указали домъ Англичанина, принимающаго гостей за деньги; который однако же не расположенъ былъ принять насъ и отозвавшись болѣзнію, велѣлъ намъ указать другой домъ; отсюда отправили насъ далѣе, потомъ еще далѣе, и такъ до конца города; оттуда стали намъ указывать назадъ, и мы изѣздя все мѣстечко, на силу на-шли пріютъ гдѣ могли покормить лошадей и отдохнуть сами. Скромная трапеза изъ хлѣба, сыра, арбузовъ, яблоковъ и чистой воды состоявшая, насъ освѣжила. Въ продолженіе ея имѣли мы развлеченіе

совсѣмъ новаго для насъ рода: на улицѣ раздался трескъ и ужасная пыль наполнила воздухъ. Первая наша мысль была о землетрясеніи. Однакожъ вмѣсто того чтобы броситься изъ дому съ крикомъ: *Misericordia!* хозяева подошли только къ дверямъ, пожали плечами и принялись за свои дѣла. Что это такое, спрашивали мы? «ничего, домъ сосѣда развалился.» Это здѣсь случается часто: Чилійскіе карточные домики какъ легко строятся, такъ же легко и разваливаются.

Когда жаръ уменьшился, сѣли мы опять на коней, рассчитывая часу въ 8-мъ быть дома; однакожъ наступила ночь, а море еще не показывалось. Я замѣтилъ что *Пеонъ* нашъ что то часто останавливался, спрашивая о дорогѣ; наконецъ совѣтовалъ намъ прибавить рыси, чтобы миновать *Семь сестеръ* прежде нежели луна закатится, и самъ далъ шпоры своей лошади. Должно было за нимъ слѣдовать, хотя многіе готовы были бы лучше остаться въ лѣсу. Продолжительная ѣзда не могла сдружить дурныхъ ѣздовъ съ безпокойными конями и кавалкада наша представляла въ это время картину достойную пера Сервантеса и кисти Гогарта. Страдая болѣе или менѣе коликъ, болью въ спинѣ, и пр. всякій старался придумывать положеніе облегчавшее его страданіе и смѣялся надъ другимъ, не замѣчая собственной смѣшной фигуры. — Въ послѣдствіи объяснилась причина сего странствія: это былъ неудавшійся сюрпризъ, который готовилъ намъ Д. Пеппигъ. Онъ хотѣлъ боковыми тропинками вывести насъ на первую станцію по большой дорогѣ изъ Вальпарейзо въ Санъ Яго, гдѣ есть весьма хорошая гостинница, и заранѣе утѣшалъ

ся пріятнымъ удивленіемъ нашимъ ; но вмѣстѣ съ Пеономъ заблудился, и мы должны были пробираться къ морю, по непроходимымъ почти мѣстамъ.

Около полуночи увидѣли мы наконецъ цѣль нашего странствія. Съ воображеніемъ наполненнымъ сытнымъ ужиномъ и мягкими постелями, ѣхали мы тихо по улицамъ Альмендрала, какъ вдругъ останавливаетъ насъ ночной стражъ и велитъ спѣшиться. Не постигая причины такого притязанія отговариваемся мы, протестуемъ, но все тщетно ; обязанные повиноваться тащимъ мы, въ недоумѣніи, усталыхъ клячъ своихъ за собою до большой площади, гдѣ намъ все объясняется. Былъ великій четвергъ ; отъ сего дня до страстной субботы не позволяется здѣсь, подъ великимъ штрафомъ, ни верхомъ ѣздить, ни пѣть, ни играть на инструментахъ ; ни даже ходить въ шляпѣ. Всякое дѣло, всякая работа, всякое увеселеніе строго въ эти дни запрещается. Пригорокъ посреди города, на которомъ стоитъ театръ, обращается на это время въ Голгоу. Посреди огороженного щитами пространства, воздвигается Крестъ съ изображеніемъ Спасителя ; предъ нимъ множество цвѣтовъ и свѣчей ; по обѣ стороны женскія фигуры на колѣнахъ, изображающія свидѣтельницъ страстей нашего Спасителя. Предъ симъ мѣстомъ набожныя души приходили громкою молитвою смывать грѣхи свои — я замѣтилъ только грѣшницъ, но ни одного грѣшника ; большая часть изъ нихъ конечно твердо были увѣрены въ полученіи благодати — ибо на пути шутили, смѣялись, приближась къ этому мѣсту принимали видъ смиренный, преклоняли колѣна на нѣсколько минутъ и потомъ продолжали путь съ прежними шутками и

смѣхомъ (*). Мы съ трудомъ попали въ ту же ночь на шлюпъ, потому что даже и лодкамъ не позволяется отваливать отъ берега. Но тутъ ожидалъ меня еще непріятнѣйшій сюрпризъ; именно, что и вся приготовленная для насъ провизія подпала всеобщему запрещенію, и не можетъ къ намъ быть доставлена ни какъ прежде субботы вечера. Мы теряли такимъ образомъ еще два дни, но пособить этому не было никакой возможности.

Изготовя совершенно шлюпъ къ морю, отправилъ я въ субботу по утру всѣ гребныя суда на берегъ, чтобы тотчасъ по снятіи всеобщаго арреста начать перевозку припасовъ. Около полдня пушечные выстрѣлы съ крѣпости возвѣстили наконецъ о вождельной минутѣ; фейерверки зажглись со всѣхъ сторонъ; мертвая тишина смѣнилась безпримѣрнымъ движеніемъ. Домъ всякаго православнаго обращается въ это время въ Эшафотъ или висѣлицу, на которыхъ предатель Иуда подвергается заслуженной казни въ тысячи видахъ. Здѣсь виситъ онъ вверхъ ногами, тутъ побивается камнями; тотъ рубитъ ему голову, другой его растрѣли-

(*) Въ это время появились въ продажѣ, какъ у насъ, окрашенныя яйца, изъ обсахареннаго тѣста сдѣланные свѣтыя, которыхъ вамъ называютъ поименно; и между ими странныя фигуры подбочившіяся и въ шутовскихъ шапкахъ, которыхъ называли — *Russianos*. Кажется что въ Демонологіи Чилень занимаемъ мы мѣсто чародѣевъ или чернокнижниковъ. Г-жа Грагамъ слышала отъ одной старушки о множествѣ чудесъ совершенныхъ Святѣми противу замысловъ Еретиковъ и въ особенности *Russianos* (*Residence in Chili*, p. 161), — Это напомнило мнѣ Португальскаго офицера почитавшаго Русскихъ Греками. (см. Путешествіе Кап. Головнина на шлюпъ Камчатка, Ч. I. стр. 27.)

ваетъ. Море не отстаётъ отъ суши; суда стоявшія дотолъ съ отопленными, реями и полуспущенными флагами (обыкновенный знакъ траура на корабляхъ) мгновенно разсвѣщаются; на одномъ Іуду купаютъ съ бугшприта, на другомъ сожигаютъ заставляя извергать пламя изъ всѣхъ отверстій, и проч. Мы сердечно участвовали во всеобщемъ торжествѣ, поспѣшая всевозможно кончить дѣла наши; но какъ ни торопились, только поздно вечеромъ успѣли все уложить и привести въ порядокъ, и должны были отправленіе въ море отложить до слѣдующаго дня.

Вальпарейзо есть, какъ извѣстно, портъ столицы Чили Сантъ-Яго, лежащей отсюда въ 30 миляхъ къ Востоку, при самой подошвѣ Кордильеръ, и называется также по сей причинѣ собственно *El Puerto*. Городъ лежитъ на берегу полукруглой, открытой губы, вдающейся въ землю отъ сѣвера.

Я имѣлъ уже случай упоминать о различномъ впечатлѣніи, какое видъ одного и того же берега дѣлаетъ на мореходца. *Valparaiso* или *Val de Paraiso* служитъ тому подтвержденіемъ; ибо ничто менѣе не можетъ походить на Райскую долину, какъ берега губы сію окружающіе и вообще всѣ окрестности города. Горы отъ 500 до 600 футъ вышиною, безлѣсныя, частию совершенно обнаженные, крутыя и раздѣленные глубокими оврагами (*quebradas*), въ сѣверозападной части губы опускаются круто въ море; нѣскольکو далѣе къ югу отступаютъ они отъ моря и на разстояніи около 1-й версты оставляютъ равнину шириною отъ 70 до 10 сажень. По этой равнинѣ, по

вершинамъ окрестныхъ горъ и по оврагамъ расположенъ городъ, имѣющій такимъ образомъ одну только улицу вдоль берега; строенія по горамъ и оврагамъ разбросанныя суть какъ бы вѣтви сего дерева. Въ восточномъ концѣ горы вдругъ удаляются отъ моря сажень на 500 или болѣе и образуютъ песчаную площадь отъ 10 до 15 ф. надъ моремъ возвышенную, по которой расположено предмѣстіе El Almendral т. е. миндальная роща. Въ восточномъ углу губы, крутизны опять примыкаютъ къ берегу и простираются голыми утесами къ сѣверу.

El Almendral теперь столько же заслуживаетъ свое названіе, какъ и Valparaiso. Въ садахъ къ нѣкоторымъ домамъ принадлежащихъ есть миндальныя деревья, какъ и разныя другія, но тщетно сталъ бы кто искать здѣсь цѣлыхъ рощъ миндальныхъ.

Хотя путешественникъ, котораго воображеніе наполнено райскими долинами и миндальными рощами, приближаясь къ сему мѣсту крайне обманется въ ожиданіи; но долженъ будетъ, невзирая на то, согласиться, что Вальпарейзо съ своими бѣлыми на темномъ грунтѣ домиками, уступами другъ надъ другомъ расположенными, здѣсь выказывающимися изъ оврага, тамъ лепящимися къ утесамъ, въ другомъ мѣстѣ какъ будто вспорхнувшими на вершину скалы, — тутъ густо тѣснящимися одни къ другимъ, а здѣсь весьма рѣдко разсѣянными — представляетъ не дурной видъ. Не достаетъ одного — церквей съ башнями и шпицами, придающихъ столько красоты и разнообразности городамъ, въ особенности же расположеннымъ въ мѣстахъ гористыхъ. Недостатокъ сей по прибытіи изъ Ріо сильно бросается въ глаза; вся картина кажетъ

ся носящею какой то характер *плоскости*; но здѣсь никогда не можетъ быть иначе, по причинѣ частыхъ землетрясеній не позволяющихъ строить никакихъ высокихъ зданій. Послѣднія колокольни разрушены ужаснымъ землетрясеніемъ 1823 года.

Домы въ городѣ большею частію двухъэтажные, кирпичные, выштукатуренные и крытые черепицею. Кругомъ дома въ верхнемъ этажѣ балконъ — Veranda. Нѣкоторые дома, и наиболѣе принадлежащіе Англичанамъ, построены однакоже на манеръ Европейскій и мнѣ кажется весьма не къ стати; въ здѣшнемъ климатѣ Veranda, на которой во всякое время дня можно найти прохладный уголокъ, есть вещь необходимая. Хотѣть переупрямить природу опасно; замѣчено, что Англичане, кои болѣе другихъ стараются вездѣ удержать свой образъ жизни, болѣе же другихъ иностранцевъ страждутъ и гибнутъ отъ климата. Въ Quebradas и въ Альмендраль дома наиболѣе мазанные, крытые пальмовыми вѣтвями; но есть и между ими порядочные, сдѣланные изъ глины смѣшенной для твердости съ соломой. Лучшіе дома строятся изъ обыкновенныхъ кирпичей; но большая часть изъ большихъ плоскихъ кирпичей; которые въ мягкомъ видѣ складываются въ стѣну и засыхаютъ отъ дѣйствія солнца. Эти дома обыкновенно крыты черепицею. Слѣдующій классъ домовъ дѣлается изъ древесныхъ вѣтвей, которые переплетаются около перекладинъ весьма часто и съ обѣихъ сторонъ обмазываются глиною, иногда смѣшенною съ соломой. Наконецъ послѣдній классъ едва заслуживаетъ названіе домовъ; это бесѣдки или балаганы отъ 9 до 10 ф. въ квадратъ, сплетенные изъ валежника, и безъ дверей, такъ что обитатели ихъ

живутъ болѣе на улицѣ, нежели въ дому; все въ нихъ à jour; кушанье стряпается на порогѣ на маленькомъ таганѣ. Вообще стряпанье на улицахъ весьма обыкновенно; на главномъ рынкѣ со всѣхъ сторонъ слышишь шипенье жарящейся рыбы.

Печей въ домахъ нѣтъ; климатъ дѣлаетъ излишнимъ сіе изобрѣтеніе странъ холодныхъ. Бываютъ однакоже дни зимою, въ которые не лзя обойтись безъ искусственнаго тепла; тогда употребляютъ жаровни наполненныя горячими углями. Въ домахъ обитаемыхъ Европейцами заводятся камины, выписываемые изъ Европы.

Домы сіи вообще могутъ съ перваго взгляда показаться уродливыми, непрочными, дурно расположенными; но не должно забыть, что въ семъ случаѣ всѣми расчетами управляютъ землетрясенія, сей грозный бичъ здѣшней страны. Нужно во первыхъ, чтобы домъ какъ можно лучше противустоялъ потрясеніямъ; чтобы въ случаѣ разрушенія причинилъ онъ наименѣе вреда; чтобы изъ него какъ можно скорѣе можно было спастись на улицу; чтобы возобновленіе его стоило по возможности менѣе времени, трудовъ и издержекъ и пр.; припомня это, и низменность домовъ, и дешевые матеріалы изъ коихъ они слѣплены, и странное для насъ расположеніе ихъ покажутся весьма естественными. Мнѣ очень хотѣлось испытать одно изъ тѣхъ легкихъ землетрясеній, кои случаются здѣсь весьма часто, чтобы имѣть понятіе о семъ явленіи. Въ нашу бытность случился одинъ ударъ, въ ночи съ 18 на 19 Марта, котораго никто изъ насъ не замѣтилъ. Я въ самую ту минуту занимался опытами надъ маятникомъ, ничего не подо-

зрѣвая. Въ землетрясеніяхъ то странно, что непривыкшіе къ нимъ сначала со всѣмъ ихъ не замѣчаютъ и не опасаются; и вмѣсто того что къ другимъ грознымъ явленіямъ природы человѣкъ становится тѣмъ равнодушнѣе, чѣмъ болѣе къ нимъ привыкаетъ, землетрясенія чѣмъ далѣе тѣмъ ужаснѣе для него становятся. Изъяснить это не мудрено: противу всякаго другаго угроженія природы, человѣкъ что нибудь можетъ предпринять: отъ воды спасается онъ на гору, отъ огня въ поле, на морѣ разными средствами обезопасиваетъ онъ корабль свой; противу землетрясенія нѣтъ убѣжища: послѣдняя его надежда, идеаль твердости — земля ему измѣняетъ, и первое его чувство есть отчаяніе. Слѣды послѣдняго ужаснаго землетрясенія случившагося въ началѣ 1823 года и до сихъ поръ повсюду видны. Въ Альмендраль, гдѣ дома безъ исключенія были до основанія разрушены, видны еще цѣлыя пространства покрытыя обломками стѣнъ; трехъэтажная крѣпость San Rosario, лежавшая на горѣ по срединѣ города не существуетъ вовсе.

Улицы въ Вальпарейзо вымощены мелкими гранитными кругляками и имѣютъ по сторонамъ узкіе тротуары; вообще въ городѣ въ это время года довольно чисто; не знаю какъ зимою, когда дожди проливаютъ и со всѣхъ кебрадъ стремятся сильные потоки. Въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ кебрады выходятъ на улицу, сдѣланы поперекъ ихъ мосты кирпичные, возвышенные нѣсколько футъ надъ улицею, которые теперь, въ сухое время, представляютъ странный видъ.

Улицы сами по себѣ имѣютъ видъ довольно унылый, ибо въ рѣдкомъ домѣ болѣе одного окна. Но

въ этихъ скучныхъ улицахъ встрѣчается вся та живость какой отъ торговаго города ожидать можно. Товары грузятся въ пакгаузы и изъ пакгаузовъ на огромныя двухъ-колесныя тельги, запряженныя въ 2 или 4 быка. Ужасный скрипъ колесъ этихъ колесницъ слышенъ во всякое время и со всѣхъ сторонъ; улицы наполнены народомъ пѣшимъ и коннымъ, спѣшащимъ туда и сюда; множество лавокъ наполнены всевозможными Европейскими товарами (*). Сравня эту картину дѣятельности съ тѣмъ, что представлялъ городъ въ прежнія времена; взглянувъ на рейдъ покрытый нѣсколькими десятками судовъ всѣхъ націй купеческихъ и военныхъ, гдѣ прежде парадировали два, много три судна, грузившія пшеницу для Перу, не останется сомнѣнія въ томъ, способствовали ли политическія здѣсь перемѣны оживленію народной промышленности.

Но все ли было къ лучшему, въ этомъ весьма позволено усомниться. Революція въ Чили не дѣлаетъ исключенія изъ порядка, которому слѣдовали другія. Неустройства и безначаліе по сіе время едва ли не болѣе вредятъ общему благосостоянію, чѣмъ живѣющая торговля приноситъ пользы. Поджигаемыя журналистами, руководствуемыми личными только выгодами и явно употребляющими во зло свободу книгопечатанія, партія возстаетъ противъ партіи, Провин-

(*) Это движеніе перемѣжается съ 3-го по 5 часъ, когда всѣ правовѣрные наслаждаются *Сіестой*, столь же необходимою для Испанца, какъ воздухъ. Здѣсь есть пословица, что въ это время видны бываютъ на улицахъ только собаки да Англичане; — подъ названіемъ *Ynglez* разумѣютъ они вообще иностранцевъ, подобно какъ у насъ въ простонародіи *Нѣмецъ*.

ція противъ Провинціи, и всѣ противу Правительственнаго собранія въ Сантъ Яго и Верховнаго Директора. Весьма удачное уподобленіе революцій Сатурну, пожирающему дѣтей своихъ, по справедливости относится и до переворота въ Чили. Ни одного изъ Корифеевъ сего переворота не было уже на сценѣ. Сантъ Мартинъ удалился въ другую часть свѣта; Огиггинсъ перешелъ въ службу Перуанской республики; Кохренъ въ другихъ возмущившихся странахъ искалъ свѣжей жатвы лавровой и иной; всѣ они слывуть здѣсь теперь тиранами руководимыми единственно эгоизмомъ и корыстолюбіемъ.

Не мудрено, что неурядица сіи не даютъ центральному правленію ни досугу, ни способовъ помышлять о существенныхъ улучшеніяхъ. Чили по естественному положенію своему есть держава мореходная; горы дѣлають ее неприступною съ сухаго пути; но съ моря можетъ она обезопасить себя единственно благоустроеннымъ флотомъ. Со всѣмъ тѣмъ сей важный предметъ оставленъ по видимому безъ всякаго вниманія. Флотъ Чилійскій, который подъ предводительствомъ смѣлаго Кохрена утвердилъ независимость страны сей, покоится теперь на лаврахъ своихъ. Изъ всѣхъ судовъ, оныи составлявшихъ, остались только фрегатъ Lautaro, и бриги Galvarino и Ахилесъ, и изъ нихъ одинъ только послѣдній вооруженный. Фрегатъ Valdivia, бывшій прежде Esmeralda, — взятіе коего изъ подъ пушекъ Каллао есть конечно одинъ изъ самыхъ смѣлыхъ подвиговъ когда либо совершенныхъ, лежитъ на берегу выброшенный зимними бурями. Три судна были проданы за дорогую цѣну Буеносъ-Айреской республикѣ; но изъ нихъ

одно только достигло рѣки Платы, одно возвратилось въ Вальпарейзо, и продано купцамъ, а одно пропало безъ вѣсти.

Торговья постановленія отзываются тѣмъ же недостаткомъ единства и системы. Доказательство тому обложеніе высокою пошлиною всѣхъ Европейскихъ произведеній для поощренія фабрикъ — несуществующихъ; объявленіе Вальпарейзо вольнымъ городомъ исключительно, ко вреду всѣхъ другихъ, и т. п. Имѣли даже мысль запретить вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ, тогда какъ Чили не имѣетъ ничего инаго для заплаты за ввозимые товары. Теперь золото и серебро въ слиткахъ платятъ умѣренную пошлину а въ монетѣ никакой (*). Третья главная статья вывоза есть мѣдь, которой большіе рудники находятся около Кокимбо. Въ сѣверныя части Южной Америки идетъ еще пшеница въ зернѣ и мукѣ, кожа, вяленая говядина (*charqui*), и пр. Привозныя статьи состоятъ изъ всѣхъ почти безъ исключенія Европейскихъ произведеній, которыя вообще не дороги. До революціи и въ продолженіе войны все было очень дорого, а въ особенности морскіе снаряды; иногда бочка смолы продавалась по 40 піастровъ (200 рублей). При насъ

(*) При всемъ томъ деньги не имѣютъ здѣсь цѣны. Это обстоятельство, въ соединеніи съ недостаткомъ размѣнной монеты, весьма тяжело ложится на путешественника. Самая малая монета есть *Medio*, $\frac{1}{2}$ реала = 10 коп. серебромъ. Она считается почти ни во что; піастръ одинъ что нибудь значить; за то всякій шагъ стоитъ піастръ. Выпишь въ пульперіи стаканъ чича, съѣсть кусокъ хлѣба и *charqui*. — по нашему на полтину — здѣсь вѣрно потребуютъ піастръ; а если прибавить личицу, то дешевле 2 піастровъ не отдѣлаешься.

фламское полотно стоило 12 п. (60 р.) кусокъ; така-
лажъ 5 п. кинталъ (около 8 руб. пудъ). Ванкуверъ
въ 1795 году не могъ найти здѣсь для починки су-
довъ своихъ, ни одной бочки смолы, ни одного фун-
та такелажа; теперь же находятъ выгоду приходить
въ Чили для исправленія изъ другихъ мѣстъ. Мекси-
канскій линейный корабль *Азія* (*) при насъ здѣсь
вооружался отъ киля до клотика: килевался, обши-
вался мѣдью, починивался, шилъ паруса и пр: Мекси-
канское Правленіе нашло выгоднѣе прислать его въ
Чили, нежели все это дѣлать дома.

Зависть, недовѣрчивость къ Европейцамъ, и какая
то щекотливость въ сношеніяхъ съ ними, пережили
запретительную систему, отъ которой родились. Г.
Де Фоссе, посланный отъ Французскаго Правитель-
ства Дипломатическимъ и Коммерческимъ Агентомъ
въ Перу, не былъ принятъ потому, что кредитивы его
писаны были не на имя *Республики Перуанской*,
а на имя *мѣстныхъ властей* (autorités locales). По-
ступокъ сей, доказывающій только совершенный не-
достатокъ всякаго политическаго такта, превозносимъ
здѣсь былъ до небесъ, и даже роптали что агентъ
посланный въ Чили на томъ же основаніи, былъ при-
нятъ. Другой примѣръ: въ Вальпарейзо нѣтъ ника-
кой пристани; выходить на берегъ бываетъ часто со-
пряжено съ опасностью, и ни въ какое время не лзя
иначе какъ на плечахъ матросовъ; нѣкоторые Ан-

(*) Корабль сей вмѣстѣ съ бригомъ *Ахиллесомъ* былъ посланъ изъ
Испаніи для усиленія войскъ Королевскихъ въ Америкѣ; но на
Маріанскихъ островахъ экипажи обоихъ судовъ взбунтовались,
высадили офицеровъ на берегъ и перешли въ Мексику.

гліійскіе купцы предлагали построить на свой счет каменную молу, которую чрезъ 10 лѣтъ готовы были уступить безденежно республикѣ, съ тѣмъ только чтобы на эти 10 лѣтъ предоставлена имъ была легкая пошлина со всѣхъ пристающихъ судовъ и выгружаемыхъ товаровъ: имъ отказано.

Пріобрѣтя независимость политическую Чиленамъ не хотѣлось оставаться подъ ферулою монаховъ; и это тѣмъ натуральнѣе, что послѣдніе не слыли никогда ни образцами строгой нравственности, ни приверженцами постановленій свободныхъ; но въ политическихъ переворотахъ, гдѣ разузданныя страсти заглушаютъ голосъ разсудка и справедливости, все совершается круто и жестоко. Въ самомъ началѣ независимости Епископъ при первомъ случаѣ былъ изгнанъ изъ Санъ Яго въ Мендозу; возвращенный Директоромъ О-Гиггинсомъ, онъ вскорѣ потомъ привезенъ въ Вальпарейзо, посаженъ на бригъ Монтезума и отправленъ въ Мексику; съ тѣхъ поръ духовенство лишилось уваженія и угнетается. Но сдѣлались ли Чилены отъ того въ самомъ дѣлѣ просвѣщеннѣе, терпимѣе? покаместъ еще нѣтъ. Обрядъ казни Іуды и другіе столь же нелѣпые, доказываютъ что ими владѣютъ старое суевѣріе и предрасудки, и что слѣдственно легче сбросить съ себя иго чужой руки нежели то которое налагаетъ на насъ собственный заблудившійся умъ. Весьма еще недавно позволено здѣсь хоронить инновѣрцевъ въ особомъ освященномъ мѣстѣ; а храмы иныхъ исповѣданій и до сихъ поръ запрещены. И это республика!

Сколько недосугъ, столько и затворничество большей части семействъ по причинѣ великаго поста, по-

препятствовали намъ ознакомиться съ лучшимъ классомъ здѣшняго общества. Гостепріимство и неприужденность обращенія дѣлають общество сіе для иностранца весьма пріятнымъ; но многія черты носившія печать *Американской* образованности, сношеніями съ Европейцами болѣе и болѣе изглаживаются. Такъ напримѣръ *Матте* (Mattee) съ горячею, серебряною трубочкой, камень преткновенія для многихъ Европейцевъ, уступилъ мѣсто чаю. Танцы и музыка суть любимыя занятія дамъ Чилійскихъ; во всякомъ домѣ конечно есть піано, и мы часто останавливаемы были на улицахъ мелодіями Вебера и Россини; кои слышались изъ домовъ, наружностію своею ни мало не походившихъ на жилища питомицъ Аполлона. Намъ рассказывали объ излишней легкости нравовъ прекраснаго пола — но не извѣдавъ собственнымъ опытомъ, лучше о такихъ вещахъ не говорить.

Мы имѣли болѣе случая познакомиться съ нравами низшаго класса. Въ пребываніе наше въ Альмендраль пользовались мы въ свободныя отъ работъ минуты тихими лунными ночами, прелесть коихъ въ Чили превосходить всякое описаніе, и въ прогулки сіи мѣшались въ толпы веселящагося народа. Не взирая на страстную недѣлю, *Пульперіи* были всегда наполнены: на всякомъ шагу музыка, пѣнье и пляски. Первая состоитъ обыкновенно изъ трехъ инструментовъ: арфы грубой работы, на которой почти всегда играетъ дама; гитары, ничѣмъ не отличающейся отъ обыкновенныхъ, на которой однако же играютъ подобно какъ на нашихъ балалайкахъ; барабанъ на которомъ бьютъ ладонями въ тактъ; мѣсто его заступаетъ иногда резонанцъ той же самой арфы, иногда лукошко,

и все что издаетъ глухой звукъ; иногда къ симъ инструментамъ присоединяется гремушка, жестяной цилиндръ, наполненный камешками или горохомъ, которыми весьма искусно производятъ трещащій звукъ. Все вмѣстѣ составляетъ весьма недурной эффектъ. Оркестръ сей сопровождается всегда вокальною музыкою; всѣ 4 виртуоза изо всей силы поютъ ту же пѣсню — женщины обыкновенно фистулою. Мы слышали одну и ту же мелодію всегда и вездѣ; она весьма пріятна, имѣетъ постоянную и точную трехъчетвертную такту, которую музыканты никогда не теряютъ. Плясуны (обыкновенно одна только пара, мнѣ никогда не случалось видѣть болѣе) становятся другъ противъ друга; дама закинувъ свой шерстяной платокъ на плечо, Чилено въ шляпѣ, съ сигаркой въ зубахъ; нѣсколько минутъ продолжается прелюдія на инструментахъ, вмѣстѣ съ вокальною музыкой начинается пляска, обыкновенно тѣмъ, что дама топнетъ правою ногою и скачкомъ въ лѣво повертывается кругомъ; потомъ танцоры то сходятся, то расходятся, а въ полустрофахъ обращаются другъ около друга; па дамы походить на Руское, движенія ея также граціозны, какъ въ Руской пляскѣ; кавалеръ или очень скоро барабанить ногами, или дѣлаетъ на подобное казацкому; дама обыкновенно имѣетъ въ правой рукѣ платокъ которымъ плавно помахиваетъ; кавалеръ или подбочается, или держитъ руки въ карманѣ. Съ окончаніемъ куплета плясуны останавливаются; слѣдуетъ за симъ прелюдія, потомъ пѣніе и начало пляски по прежнему; одна и таже пара дѣлаетъ ту же фигуру разъ десять и болѣе; иногда они вмѣстѣ сходятъ со сцены, иногда смѣняются по одиначкѣ, но сцена рѣдко остает-

ся незанятою. Пристрастіе ихъ къ этой пляскѣ необыкновенно: они смотрятъ на нее по цѣлымъ часамъ не сходя съ мѣста.

Пляска у всѣхъ народовъ и во всѣхъ вѣкахъ была выраженіемъ страстей, и въ особенности страсти сердечной; въ военныхъ пляскахъ изображаетъ человѣкъ борьбу со врагомъ и побѣду надъ нимъ; въ любовныхъ, кои суть пляски *rag excellence*, влеченіе одного пола къ другому. Чѣмъ народъ образованнѣе, тѣмъ болѣе въ пляскахъ его пристойности, пока — какъ въ общественныхъ нашихъ танцахъ — не остается и слѣдовъ первоначальной мысли, а вмѣстѣ съ тѣмъ и никакой поэзіи; но грубому сыну природы пляска тѣмъ болѣе нравится, чѣмъ она яснѣе говоритъ его чувствамъ... Трудно вообразить себѣ что нибудь *выразительнѣе* пляски Чилень, которые однако же умѣютъ соединить съ ней нѣкоторую систематическую пристойность: только что пляска кончилась и плясунъ и плясунья принимаютъ на себя прежній степенный видъ.

Нарядъ женщинъ сихъ ничѣмъ не отличается отъ наряда соотвѣтственнаго класса женщинъ въ Европѣ. Въ будни имѣютъ они обыкновенно на шеѣ платокъ шерстяной, и волосы за ушами; въ праздникъ же весьма нарядное платье, волосы завитые и украшенные разными цвѣтами, на ногахъ шелковые чулки, а иногда шелковые башмаки. Въ этомъ состоитъ роскошь женщинъ въ Чили и Перу. Они отказываютъ себѣ во всемъ, чтобы въ праздникъ явиться въ шелковыхъ чулкахъ, стоящихъ не менѣе 8 піастровъ и которыхъ больше 5 или 6 разъ надѣть не лзя, и что странно, чулки должны быть непременно Англійскіе. Французы могли бы снабжать ихъ ими гораздо дешевле.

ле, но Французскихъ чулковъ имъ не надо; въ Каллао привозится ежегодно чулокъ Англійскихъ болѣе чѣмъ на два милліона піастровъ, какъ увѣряли насъ многіе негоціанты.

Должно замѣтить, что въ пульперіяхъ веселится только самый низшій классъ народа; со всѣмъ тѣмъ не случилось мнѣ ни разу видѣть ни драки ни ссоры, словомъ ничего такого, чтобы могло нарушить общее веселіе. Сколько не отнести сего на счетъ исправности полиціи, не лъзя не замѣтить въ томъ и особеннаго благонравія народа. Насъ они иногда не замѣчали; иногда догадывались что мы иностранцы, давали всегда первое мѣсто, потчивали своимъ чича и пуншемъ, которые они тянутъ изъ бокаловъ бутылки въ двѣ; но никогда не показывали ни привязчивости, ни дерзости. Говорятъ, что прежде не такъ было безопасно посѣщать пульперіи, въ которыхъ будто случались и грабежи и смертоубійства. Нынѣ полиція здѣсь чрезвычайно исправна: во всю ночь разъѣзжаютъ по улицамъ конные патрули, забираютъ пьяныхъ, разгоняютъ шумящія толпы и пр. гдѣ недостаточно одного, свиснетъ, и вмигъ съ разныхъ сторонъ летятъ какъ вихрь другіе, которые съ ихъ пончами, шапками, съ кистями, и пр: составляютъ преживописную картину. Установленія сей полиціи я порядочно не понимаю; днемъ она ничего не значитъ; но вступаетъ въ свои права съ пробитіемъ вечерней зари; слѣдственно не тягота гражданъ, способствуетъ порядку. Сверхъ того есть еще ночные стражи, которые каждый часъ кричатъ пѣсню, начинающуюся словами: Ave Maria purissima. Иногда даже объявляютъ, какой вѣтеръ и погода. Они

ходятъ съ пиками и особыми знаками на лѣвой груди. Учрежденіемъ сихъ полицій Чилены обязаны О-Гиггинсу.

Вальпарейзо есть весьма удобное мѣсто для освѣженія судовъ, наипаче въ лѣтнее время, когда рейдъ совершенно безопасенъ и погода стоитъ всегда ясная. Зимой же Сѣверные вѣтры дующіе иногда съ великою силою прямо въ губу, дѣлаютъ рейдъ опаснымъ и приносятъ мрачныя и сырыя погоды. Вообще климатъ здѣсь весьма здоровый. Жизненные потребности, плоды и овощи въ большемъ изобиліи и не дороги. Мы получали ихъ по слѣдующимъ цѣнамъ:

Говядина, кинталь	6	піастр. (*)
Бараны, одинъ	2	—
Куръ, дюжина	4 $\frac{1}{2}$	—
Гусей, дюжина	8	—
Утокъ, дюжина	8	—
Индѣйки по	—	6 реал.
Картофель, фанега	1 п. 6	—
Капусты, сотня кочней	8 п. 2	—
Лукъ, сотня	1 0	—
Тыквъ, дюжина	1 2	—
Яиць десятокъ	— 1 $\frac{1}{2}$	—
Хлѣба, кинталь (**)	4 4	—
Вино Пенко, арроба (***)	3 4	—

(*) Піастръ 5 р. 25 к. и содержитъ 8 реаловъ: кинталь 110 ф. Росс. вѣса; фанега $2\frac{1}{7}$ четверика; арроба, мѣра жидкости $2\frac{1}{2}$ ведра.

(**) Хлѣбъ здѣсь прѣсепъ, не вкусепъ, печется слишкомъ круто и скоро черствѣетъ.

(***) Воинъ это готовится въ губѣ *Зачатія* въ мѣстечкѣ Ренсо, гдѣ стоялъ прежде городъ Зачатія.

Г Л А В А IV.

Плаваніе отъ Вальпарейзо до Ново-Архангельска.

Какъ мнѣ ни хотѣлось дать людямъ для Свѣтлаго Праздника покой, однакожъ не считая позволительнымъ долѣе здѣсь мѣшкать, сталъ я еще прежде разсвѣта 3-го Апрѣля вытягиваться за суда, чтобы съ первымъ дуновеніемъ вѣтра, съ которой бы то ни было стороны, вступить подъ паруса. Вытянувшись на средину, легли мы на верпѣ и въ ожиданіи вѣтра убрали судно сколько обстоятельства позволяли, для совершенія общей молитвы, съ приличною сему дню торжественностію.

Въ 3-мъ часу съ легкимъ вѣтромъ отъ NO вышли мы въ море.

Я имѣлъ теперь полную причину пожаловаться, подобно Лаперузу, что воображеніе мое на 2000 лигъ опередило существовать. И подлинно, весна сѣвернаго полушарія уже настала; время въ которое мнѣ надлежало бы быть на мѣстахъ дѣйствій нашихъ, приближалось, а я еще былъ у береговъ Хили, въ разстояніи оттуда на треть земнаго шара. Я не могъ не тревожиться этимъ, хотя причиною опозданія

были обстоятельства, коихъ я не имѣлъ ни какой возможности ни предвидѣть, ни отвратить. По всѣмъ вѣроятностямъ могли мы надѣяться, что по крайней мѣрѣ настоящій переходъ вознаградитъ насъ частию за испытанныя досель остановки и промедленія, ибо трехъ дней благополучнаго вѣтра достаточно было чтобы донести насъ до предѣловъ пассада; но и въ этой надеждѣ суждено намъ было ошибиться. Только что мы удалились въ море, какъ встрѣтили крѣпкій сѣверозападный вѣтръ, въ сіе время года здѣсь весьма необыкновенный, который съ непостижимымъ упорствомъ дулъ пятеро сутокъ, при великомъ волненіи и жестокой зыби. Для многихъ изъ спутниковъ нашихъ, въ послѣднее время нѣсколько отвыкшихъ отъ качки, возобновилъ онъ всѣ сцены первыхъ дней нашего путешествія.

9-го находясь еще въ широтѣ *Вальпарейзо*, около 300 миль отъ берега, получили мы SO вѣтръ со всѣми примѣтами пассада, скоро однако же опять уступившій мѣсто тишинамъ и противнымъ вѣтрамъ отъ NW, продолжавшимся до 14-го Апрѣля, когда въ широтѣ 25° и долготѣ 86° вошли мы наконецъ въ предѣлы пассада, и съ того времени плаваніе наше стало довольно успѣшно, покойно, единообразно и слѣдственно неинтересно. Наблюденія надъ магнитною стрѣлкой, надъ колебаніемъ барометра, надъ состояніемъ воздуха и моря, сверхъ ежедневныхъ Астрономическихъ для опредѣленія мѣста, занимали все наше время, которое, не взирая на все единообразіе, проходило довольно скоро.

Отъ широты 10° S. и долготы $116\frac{1}{4}^{\circ}$ взялъ я курсъ NW, по направленію острововъ Сандвичевыхъ. Хотя онъ уклонялъ насъ нѣсколько отъ прямого пути; но

я избралъ его по двумъ причинамъ: во первыхъ мы пресѣкали онымъ пространство моря досель весьма мало изслѣдованное, заключенное между широтами 9° S и 14° N, и меридіанами 115° и 140° W. Чрезъ сію площадь, содержащую болѣе 4-хъ милліоновъ квадратныхъ верстъ, не проплывалъ ни одинъ извѣстный мореплаватель, но всѣ приближавшіеся къ ней съ разныхъ сторонъ видѣли примѣты земли; изъ чего можно было съ большею вѣроятностію предполагать существованіе тутъ неизвѣстныхъ острововъ. Вѣроятность сія подтверждалась и еще однимъ соображеніемъ. — Въ расположеніи большихъ возвышенностей на землѣ замѣченъ законъ, что онѣ расположены хребтами, имѣющими нѣкоторое общее направленіе, по которому съ низменными мѣстами соединяются рядомъ постепенно снижающихся горъ. По аналогіи ищемъ мы и находимъ тотъ же законъ въ хребтахъ подводныхъ кражей, островами называемыхъ. Они обыкновенно лежатъ грядами, подводное продолженіе которыхъ означается низменными островами и рифами, по направленію ихъ лежащими. Значительнѣйшая по всему великому океану гряда острововъ *Сандвича*, простирающихся отъ NW къ SO на 275 миль, какъ будто одна дѣлаетъ исключеніе изъ сего закона. Къ NW продолженіе ея означаютъ острова *Птицъ*, *Неккеръ*, *Гарднеръ* и многіе другіе острова и рифы ежедневно открываемые; напротивъ того къ SO, кончась высочайшимъ на землѣ островомъ *Гавай*, пресѣкается она внезапно. Досель не открыто ни одного камня на разстояніи многихъ тысячъ миль, который бы означалъ продолженіе въ сію сторону сего огромнѣйшаго изъ всѣхъ подводныхъ кражей. Столь стран-

ное отступленіе отъ общаго закона изъясняется тѣмъ, что линія продолженная по направленію Сандвической гряды къ SO проходитъ именно по срединѣ того пространства, которое, какъ мы выше упомянули, вовсе еще не изслѣдовано, и на которомъ по сей причинѣ должно предполагать существованіе земель, доколь многіе поиски не докажутъ намъ противнаго. Въ семъ отношеніи взятый нами путь могъ оказаться не безъ полезнымъ для географіи.

Другая причина была произведеніе магнитныхъ наблюденій въ близи *магнетическаго узла* въ Великомъ Океанѣ, т. е. точки пересѣченія, или по крайней мѣрѣ наибольшаго сближенія магнитнаго и земнаго экваторовъ, которая, по изслѣдованіямъ *Ганстейна* и другихъ физиковъ, лежитъ въ долготѣ около 130° къ W отъ Гринича. Наблюденія сіи могли быть важны для теоріи земнаго магнетизма, какъ первыя въ близи сего пункта произведенныя.

Вступивъ въ мѣста неизвѣстныя, мы приняли всѣ нужныя осторожности на случай нечаянной встрѣчи земли. Якоря были въ готовности; днемъ одинъ матросъ безпрестанно находился на самомъ верху мачты; къ ночи паруса всегда убавлялись и вниманіе было усугубляемо; и во всякое время дня и ночи вся команда готова была броситься къ своимъ мѣстамъ. Я не забылъ такъ же мѣры, не менѣе другихъ въ семъ случаѣ полезной: обѣщаніе награды первому кто увидитъ землю, и взысканія тому часовому который ее просмотритъ. . . . Но всѣ эти, весьма благоразумныя осторожности оказались лишними; на всемъ переходѣ чрезъ жаркій поясъ не только не успѣли мы ничего открыть, но какъ нарочно и примѣтъ близо-

сти берега никогда не видѣли. Открытіе предполагаемыхъ острововъ, коихъ существованіе, не взирая на малый успѣхъ нашъ, кажется мнѣ несомнѣннымъ, ожидаетъ счастливѣйшаго насъ мореплавателя.

Въ другомъ предположеніи имѣли мы болѣе успѣха; покойное море позволяло намъ дѣлать ежедневно весьма исправныя наблюденія надъ магнитною стрѣлкою, кои въ связи съ другими, въ Великомъ Океанѣ произведенными, дадутъ интересные выводы, хотя обстоятельства и не позволили намъ опредѣлить непосредственно положенія *магнитнаго узла*. 4-го Мая пересѣкли мы магнитный экваторъ въ широтѣ $2^{\circ} 21'$ S и долготѣ $123^{\circ} 41'$. Улаясь къ Сѣверу отъ онаго, покуда нашли наклоненіе $2\frac{1}{2}^{\circ}$ N, пошли мы опять къ западу съ намѣреніемъ пресѣчь магнитный экваторъ вторично, и потомъ Сѣвернымъ курсомъ въ третій разъ, и такимъ образомъ опредѣля три его точки, означить вѣрно положеніе его относительно экватора земли. Но слишкомъ рано измѣнившій намъ SO пассадъ и сильныя теченія къ NO, замедляя плаваніе наше, заставили поспѣшать къ Сѣверу къ предѣламъ NO пассада, довольствуясь тѣми наблюденіями, кои обстоятельства сдѣлать намъ позволили. Чтобы успѣть вполнѣ въ первоначальномъ планѣ, должно бы употребить на то недѣли двѣ времени, отнявъ оныя отъ главной цѣли экспедиціи, на что я никакъ рѣшиться не могъ, запоздавъ уже и безъ того весьма много.

Наблюденія надъ *степенью* магнитной силы, кои вмѣстѣ съ другими въ продолженіе всего этого времени были производимы, подтвердили достопримѣчательный законъ, прежде уже замѣченный, что сила сія въ Великомъ Океанѣ болѣе чѣмъ въ Атлантическомъ,

при тѣхъ же магнитныхъ широтахъ: по нашимъ наблюденіямъ разность сія составляетъ $\frac{1}{10}$ всей силы.

8-го Мая пересѣкли мы экваторъ въ долготѣ 127° W. Начиная съ 10° южной широты терпѣли мы, не взирая на свѣжій пассадный вѣтеръ, сильные жары, беспокоившіе насъ болѣе, нежели при первомъ вступленіи въ тропики. Термометръ поднимался обыкновенно до 23°. По приближеніи къ экватору жаръ сдѣлался гораздо сноснѣе. Температура, какъ воздуха такъ и моря понизилась, на $1\frac{1}{2}$ ° и 2°, что для чувствъ было весьма примѣтно. Но въ широтѣ 3° и 4° N. встрѣтили мы прежніе жары. Подобное замѣчаніе сдѣлалъ уже Адмираль *Крузенштернъ*.

Потерявъ SO пассадъ въ широтѣ 3° N, имѣли мы переменные, довольно благопріятные вѣтры, до 11-го Мая, когда въ широтѣ $4\frac{3}{4}$ ° вступили въ *между-пассадную* полосу, которую проходили пятеро сутокъ. Проливнымъ дождямъ здѣсь встрѣченнымъ были мы очень рады; они освѣжили воздухъ и снабдили насъ недѣли на двѣ водою: безъ этого подспорья должно бы было скоро убавить порцію оной, хотя люди и находили двѣ кружки въ день въ сильные жары на всѣ потребности недостаточными; сверхъ того перемыли они бѣлье, и сами вымылись въ прѣсной водѣ — роскошь, которой давно не знали.

NO пассадъ, котораго приближеніе за двое сутокъ означилось сильною зыбью отъ NO, получили мы 16-го Мая въ широтѣ $5\frac{1}{2}$ ° N, съ порывомъ отъ NO и проливнымъ дождемъ, продолжавшимся 7 часовъ сряду. Къ вечеру дождь прекратился, но прекрасное небо, которымъ мы наслаждались въ предѣлахъ SO пассада, не возвратилось. Погода была всегда пасмурная; гу-

стыя низкія облака быстро неслись по вѣтру и часто приносили съ собою дождевые шквалы; солнце подернуто было всегда туманнымъ покрываломъ; за то плаваніе наше было весьма успѣшно. 27-го Мая пересѣкли мы сѣверный тропикъ въ долготѣ 142°; солнце было почти въ самомъ зенитѣ; но вертикальные лучи его не только не палили, но едва достаточно согрѣвали насъ привыкшихъ къ теплу.

Въ продолженіе всего времени, что мы находились въ тропикахъ, море было весьма бѣдно животными; но отъ широты 30° стали показываться во множествѣ разныхъ родовъ морскіе черви, кои не только Гг. Натуралистовъ, занимавшихся изслѣдованіемъ ихъ, но и насъ профановъ чрезвычайно интересовали. Необыкновенное разнообразіе формъ и сложенія, граціозность движеній, прелестные цвѣты и переливы сихъ едва оживотворенныхъ существъ, заставляютъ насъ удивляться неистощимости и даже прихотливости творящей природы болѣе, можетъ быть, нежели въ слонъ и гиппопотамъ. Болѣе всѣхъ удивляло насъ животное называемое *Lepas*, которое прильпаясь къ другому (*Velella*) и возрастая на счетъ его, составляетъ наконецъ фамилію изъ 10 или 15 недѣлимыхъ, одно отъ другаго независимыхъ, но не имѣющихъ воли отдѣлиться отъ общаго центра, на которомъ возрасли. Странное животное сіе встрѣчалось на поверхности моря полосами, простиравшимися въ длину иногда за предѣлъ зрѣнія, и что удивительно, всегда между собою параллельными; ни волненіе, ни движеніе судна не могли разстроить сихъ линій. Мы замѣтили, что положеніе этихъ фронтовъ соотвѣт-

ствовало всегда направленію теченія, въ тотъ день господствовавшего.

НО пассадъ, выпроводившій насъ изъ тропиковъ, непримѣтно перешель въ постоянный восточный вѣтръ, съ которымъ мы плыли довольно успешно. Между широтами 45° и 51° море было такъ покойно, какъ мнѣ никогда въ океанѣ видѣть не случилось. Судно не имѣло совершенно никакого колебанія.. 11-го Іюня увидѣли мы наконецъ гору *Еджкомбъ*, означающую съ Сѣвера входъ въ заливъ Ситхинскій, отъ которой ввечеру находились на SW въ 5 миляхъ. Утихшій вѣтеръ не позволилъ намъ въ тотъ же день достигнуть гавани. Пользуясь каждымъ его дуновеніемъ подвигались мы медленно впередъ; на слѣдующее утро встрѣчены были лоцманомъ изъ *Ново-Архангельска*, который около полдня поставилъ насъ на якорь во внутренней гавани.

ГЛАВА V.

Пребываніе въ Ново-Архангельскѣ. — Замѣчанія о колоніяхъ Россійско-Американской Компаніи вообще, и въ особенности о Ново-Архангельскѣ.

Пять недѣль, здѣсь проведенныя, прошли въ многоразличныхъ занятіяхъ весьма скоро. Кромѣ обыкновенныхъ, послѣ 10-мѣсячнаго плаванія, исправленій и починокъ въ корпусъ и вооруженіи судна, должны мы были выгрузить оное совершенно, для поднятія лежавшаго на самомъ низу компанейскаго груза, прибавить вмѣсто того до 35 тонновъ каменнаго баласта, нарубить большое количество дровъ, и проч., и все это исполнить собственными средствами, поелику въ Ново-Архангельскомъ портѣ, по разсылкѣ людей на промыслы, едва оставалось достаточно рукъ и для собственныхъ надобностей.

Но если почтенный Начальникъ Колоній, (*) при всемъ желаніи своемъ, не имѣлъ возможности оказать намъ пособія въ семь дѣль, то для другихъ занятій доставилъ намъ всевозможные способы и удобства. Мнѣ уступленъ былъ домъ занимаемый однимъ

(*) Капиталь 2 ранга Петръ Егоровичъ Чистяковъ.

изъ главныхъ чиновниковъ Компаніи; Гг. Натуралисты имѣли особенный; для сихъ послѣднихъ во всякое время готовы были байдарки для разъѣздовъ по окрестностямъ, и всѣ мы однажды навсегда приглашены были къ его столу, дабы не развлекаться заботами хозяйственными. Гостепріимный домъ сего достойнаго и любезнаго человѣка во всякое время для всѣхъ офицеровъ, своихъ и нашихъ, открытый, былъ драгоцѣннымъ для насъ прибѣжищемъ, въ которомъ свободные отъ дѣлъ часы проводили мы пріятнѣйшимъ образомъ.

Усиливая работу, какъ только попеченіе о здоровьи людей позволяло, могли мы къ половинѣ Іюля изготовить шлюпъ къ продолженію плаванія; наблюденія астрономическія и физическія были кончены, и вмѣстѣ съ письмами и донесеніями вручены Г. Чистякову для доставленія въ Россію; Гг. Натуралисты насытились созерцаніемъ природы богатой и оригинальной, и мы 19-го Іюля оставили наконецъ Ситху, унося пріятныя воспоминанія о дисциплинѣ и согласіи, порядкѣ и дѣятельности, любезности и гостепріимствѣ, кои могли бы украсить и менѣе дикій уголокъ земли.

Что можетъ быть легче, казалось бы, какъ описать то что видишь? И не должны ли по этому всѣ описанія одного и того же предмета быть всегда между собою сходны, — разумѣя описанія одинаково правдивыя. Отъ чего же находимъ мы столь странныя противурѣчія въ разсказахъ путешественниковъ объ одной и той же странѣ, объ одномъ и томъ же

народъ? Это можетъ происходить отъ разныхъ причинъ, изъ коихъ главнѣйшая та, что люди обыкновенно смотрятъ на вещи сквозь призму предубѣжденій; такъ, что кажется, будто они стараются наблюдать, собирать факты, не для того чтобы *познать* истину положительную, но только чтобы *доказать* истину своихъ, напередъ принятыхъ, мнѣній. Сей родъ произвольнаго заблужденія кажется врожденъ человеку, и едва ли есть изъ тысячи одинъ, который не имѣлъ бы сего недостатка. Сверхъ того видѣть вещи въ истинномъ ихъ свѣтѣ и передать другимъ впечатлѣнія на насъ ими произведенныя, не такъ легко, какъ съ перваго взгляда показаться можетъ. Наконецъ состояніе вещей, обстоятельства, отношенія со временемъ перемѣняются. Всякая вещь имѣетъ двѣ стороны; стоитъ только чтобы одинъ повѣствователь ярче освѣтилъ выгодную, а другой набросилъ гуще тѣнь на противную, и одинъ и тотъ же народъ явится вамъ то великодушно презирающимъ опасность и защищающимъ съ геройствомъ свою родину; то упивающимся кровью извергомъ, не знающимъ высшаго наслажденія, какъ страданія своей жертвы; то преуспѣвающимъ на пути истины и наслаждающимся всѣми благодѣяніями раждающейся гражданственности, то стѣняющимъ подъ ферулою лжеапостоловъ, и, вмѣстѣ съ оригинальностію, теряющимъ всѣ добродѣтели природнаго состоянія. Сличеніе многихъ противоположныхъ показаній какъ между собою, такъ и съ обстоятельствами, подъ вліяніемъ коихъ были начертываемы, необходимо, чтобы основать мысли и получить понятіе, сколько нибудь справедливое, о странахъ и народахъ отдаленныхъ. Вотъ что

побудило меня, послѣ всего что было писано о странѣ, подъ веденіемъ Россійско-Американской Компаніи состоящей, изложить здѣсь то, что мнѣ удалось самому видѣть, или почерпнуть изъ достовѣрныхъ источниковъ (*).

Мореходецъ, въ первый разъ усматривающій Северо-Западный берегъ Америки, поражается живописною его дикостію. Высокія, островерхія горы, отъ вершины до подошвы покрытыя *дѣвственными* лѣсами, круто опускаются въ море. При входѣ въ обширный Ситхинскій заливъ, по лѣвую руку гора *Эджкомбъ*, погасшій вулканъ (**) (2800 ф. надъ водою) разнообразить картину; вправѣ и впереди цѣпь острововъ плотно облегаетъ матерой берегъ. Все тихо и дико; ничто не предвѣщаетъ ему приближенія къ устроенному порту. Показавшіяся между островами катера и байдарки, на встрѣгу ему поспѣшающія, первыя о томъ ему напоминаютъ. Миновавъ лабиринтъ острововъ, картина вдругъ предъ нимъ оживляется: онъ усматриваетъ Русскій флагъ, гордо развѣвающійся на крѣпости, расположенной на высокомъ утесѣ; палисады съ башнями окружаютъ большой домъ Начальника, магазины, казармы; вправѣ

(*) Мнѣ пріятно изъяснить здѣсь чувствительную мою признательность нынѣшнему Начальнику Колоній, многолѣтнему моему другу, Барону Врангелю, доставившему мнѣ многіе любопытные матеріалы; равно какъ и бывшему Правителю Ново-Архангельской Конторы Г. Хлѣбникову, дозволившему мнѣ воспользоваться подробными записками, составленными имъ въ 15-лѣтнее его въ томъ краю пребываніе.

(**) Въ 1796 году онъ еще извергалъ дымъ и пламя; но 8 лѣтъ спустя Капитанъ Лисянскій восходилъ на него, и нашелъ его уже въ покоѣ.

храмъ Божій; далѣе вдоль берега рядъ домовъ и огороды; влѣвъ верфь и большое селеніе Американцевъ; въ гавани и на рейдѣ нѣсколько судовъ, разруженныхъ и вооруженныхъ, и между ими нерѣдко иностранныя; все вмѣстѣ являетъ картину порядка, живости и благосостоянія, пріятно контрастирующую съ угрюмостью окружающей природы.

Многіе путешественники и историки (*) описываютъ въ подробности, какими степенями сначала суда частныхъ людей, потомъ частныхъ компаній, а наконецъ и привилегированной нынѣшней компаніи преслѣдуя бобровъ отъ острова до острова, отъ бухты до бухты, и вездѣ ихъ истребляя, достигли наконецъ до матераго Американскаго берега; что побудило правителя Баранова основать постоянное заведеніе, крѣпость *Архангельскую*, въ Ситхинскомъ заливѣ; какъ это первое заведеніе было истреблено Американцами; какъ наконецъ, съ помощію корабля Невы, Барановъ ихъ смирилъ, отнялъ ихъ укрѣпленіе, и на томъ самомъ мѣстѣ основалъ крѣпость *Ново-Архангельскую*, поднесъ существующую.

Она лежитъ на островѣ *Баранова* или *Ситхъ*, принадлежащемъ къ Архипелагу Короля Георга III, такъ именованному Ванкуверомъ, въ концѣ залива, имъ же названнаго *Norfolk Sound*. Островъ сей отъ материка Америки отдѣляется *Хуцновскимъ* проливомъ

(*) Сарычевъ, Давыдовъ, Лангсдорфъ, Лисянскій, Головинъ, Коцебу; Исторія открытія Алеутскихъ Острововъ, Г. Берха; Coxe's Russian Discoveries. Также весьма любопытная статья Г. Хлѣбникова въ Журналъ Радуга, издаваемомъ въ Ревелѣ, 1833. Кн. II, III и V.

(Chatam's Strait) и нѣсколькими другими островами. Барановъ, избирая подъ новое свое заселеніе мѣсто взятое у Американцевъ, поступилъ съ обычною своею прозорливостію; онъ зналъ, что ему трудно будетъ найти мѣсто удобнѣйшее избраннаго природными жителями. *Кекуръ* (*) давалъ ему средство укрѣпиться неприступнымъ для дикихъ образомъ; съ высоты его могъ онъ обозрѣвать новое заведеніе; оттуда пускалъ ночью сигналы по часовымъ, и не выходя изъ своего дома, могъ наблюдать за общемою исправностію. Преемники его не пускаютъ сами сигналовъ; но не оставляютъ сего мѣста, которое открываетъ имъ обширный видъ на все заселеніе, на рейдъ и на море, чрезъ оетрова, образующіе гавань. Густой лѣсъ, примыкавшій прежде къ самымъ домамъ, служилъ *Колошамъ* неприступною засадою, изъ которой въ первое время нерѣдко нападали они на жителей. Тщетно силился Барановъ истребить его огнемъ; земля и воздухъ сообщаютъ здѣсь такую сырость растеніямъ, что обгорѣвшіе сучья на слѣдующій годъ еще лучшею зеленью покрывались. Въ теченіе лѣтъ лѣсъ сей въ ближайшей окрестности селенія вырубился, оставя памятниками своего существованія огромные пни, сплошь покрывающіе землю, и представляющіе странную и характеристическую картину.

(*) *Кекуроли* называется въ томъ краю, какъ и у города Архангельска, отдѣльно въ морѣ стоящій утесъ. Названіе сіе несправедливо приложено скалѣ на которой стоитъ крѣпость; но уже освятилось временемъ. Говорятъ: живу на Кекуръ, иду на Кекуръ. Шхипера Соединенныхъ Штатовъ, участвовавшіе въ пирушкахъ, во время оно тутъ бывавшихъ, прозвали его Runch Hill.

Селеніе состоитъ теперь изъ двухъ частей: крѣпости и предмѣстія: въ первой заключается двухъэтажный домъ Главнаго Правителя, стоящій на самой вершинѣ кекура, около 80 футъ надъ водою, и образующій съ окружающими его башнями и батареею, вооруженными 32 орудіями, какъ бы цитадель мѣста; остальное обнесено только палисадомъ безъ пушекъ. Тутъ расположены казармы для служителей, Алеутскіе кажимы (*), дома для жительства чиновниковъ, больница, бани, магазины, лавки, и адмиралтейство съ мастерскими. Сюда же примыкаетъ длинная на сваяхъ мола, служащая для приставанія и выгрузки судовъ. Внѣ крѣпости къ востоку находится церковь и до 25 домовъ, большею частію принадлежащихъ частнымъ людямъ, въ службѣ компаніи состоящимъ, и огороды.

Все въ крѣпости находящееся строеніе, есть собственность компаніи и содержится хорошо, хотя и не безъ труда, ибо великолѣпный сосновый и еловый лѣсъ, на оное употребляемый, какъ по качеству своему, такъ и отъ климата, весьма недолговѣченъ.

Въ одной изъ башенъ, составляющихъ крѣпостную стѣну, расположенъ арсеналь, снабженный огнестрѣльнымъ и холоднымъ оружіемъ слишкомъ на тысячу человекъ, и содержимый въ большемъ порядкѣ.

Больница, вмѣстѣ съ аптекою, находится въ особенномъ домѣ. Въ ней 8 кроватей для тяжело

(*) *Кажимы* слово Кадыякское, означающее большой сарай, употребляемый для игрищъ. Слово сіе удержано для означенія казармъ, въ коихъ помѣщаются Алеуты.

больныхъ, снабженные въ изобиліи бѣльемъ и всѣми потребностями и содержимыя въ большей чистотѣ. Страждущіе легкими припадками приходятъ сами по утрамъ для полученія лекарствъ. Компанія печется о снабженіи больницы ежегодно хорошими медикаментами. Находящіеся въ больницѣ получаютъ свѣжую пищу и чай на счетъ компаніи. При главномъ врачѣ находятся четыре ученика изъ Креоловъ, обучающіеся врачебному искуству, что уповательно дастъ компаніи средство устроить со временемъ лечебницы и въ другихъ главныхъ мѣстахъ ея колоній, гдѣ ихъ теперь нѣтъ.

Адмиралтейство заключаетъ нѣсколько элинговъ и всѣ нужныя для постройки и починки судовъ мастерскія. Построенныя здѣсь суда служатъ не долго, отъ качества ли лѣса, или отъ того, что оный до употребленія не высушивается. На шпангоуты употребляютъ *кипарисъ*, называемый здѣсь *душмянкою*; на бимсы и палубы ель; на обшивку, а иногда и палубы лиственницу. Правители предпочитали иногда покупать приходящія изъ Соединенныхъ Штатовъ суда и эти лучшія изъ всѣхъ компанейскихъ судовъ; но Главное Правленіе находило вымѣнъ сей убыточнымъ, и положило кораблестроеніе на мѣстахъ усилить. Въ 1829 году отстроено въ Ситхѣ корабль въ 400 тонновъ. Малыя одномачтовыя суда для сношеній съ отдѣлами конечно всегда будутъ строиться здѣсь. Гребныя суда здѣшней постройки особенно хороши. Въ Калифорніи сдѣланъ былъ опытъ построенія судовъ, но дубъ тамошній оказался столь слабымъ, что два построенныя тамъ судна не болѣе трехъ лѣтъ выслужили. Нѣкоторыя суда

строены въ Охотскѣ изъ лиственничнаго, весьма прочнаго лѣса. Лишнее упоминать, что всѣ эти суда обшиты мѣдью. Нигдѣ предосторожность сія не нужна столько какъ здѣсь, по множеству древоточащихъ червей въ морѣ. Суда, лежащія въ гавани на якоряхъ нѣсколько мѣсяцевъ сряду, поднимаютъ ихъ часто со всѣмъ безъ штоковъ.

Къ Ново-Архангельскому порту принадлежатъ около 15 судовъ отъ 60 до 350 тонновъ, составляющія вмѣстѣ до 2000 тонновъ вмѣстительности, служащія для сношеній съ Охотскомъ, съ Калифорніею и другими мѣстами, откуда колоніи получаютъ свое продовольствіе; равно и съ другими отдѣлами.

Управляемые офицерами ИМПЕРАТОРСКАГО флота суда содержатся весьма чисто, нѣкоторыя даже щеголевато, и въ воинской дисциплинѣ, что дѣлаетъ равную честь какъ командирамъ, такъ и компаніи, доставляющей имъ къ тому средства.

Ново-Архангельское адмиралтейство, кромѣ прямого своего назначенія, приносить компаніи и иную пользу: кузнецы, въ свободное отъ судовыхъ работъ время, куютъ сошники и другія земледѣльческія орудія, а литейщики льютъ колокола для Калифорніи, продающіеся тамъ съ большою выгодною; мѣдники готовятъ всю мѣдную посуду нужную для употребленія на судахъ и по колоніямъ, для продажи въ Калифорніи и для мѣновой торговли съ дикими Сѣверной Америки, такъ что оной ни сколько изъ Россіи не выписывается. Свѣчи здѣсь употребляемыя всѣ литыя домашняго, изъ Калифорнскаго сала. При большей части мастерствъ есть ученики изъ Крео-

ловъ, кои частію замѣнили уже Русскихъ мастеровыхъ.

Населеніе Ново - Архангельска состоитъ изъ 800 человекъ Русскихъ, Креоловъ и Алеутовъ (*), частію въ службѣ компаніи состоящихъ, частію по охотѣ тутъ живущихъ. Но число это въ разныя времена весьма измѣняется. Лѣтомъ по отправленіи судовъ въ море и партій на промыслы, остается иногда не болѣе 180 служащихъ, считая и мальчиковъ, такъ что за вычетомъ должностныхъ, часовыхъ, и пр. иногда нельзя набрать гребцовъ на барказъ, какъ и въ наше время было.

Если я сказалъ, что мы время наше въ Ситхѣ провели весьма пріятнымъ образомъ, то изъ сего не должно еще заключать, чтобы вообще пребываніе здѣсь могло служить идеаломъ раздольной жизни, напротивъ, по множеству неудобствъ и непріятностей оно должно быть почитаемо добровольнымъ заточеніемъ, которое служащіе компаніи на себя налагаютъ.

Великое отдаленіе отъ Европы и рѣдкое и затруднительное съ нею сообщеніе, составляютъ одну изъ великихъ непріятностей здѣшней жизни. Почта получается одинъ разъ въ годъ, съ судами приходящими изъ Охотска въ Августъ и Сентябрь, и привозящими съ собою письма, журналы, и вновь опредѣлившихся на службу. Это важное событіе приводитъ

(*) *Служащихъ Компаніи*: Русскихъ (чиновники, мореходы, прикащики, матросы, мастеровые) 300 человекъ и Алеутовъ 100 человекъ. *Неслужащихъ*: Алеутовъ (мужчинъ, женщинъ и дѣтей) 400 человекъ.

все въ движеніе на нѣсколько недѣль. Другая важная эпоха (въ Апрѣль) есть отправленіе судовъ въ Охотскъ, отвѣты на письма, выѣздъ отслужившихъ сроки, и пр. Прибытіе прямо изъ Европы военного или компанейскаго судна есть праздникъ, не всякій годъ случающійся. Единообразіе остальнаго времени облегчается только постоянными занятіями по службѣ не оставляющими времени скучать. Библіотека, еще Камергеромъ Резановымъ завезенная, и ежегодно пополняемая, есть такъ же великое пособіе. Домъ Главнаго Правителя остается всеобщимъ прибіжищемъ въ свободные часы. По заведенному обычаю всѣ офицеры ежедневно у него собираются, а въ праздничные дни всѣ обѣдаютъ; бесѣды сіи, въ которыхъ между другими предметами разсуждается и объ дѣлахъ, раждаютъ свѣчку и взаимную привязанность, въ отдаленныхъ мѣстахъ столь необходимыя. Управленіе нынѣшняго Начальника составить и въ семъ отношеніи эпоху; первая образованная дама въ лицѣ супруги Барона Врангеля освятила сіе пустынное мѣсто. Примѣръ семейнаго устройства и счастья болѣе всего можетъ способствовать распространенію порядка и благонравія.

На человека, пріѣзжающаго сюда съ Европейскими понятіями о приличіи и нравственности, не можетъ сдѣлать пріятнаго впечатлѣнія состояніе нравовъ, которое онъ здѣсь находитъ. Я говорю о томъ что есть, не утверждая, чтобы могло быть иначе въ заселеніи, куда ежегодно прибываютъ холостые люди, съ тѣмъ чтобы чрезъ нѣсколько лѣтъ возвратиться, и гдѣ число мужчинъ къ числу женщинъ содержится какъ 4: 1. Сія великая несоразмѣрность

въ числѣ мужчинъ производила прежде ужасные безпорядки, и была одною изъ причинъ, по чему позволено Американцамъ поселиться подъ стѣнами самой крѣпости.

Безпокойное сосѣдство сіе разнообразить, можетъ быть, но не украшаетъ здѣшной жизни. Прежде никому изъ нихъ не позволялось основывать тутъ постоянныхъ жилищъ. Весною, во время хода сельдей, когда они запасаютъ икру сей рыбы, съѣзжалось ихъ и прежде къ крѣпости до тысячи человекъ, и столько же на ближайшіе островки; лѣтомъ не рѣдко отъ 500 до 600 человекъ; но весьма немногіе изрѣдка имѣли позволеніе ставить на долго хижины свои подлѣ крѣпости, и у тѣхъ отбиралось оружіе. Главный Правитель М. И. Муравьевъ рассчитывая, что имѣя подъ своими пушками женъ и дѣтей ихъ и все имущество, гораздо легче будетъ содержать ихъ въ уздѣ и узнавать всѣ ихъ замыслы, позволилъ имъ подлѣ самой крѣпости основать большое селеніе. Предположеніе сіе совершенно оправдалось. Колоши сдѣлались съ тѣхъ поръ гораздо обходительнѣе и сверхъ того связи женщинъ ихъ съ Русскими даютъ возможность узнавать все что между ими происходитъ. И прежде уже неоднократно открывались замыслы Колошъ чрезъ женщинъ, и многіе Русскіе при непріязненныхъ дѣйствіяхъ были ими спасаемы.

Климатъ не вознаграждаетъ за всѣ сіи непріятности; ибо въ лучшій годъ бываетъ не болѣе одной трети ясной или только сносной погоды; въ иной же годъ только 30 или 40 дней ясныхъ насчитываютъ. Обыкновенное состояніе атмосферы: сырость, мрачность, мелкій дождь. Зима вообще бываетъ тепла;

въ половинѣ Января случаются ясные дни, въ которые Реомюровъ термометръ поднимается до $+ 10^{\circ}$; иногда же опускается до $- 10^{\circ}$, и даже до $- 14^{\circ}$. Снѣгъ иногда держится съ Ноября до Февраля; но обыкновенно идетъ съ дождемъ, и съ нимъ же сходитъ. Весна начинается рано; въ Февраль цвѣтеть малина, и въ Маѣ созрѣваетъ; но случается такъ же въ Мартѣ стужа по утрамъ до $- 8^{\circ}$, и въ Апрѣль до $- 4^{\circ}$. Вообще времена года меньше между собою различествуютъ нежели въ странахъ, лучшимъ климатомъ пользующихся, и весь годъ болѣе походить на осень, нежели на что другое (*). Со всѣмъ тѣмъ замѣчено, что погода сія болѣе непріятна, нежели вредна для здоровья людей.

Еще одно невыгодное обстоятельство, имѣющее непосредственное вліяніе на удобства жизни, есть недостаточное и затруднительное продовольствіе. Въ хлѣбъ, попеченіемъ правителей, нынѣ недостатка не бываетъ; но кромѣ его, главнѣйшее основаніе продовольствія есть одна только *рыба*. Рыба во всѣхъ видахъ ежедневно является на всѣхъ столахъ, и почти одна исключительно питаетъ какъ чиновниковъ, такъ и промышленныхъ.

Мясную пищу самъ Начальникъ Колоній весьма рѣдко имѣетъ. Невозможность содержать скотъ на подножномъ кормѣ, недостатокъ сѣнокосныхъ мѣстъ, сырой климатъ, отъ котораго немалая часть скошеннаго сѣна пропадаетъ, не позволяютъ содержать здѣсь

(*) Для любителей Метеорологіи прилагается въ концѣ сей главы выписка изъ Метеорологическаго журнала за 1828 и 1829 годы.

больше 8 или 10 головъ рогатаго скота, изъ коихъ прокормленіе каждой стоитъ болѣе 100 руб. въ годъ, а иногда и вдвое, когда по недостатку сѣна нужно бываетъ употреблять для корму хлѣбъ. По сей причинѣ мясо можетъ быть производимо служителямъ только въ большіе праздники, не болѣе полуфунта на человѣка.

Свиньи менѣе прихотливы, и на рыбной пищѣ живутъ очень хорошо, и потому ихъ многіе содержатъ; но отъ этой пищи мясо ихъ получаетъ отвратительный рыбный вкусъ; чтобы имѣть вкусную свинину должно свиней кормить зернами, и тогда мясо ихъ обходится не дешевле, какъ и говядина.

Содержаніе домашнихъ птицъ такъ же стоитъ дорого; и сверхъ того разведенію ихъ есть еще и другое препятствіе — множество и необыкновенная хищность воронъ, похищающихъ не только цыплятъ, но и большихъ куръ, только что они покажутся на волю. Ихъ стрѣляютъ безпрестанно, но это ни числа ихъ ни смѣлости не уменьшаетъ. Свиньямъ приносятъ онѣ только частный ущербъ: гоняясь за ними, отклевываютъ имъ хвосты, отъ чего въ Ново-Архангельскѣ всѣ свиньи безхвостыя. Но раззоряя хозяйства, приносятъ хищники сіи и нѣкоторую пользу: все выброшенное на улицу вмигъ ими разносится и очищается, что и доставило имъ прозваніе *Ново-Архангельской полиціи*.

Зимой промышляется Алеутами нѣсколько горныхъ барановъ, доставляющихъ столу нѣкоторую разнообразность.

Рыбу продолжаютъ ловить почти во весь годъ. Въ Февраль и Мартъ появляются у береговъ сельди,

коихъ ловятъ неводами въ разныхъ мѣстахъ близъ крѣпости. Промышленные не любятъ свѣжей рыбы (*), и потому съ самыхъ первыхъ улововъ ее начинаютъ солить и выдаютъ уже соленою. *Красная* рыба начинается идти сперва въ садки устроенные при Озерскомъ редутѣ; въ Іюнѣ наибольшій ея ходъ; за *красною* рыбою слѣдуетъ *горбуша*, *хайко* и потомъ *кижучъ* (**). Покуда ходъ не великъ засола не начинаютъ, а отправляютъ свѣжую рыбу въ крѣпость для продовольствія. Солить рыбу начинаютъ въ Іюнѣ и продолжаютъ до Сентября. Всего засаливается въ редутѣ до 50,000 рыбъ, на что нужно болѣе 1000 пудъ соли.

Въ Іюль начинаютъ ловить близъ крѣпости въ невода *горбушу*, *хайко* и *кижучъ*, коими довольствуется вся крѣпость и сверхъ того засаливается до 30 бочекъ.

Съ Ноября мѣсяца отражаютъ 8 или 10 человекъ Алеутовъ въ море удить *палтусовъ*, платя за то по 10 руб. въ мѣсяцъ каждому. Уловъ продолжается до Апрѣля и доставляетъ около 120 пудъ въ мѣсяцъ. Сія рыба идетъ преимущественно на госпиталь, потомъ чиновникамъ и служителямъ.

Алеуты по возвращеніи съ промысловъ въ Августъ, отправляются по разнымъ рѣкамъ для рыбной ловли; зимою же выѣзжаютъ на проливы удить *треску*, *палтусовъ*, *кунжу*, *налимовъ* и *окуней*; и симъ

(*) Замѣчательно, что во всѣхъ изобилующихъ рыбою мѣстахъ какъ на прим. у города Архангельска, въ Сибири, и пр. предпочитаютъ соленую, и даже съ *букетомъ* рыбу, свѣжей.

(**) Всѣ эти рыбы суть только разные виды и отличія породы *семги*. *Красная рыба* есть тоже что *Нерка*; *хайко* есть Камчатское названіе для рыбы называемой по Русски *Кета*.

не только сами достаточно снабжаются, но иногда продают обывателямъ болѣе половины улова. Напротивъ того случались и такіе недостатки, что должно было довольствоваться самихъ Алеутовъ хлѣбною провизіей.

Кромѣ рыбы, море доставляетъ для пищи два рода раковъ и нѣсколько раковинъ. Изъ сихъ послѣднихъ лучшія суть называемыя здѣсь *мамаями*. Онѣ величиною съ большую устрицу и живутъ въ бѣлой раковинѣ; жареныя весьма вкусны, а вареныя даютъ прекрасную похлебку. *Байдарки* хороши соленыя. Изобильнѣйшія всѣхъ *Морскія рѣпки* такъ же употребляются въ пищу, не вкусны, но питательны, и, говорятъ, даже врачевны противу чахотки и каменной болѣзни.

Сивучи, изрѣдка добываемые, не могутъ быть сочтены постоянною статьею продовольствія, хотя мясо ихъ ѣдятъ и охотно. Когда гдѣ выкинетъ *кита*, то Алеутамъ праздникъ; они ничего лучше китоваго жира не знаютъ.

Нѣкоторое подспорье продовольствію дѣлаютъ доставляемые съ острововъ *Прибылова* соленое и сушеное сивучье и котовое мясо и жиръ; изъ Уналашки китовый жиръ; и изъ Кадьяка юкола, ягоды и жиръ китовый. Послѣдній одними Алеутами употребляется въ пищу.

Картофель разводится успѣшно, и имъ всѣ въ изобиліи запасаются. Собственно на счетъ компаніи снимается до 150 боченковъ, изъ коихъ большая часть употребляется на гошпиталь и школу, а зимою довольствуются такъ же и промышленные.

Собираемая весною *крапива*, *петрушка*, *щавель* и *цикорія*, *брусника*, *шикша*, *клюква*, *мо-*

рошка; весьма вкусная ягода, известная здѣсь подъ названіемъ *бархатной*, на кустарникъ растущая; весьма водянистая *малина*, и очень невкусная *рябина*, *смородина* и *черника*, составляютъ полный реестръ находимыхъ здѣсь снѣдомыхъ прозябеній.

До 1818 года промышленные Американской компаніи состояли на *паяхъ*, т: е: служили изъ нѣкотораго участка въ промыслахъ. Въ началѣ, когда отпращиванія производились частными людьми, или даже частными компаніями, инаго основанія условіямъ можетъ статья и быть не могло. Но неопредѣлительныя условія сіи, производя всегдашнюю неясность во взаимномъ отношеніи промышленныхъ и компаній, были одною изъ главныхъ причинъ безпорядковъ и жалкаго положенія первыхъ, кои во многихъ путешествіяхъ описаны столь яркими красками.

Одно изъ важнѣйшихъ и полезнѣйшихъ преобразованій, сдѣланныхъ Капитаномъ Гагемейстеромъ въ 1818 году, было уничтоженіе паевъ. Теперь всѣ безъ изъятія служащіе компаніи состоятъ на ея жалованьи, по условіямъ, и получаютъ отъ нее квартиру, дрова и свѣчи; но обязуются ни въ какой торговлѣ не участвовать. Главный Правитель долженъ быть непременно изъ морскихъ офицеровъ. Статья Высочайше дарованныхъ ей привилегій, коею чиновникъ сей сравненъ въ преимуществахъ съ служащими въ Сибирскихъ Губерніяхъ, весьма важна для нее потому, что даетъ ей средства имѣть на семь мѣстъ, отъ котораго главнѣйше зависитъ ея преуспѣяніе, достойныхъ и надежныхъ людей, какъ три послѣдовательныя Начальства доказываютъ. Срокъ служенія чиновниковъ обы-

кновенно отъ трехъ до пяти лѣтъ, а *промышленныхъ*, какъ продолжають по принятому обыкновению называть *работниковъ*, семь лѣтъ. Последніе получаютъ жалованья отъ 350 р. до 450 р. въ годъ и паекъ; компанія доставляетъ ихъ въ колоніи и по выслугѣ обратно, на свой счетъ; платитъ за нихъ подати; въ случаѣ болѣзни пользуется и доволъствуетъ, ничего за то не взыскивая; колоніальные жизненные припасы, и въ морѣ морскую порцію отпускаетъ безденежно; все нужное на одежду и обувь отпускаетъ изъ своихъ магазиновъ, по утвержденной таксѣ; а отличившимся особеннымъ усердіемъ выдаетъ денежныя награды, до 100 рублей и болѣе, по разсмотрѣнію Главнаго Правителя, изъ определенной на сей предметъ особой суммы. На семь положеніи расчетъ каждаго промышленнаго всегда чистъ; онъ снабженъ всѣмъ достаточно, но не выше своихъ средствъ, ибо ограничено количество припасовъ и другихъ вещей, которое онъ, сверхъ положеннаго отъ компаніи, изъ лавки ея купить можетъ. Въ уплату полученныхъ задатковъ удерживается при ежемѣсячной выдачѣ жалованья третья часть, такъ что весьма немногіе, и развѣ только безпорядочные и нерадивые, не очищаютъ долговъ прежде срока своего служенія, а многіе возвращаются съ весьма порядочнымъ капиталомъ, не считая того, сколько за служащихъ платится повинностей и пенсіоновъ родственникамъ. Въ 12 лѣтъ съ 1818 по 1830 годъ, прибыло въ колоніи Русскихъ 576 человекъ, съ долгомъ 367,650 рублей а возвратилось 411 съ капиталомъ 248,000 рублей; на служащихъ же, числомъ слишкомъ 400 человекъ, оставалось долгу не болѣе 150,000 рублей. Прежде, говорятъ, весьма немногимъ

удавалось заслужить что нибудь и возвратиться на родину.

Изъ сказаннаго явствуется уже, что положеніе промышленныхъ нынѣ несравненно лучше прежняго. Они живутъ въ казармахъ чисто, одѣты порядочно и ѣдятъ хорошо.

Строгая военная дисциплина необходима здѣсь для содержанія въ уздѣ какъ Американцевъ, такъ и самыхъ промышленныхъ, между коими не можетъ не случиться людей безпокойныхъ и злонравныхъ; и на нее обращено должное вниманіе. Отдача приказаній, пріемъ рапортовъ, караулы, обходы, пробитіе зори, всѣ подробности крѣпостной службы совершаюся здѣсь установленнымъ порядкомъ и съ нѣкото-рою торжественностію; флотскіе офицеры ходятъ всегда въ формѣ. На случай нападенія отъ Колошъ или пожара, особеннымъ росписаніемъ назначенъ каждому свой постъ; и по воскресеньямъ регулярно, а иногда и не въ очередь, когда Начальнику вздумается, бьютъ тревогу, всѣ сбѣгаются въ цитадель, дѣлается смотръ оружію, наблюдается всякій ли знаетъ свое мѣсто, и проч.

Кромѣ общаго обращенія капиталовъ компаніи, начинающагося въ Ново - Архангельскѣ, какъ главной ея факторіи, сіе заселеніе производитъ само по себѣ немалозначущую торговлю, коей главный предметъ есть снабженіе колоній продовольствіемъ, и всѣми необходимыми имъ статьями; а именно: съ Калифорніей, съ иностранными судами, съ островами Сандвича и съ Колошами; къ чему присовокупить должно еще внутреннюю торговлю.

Торговля съ Калифорніей открыта Камергеромъ

Резановымъ въ первые годы существованія Американской компаніи. Сосѣдство хлѣбородной земли съ колоніями, вовсе хлѣба не имѣющими, должно было естественно обратить вниманіе на первую. Въ управленіе Баранова связи сіи не прерывались, не взирая на Испанскую колоніальную систему, которая распространялась и на сію провинцію; кромѣ закупки припасовъ производились тамъ и бобровые промыслы, отчасти въ долѣ съ Правительствомъ провинціальнымъ; наконецъ основана тамъ и факторія, не только безъ препятствій отъ Испанцевъ, но даже съ пособіемъ сосѣдственныхъ Миссій.

Со времени опредѣленія промышленныхъ на жалованье компаніи вошла въ обязанность довольствовать ихъ хлѣбомъ. Каждый промышленный получаетъ по пуду муки въ мѣсяцъ; сверхъ того можетъ онъ покупать изъ магазиновъ компаніи муку, крупу и горохъ. На все сіе, на морскую провизію и на продовольствіе чиновниковъ выходитъ въ годъ въ Ново-Архангельскѣ и другихъ мѣстахъ болѣе 10,000 пудъ разнаго хлѣба, которымъ компанія снабжается почти исключительно изъ Калифорніи. Сначала торговля сія производилась безъ всякой системы. Мало по малу введенъ нѣкоторый порядокъ, который съ присоединеніемъ Калифорніи къ Мексиканской Республикѣ установился постоянно. Теперь предъявляются по прибытіи въ портъ бумаги судовыя, коносаменты, деклараціи, и пр.

Первыя пошлины потребованы были въ 1818 году; возрастая съ тѣхъ поръ постепенно, дошли онныя наконецъ до 25% съ цѣны проданныхъ товаровъ

и $6\frac{0}{0}$ съ цѣны купленныхъ; сверхъ того платится якорныхъ денегъ $2\frac{1}{2}$ піастра съ тонна.

Суда наши наиболѣе торгуютъ въ Санъ Франциско и Монтерей; ходятъ также въ Санта Крузъ, Санъ Діего, Санъ Педро, и въ Санъ Кентинъ. Съ 1817 года отправляются ежегодно по два и по три судна. Оныя оставляютъ Ситху осенью по окончаніи всѣхъ промысловъ, и возвращаются на слѣдующую весну къ началу оныхъ. Въ 1829 году по причинѣ всеобщаго неурожая, въ Калифорніи хлѣба совсѣмъ не найдено; посланное туда судно *Байкалъ* прошло въ Чили, гдѣ пріобрѣло полный грузъ по весьма сходнымъ цѣнамъ.

Компанія продаетъ въ Калифорнію: сукна и другіе шерстяные товары, полотна всѣхъ родовъ, ситцы, миткали, китайки, желѣзо и сталь, и всякія изъ оныхъ вещи и инструменты; свинець; мѣдную, стеклянную и фаянсовую посуду; тросы; чай, кофе, сахаръ; шляпы пуховыя и корневыя Колошенской работы; разныя мелочи галантерейныя и иныя; даже воскъ, свѣчи восковыя и табакъ (*), хотя Калифорнія сама могла бы изобиловать сими статьями.

Въ возвратъ получаетъ компанія (почти) исключительно продовольственные припасы, именно: пшеницу, ячмень, горохъ, бобы, масло, сало говяжье, мясо сушеное и соленое; изъ южныхъ миссій соль; также сырыя кожи и мыло; и всегда живыхъ быковъ, какъ для продовольствія экипажей судовъ, такъ и для осоленія мяса для Ситхи, куда привозится онаго отъ 200 до 300 пудъ.

(*) Табакъ въ послѣдствіи запрещенъ.

Расторжка происходит и на суднѣ и на берегу, для чего отводится въ президіи домъ; свозимые покупателями съ судна товары записываются на берегу; но иногда чиновники довольствуются подаваемымъ послѣ объявленіемъ о количествѣ проданныхъ товаровъ.

Цѣны на покупаемые въ Калифорніи товары въ разныя времена измѣнялись. Въ первые годы одни только наши суда могли открыто торговать въ Калифорніи; торговля Англичанъ и Американцевъ ограничивалась нѣсколькими смуглерами. Тогда все покупалось очень дешево. Во время переворота въ Испаніи, въ 1821 году, порты Америки открылись всѣмъ народамъ, и Калифорнію стали посѣщать многія купеческія и китобойныя суда; съ тѣхъ поръ торговля сдѣлалась гораздо менѣе выгодною. Среднія цѣны въ 8 лѣтъ (съ 1817 по 1825 годы) были слѣдующія :

Пшеница, фанега	2	піастр.	6	реал.
Ячмень, фанега	1	.	5	.
Горохъ	2	.	4	.
Фриголь	3	.	—	.
Кукуруза (маисъ)	2	.	2	.
Мука, арроба	2	.	1	.
Мясо сухое	1	.	7	.
Масло	2	.	4	.
Рыба, фанега	2	.	4	.
Соль, арроба	—	.	4	.
Мыло	4	.	—	.
Кожи бычачьи сырыя, штука	.	.	6	.
Быкъ большой	7	.	—	.
— Средній	4	.	6	.

Фанега есть мѣра равная почти одной Русской четверти; арроба вѣсъ въ 28 Русскихъ фунтовъ; Испанскій піастръ составляетъ около $5\frac{1}{4}$ рубли ассигнаціями, слѣдственно цѣны совсѣмъ не низкія; но компанія выигрываетъ соразмѣрною накладкою на свои товары. Таксу Калифорнскихъ товаровъ устанавливаетъ Губернаторъ; а въ послѣднее время положено отпускать оныя за наличныя деньги 25% дешевле. Средній годовой вывозъ товаровъ съ 1817 по 1829 годъ составилъ 9000 піастровъ. Большихъ выгодъ отъ сей торговли компанія не имѣетъ, но оплачивается содержаніе судовъ, для снабженія колоній употребляемыхъ.

Торговля съ Англійскими и Соединенныхъ Штатовъ корабельщиками, издавна заведенная, поддерживалась и тогда, какъ новыми привилегіями компаніи, торговля въ нашихъ колоніяхъ была вовсе запрещена иностранцамъ; ибо она часто была единственнымъ источникомъ снабженія колоній необходимыми товарами и даже продовольствіемъ; въ послѣднее же время правители не видѣли большаго вреда отъ допущенія къ себѣ иностранныхъ судовъ.

Если бы сначала заведенія Ново-Архангельска запрещено было иностранцамъ торговать въ предѣлахъ Россіи принадлежащихъ, и компанія имѣла средства настоять вполнѣ на семъ запрещеніи, то оно могло бы конечно быть для нее весьма полезно. Бобровыя шкуры, которыхъ по всѣмъ окрестностямъ было тогда еще великое изобиліе, обратились бы преимущественно къ ней; но что важнѣе, *дикіе* Американцы не были бы отъ *просвѣщенныхъ* снабжаемы огнестрѣльнымъ оружіемъ, которое одно сдѣлало для насъ сосѣдство ихъ опаснымъ, и скорѣе бы укротились. Первое воен-

ное судно для крейсированія въ нашихъ колоніяхъ отправлено было изъ Кронштата въ 1821 году; отправленія сіи продолжались 4 года сряду; но изъ посланныхъ судовъ одно только, шлюпъ *Аполлонъ*, дѣйствительно крейсировало въ проливахъ, не будучи въ состояніи поймать ни одного смуглера, хотя ихъ тутъ было нѣсколько десятковъ; ибо въ такомъ лабиринтѣ проливовъ можно бы успѣть въ томъ развѣ только съ цѣлымъ флотомъ мелкихъ, весьма легко ходящихъ судовъ. Но подобная блокада была бы уже безъ цѣли. Иностранцы близъ 20 лѣтъ продолжали сей постыдный, на подрывъ нашей компаніи разочтенный торгъ, прежде нежели взяты были мѣры къ уничтоженію онаго; бобры перевелись; а всѣ окрестныя дикія племена снабдились огнестрѣльнымъ оружіемъ въ такой степени, что отъ прежняго своего оружія совершенно отвыкли, и безъ ружья не могли бы убить ни одного звѣря; такъ что и справедливость требовала бы уже снабжать ихъ сею новою для нихъ необходимостію. Компанія, взявшись за это, лишила бы иностранцевъ единственнаго средства, которымъ они привлекаютъ еще къ себѣ дикихъ, и конечно скоро отвадила бы ихъ совершенно отъ торговли съ ними, потому что и теперь уже находятъ они въ ней весьма малыя выгоды. При насъ приходили въ Ситху два трехмачтовья Соединенныхъ Штатовъ судна, кои, проблуждавши нѣсколько мѣсяцевъ по проливамъ почти безъ успѣха, пришли сюда просить, чтобы взяли у нихъ грузъ ихъ, отдавая оный за безцѣнокъ, не требуя непосредственной платы, соглашаясь прійти за ней на другой годъ и пр. Снабжая Колошъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, безъ котораго тѣ уже обойтись не могутъ, компанія

безъ крейсеровъ скоро увидѣла бы всю торговлю въ своихъ рукахъ , и тогда могла бы уже располагать, согласно со своими расчетами, какое онаго количество всякій годъ имъ доставлять; не говоря уже о выгодномъ для нее вліяніи на цѣны и новой связи съ дикими сосѣдями, которыя бы изъ того произошли. Это не значило бы точить на себя ножъ, какъ нѣкоторымъ показаться можетъ; ножъ этотъ точится и безъ того и еще гораздо вострѣе; лучше же самому взяться за дѣло и располагать имъ; изъ неизбежнаго зла извлечь возможную для себя пользу, и пріобрѣсть признательность дикихъ доставляя имъ товаръ, которымъ они и безъ того снабжаются.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что приложеніе запретительной системы во всей строгости къ нашимъ колоніямъ было бы безъ цѣли; иностранцы принесли уже нашей торговлѣ весь вредъ какой только могли, и позволеніе данное гражданамъ Соединенныхъ Штатовъ конвенціею 17-го Апрѣля 1824 года торговать и производить рыбную и звѣриную ловлю въ водахъ нашихъ, не могло сдѣлать компаніи большаго подрыва, поелику въ настоящемъ положеніи вещей самая большая часть сего торга сосредоточивается въ самой компаніи.

Съ 1822 по 1824 годъ включительно, по содержанію новыхъ привилегій компаніи, разторжка съ иностранными судами въ самомъ Ново-Архангельскѣ допускаема не была; нуждаясь же, какъ обыкновенно, во многихъ статяхъ, Правители принуждены были покупать оныя съ тѣхъ же судовъ въ Калифорніи и на Сандвичевыхъ островахъ. Обыкновенно приходятъ въ Ситху по два, по три и по четыре судна въ годъ,

наиболѣе Американскихъ, кои нерѣдко приплываютъ изъ своихъ портовъ остановясь только въ Вальпарейзо или иномъ пунктѣ Южной Америки на нѣсколько дней. Нѣкоторыя изъ нихъ завели постоянныя связи съ колоніями и приходятъ по заказу. Въ 1830 году нанять одинъ Англійскій корабль для доставленія нужныхъ товаровъ изъ Бразиліи въ Ситху. Случалось судамъ заходить сюда какъ будто ненарочно; такъ на прим: шхиперъ одного Англійскаго судна въ заливъ зашедшій, на вопросъ куда идетъ? отвѣчалъ: Norfolk Sound or else where.

Главные статьи, съ иностранныхъ судовъ покупаемыя, суть: мука, сухари бѣлые, водка, вино, солонина, чай, сахаръ, табакъ, одѣяла и другіе шерстяные товары, китайки, Китайская посуда и разныя мелочи. Въ возвратъ за оныя шли прежде почти исключительно шкуры котиковъ, считаемыя цѣною: молодыя до 2-хъ піастровъ, старыя до 3-хъ п. штука; также рѣчные бобры, иногда лѣсъ, нѣсколько Русскихъ товаровъ и въ дополненіе баланса чистыя деньги. Но съ нѣкотораго времени Главные Правители приняли чистѣйшій и для компаніи выгоднѣйшій способъ платить траттами на главное Правленіе въ С. Петербургъ. Съ 1818 по 1830 годъ куплено товаровъ съ иностранныхъ судовъ на 386,000 піастровъ, или на 2 милліона рублей, за кои заплачено болѣе 200,000 котовъ, кромѣ другихъ менѣе значущихъ предметовъ. Нѣкоторые корабельщики, продавъ весь грузъ, продавали и суда свои, и были отвозимы на Сандвичевы острова компанейскими судами. Такимъ образомъ колоніи пріобрѣли нѣсколько весьма хорошихъ судовъ.

Барановъ, въ маститой старости сохранявшій

предпріимчивость молодыхъ лѣтъ, но уже менѣе счастливый въ своихъ предпріятіяхъ, распространилъ виды свои на Сандвичевы острова и въ 1816 году сдѣлалъ чрезъ Доктора Шеффера (*) покушеніе занять одинъ изъ нихъ, *Атуай*. Предпріятіе сіе было бы достойнымъ предметомъ для шуточной поэмы. Слѣдствіемъ онаго было только прекращеніе поклоновъ и подарковъ, кои Барановъ и Тамеамеа I. другъ другу чрезъ Американскихъ шхиперовъ пересылали. Тамеамеа ожидалъ мести отъ Русскихъ за изгнаніе Доктора, покуда Капитанъ Головинъ въ 1818 году его не успокоилъ. Послѣ того ходили туда, хотя и изрѣдка, компанейскіе корабли, а иногда и чрезъ Американцевъ были съ ними сношенія. Произведенія острововъ, кои получаютъ можно, суть: соль, тутуевые орѣхи, (*Aleurites triloba*, дающіе масло), ромъ, корень таро и веревки изъ кокосовыхъ волоконъ; въ случаѣ недостатковъ и нѣкоторыя Европейскія статьи; за все это компанія платитъ шкурами котовъ и піастрами.

Изъ судовъ подъ Сандвическимъ флагомъ приходило въ Ситху одно только въ 1828 году, привезло соль, и нагрузилось строевымъ лѣсомъ.

Для торговли съ Колошами компанейскія суда ходили прежде по проливамъ, но затруднительность сего плаванія, опасность сношеній съ ними, болѣе же всего малая выгода симъ торгомъ приносимая, принудила остановить сіи отправленія и ограничиться торговлею на мѣстѣ съ сосѣдними и заѣзжими Колошами.

(*) Приобрѣтшаго въ послѣдствіи особаго рода знаменитость въ службѣ Бразильской Имперіи, и возведеннаго въ санъ Графа Франкентальскаго.

Предосторожности кои надлежало принимать, торгуя съ ними по проливамъ, не имѣють, можетъ статья, примѣра: передняя часть судна отгораживалась парусами въ ростъ человѣка; за сею переборкою собиралась вооруженная команда, ставилось нѣсколько пушекъ, заряженныхъ картечью, зажженные фитили возлѣ; кругомъ судна до высоты марса обтягалась абордажная сѣтка, имѣвшая въ одномъ только мѣстѣ отверстіе для прохода одного человѣка. Предъ началомъ торга командиръ судна призывалъ старшину, показывалъ ему всѣ приготовленія, объявлялъ условіе, чтобы никогда болѣе опредѣленнаго числа Колошъ на суднѣ не было, чтобы никто ближе 10-ти шаговъ къ завѣсѣ не подходилъ, и чтобы не почиталось разрывомъ дружбы, если кто въ противномъ случаѣ будетъ застрѣленъ. За симъ суперкарго могъ въ безопасности начинать расторжку; малѣйшее пренебреженіе сихъ осторожностей могло имѣть самыя пагубныя слѣдствія.

Ограниченное цѣнами, Главнымъ Правленіемъ по установленнымъ, колоніальныя начальства никогда не могли въ семъ торгѣ выдержать состязанія съ судами Соединенныхъ Штатовъ, и отъ того вымѣнъ мѣховъ отъ Колошъ, всегда незначительный, сдѣлался наконецъ ничтожнымъ. Среднею пропорціею вымѣновалось въ годъ не болѣе 30 морскихъ бобровъ, 10 рѣчныхъ, и столькихъ же выдръ. Чтобы возстановить нѣсколько торгъ сей, положено было платить за бобра отъ 100 до 150 руб. товарами, а иногда и болѣе, что привлекло нѣсколько болѣе мѣховъ, хотя не въ весьма значительной степени. Съ 1826 по 1829 годъ выручалось среднимъ числомъ въ годъ морскихъ бобровъ

до 80, рѣчныхъ до 400, лисицъ до 300, медвѣдей черныхъ до 60.

Кромѣ соперничества Американцевъ и низкихъ цѣнъ платимыхъ за мѣха, торгу сему много препятствуетъ то, что сосѣдніе Колоши всѣ нужные имъ товары получаютъ и за другія статьи, гораздо легче бобровъ и медвѣдей добываемыхъ. По недостатку рыбы покупаютъ у нихъ иногда палтусовъ, также жиръ китовый и нерпичій. Весною доставляютъ они древесную кору для покрышки сараевъ, кажимовъ и другихъ строеній, яйца чайчи, арьи и другіе, утокъ, гусей, тетерекъ, разное коренье и травы; лѣтомъ ягоды; зимою горныхъ барановъ, раковъ, раковины, и пр.; и изъ своихъ издѣлій шляпы, ковры, мазки, трубки, и другія мелочи, и получаютъ за то отъ Русскихъ и Алеутовъ табакъ, котлы чугунные, топоры, пронизки, краску, фламское полотно, миткаль, множество картофелю, даже муку, и проч. Больше же всего вредятъ сему торгу сношенія, отвлеченною нравственностію порицаемая, но извиняемая естественною необходимостію, посредствомъ коихъ переходить къ Колошамъ какъ отъ постоянныхъ жителей, такъ и отъ временныхъ посѣтителей колоній множество товаровъ, коими должна бы пріобрѣтаться мягкая рухлядь, отъ чего цѣна на первыя весьма много упадаетъ. Колошенскія одалыки не менѣе Европейскихъ танцовщицъ умѣютъ раззорять своихъ обожателей, и примѣры не рѣдки, что промышленные совершенно проматываются на туалетъ своихъ красавицъ, не взирая на всѣ усилія Правителей прекратить сіи безпорядки.

Мѣна съ Колошами происходитъ на узкомъ пространствѣ между стѣною крѣпости и ближайшею ихъ

бораборою, куда съ обѣихъ сторонъ сносятся товары. Кромѣ помянутыхъ выше статей компанія доставляетъ имъ еще одѣяла шерстяныя, разныя мѣдныя вещи, усы сивучьи для украшенія ихъ шляпъ, горностаевыя мѣха, и пр; а отъ нихъ получаетъ *цукли*, (*Dentalium*), раковинки находимыя на островахъ Королевы Шарлоты, нужныя компаніи для мѣны съ сѣвернѣйшими Американцами, за сотню коихъ платитъ около 30 рублей.

Внутреннюю торговлю Ново-Архангельска составляетъ снабженіе обитателей онаго всѣми потребностями. Разумѣется, что въ этомъ какъ и въ другихъ отношеніяхъ, компанія имѣетъ исключительное право. Такса на всѣ продаваемыя статьи устанавливается Главнымъ Правителемъ, съ наложеніемъ на товары купленные съ иностранныхъ судовъ отъ 10 до 15%, а на доставляемые изъ Россіи отъ 40 до 45%, сверхъ покупныхъ на мѣстѣ цѣнъ, — болѣе или менѣе, смотря по количеству и роду товаровъ; что составляетъ цѣны довольно сносныя, принявъ въ уваженіе отдаленность мѣста и затруднительную доставку. Расторжки бываетъ въ годъ до 150,000 руб., а когда въ товарахъ изобиліе, и случатся военныя суда остающіяся долго, то и до 200,000 рублей.

Товары нужныя какъ для употребленія колоніальнаго, такъ для торга Калифорнскаго и для промѣна дикимъ, доставляются частію, какъ выше видѣли, иностранными кораблями, частію же на судахъ компанейскихъ, а при случаѣ и на военныхъ, отправляемыхъ прямо изъ Россіи.

По сношеніямъ Ново-Архангельска и кораблей компанейскихъ со всѣми народами, ходятъ здѣсь всѣ

возможныя деньги; но преимущественно Испанскіе піастры и Голландскіе червонцы. Сверхъ того для облегченія оборотовъ Главное Правленіе снабжаетъ колоніи марками въ 10, 5 и 1 руб., 50 и 25 коп.; коихъ по всѣмъ колоніямъ въ обращеніи до 30,000 рублей.

Ближайшія причины, побудившія основателя Ново-Архангельска поселиться на Американскомъ берегу, были ослабѣвшіе промыслы въ западнѣйшихъ мѣстахъ и открытіе множества бобровъ по всѣмъ окрестнымъ проливамъ. Но причины сіи были не единственныя. Обселить и тѣмъ усвоить Россіи всю Сѣверозападную Америку, и устранить всѣ прочіе народы отъ торговли съ дикими Американцами, было постоянною цѣлію Баранова, согласною съ видами Правительства, которое уже въ 1796 году прислало 20 семей изъ Сибири *для устроенія верфи у мыса Св. Іліи*, кои однакоже, по большей удобности положенія, поселены были въ Якутатскомъ заливѣ. Хотя хлѣбопашество и скотоводство бывшіе также цѣлію сего заселенія, не удались, но оно существовало до истребленія его Колошами въ 1805 году, и служило складочнымъ мѣстомъ для промысловъ, покуда не построена была крѣпость *Архангельская*. За симъ Нутка была предметомъ вниманія и желаній Баранова; и еслибъ время и способы его были соразмѣрны патріотическому его стремленію и предприимчивости, то онъ скоро соединилъ бы цѣпью факторій Ситху съ Россіею. Тѣмъ менѣе могла воображенію его представиться возможность когда либо покинуть созданіе свое; хотя при немъ еще бобры перевелись такъ, что промыслами и мѣною пріобрѣталось ихъ не болѣе 100 въ годъ, вмѣсто 2000, кои въ началѣ добывались одними промыслами.

Преемники его не могли смотрѣть на это съ одной отвлеченной точки зрѣнія. Сравнивая цѣнность содержанія Ново-Архангельска, непріятность жизни въ семъ заведеніи и другія онаго невыгоды съ прямыми выгодами имъ приносимыми, нашли они, что между тѣми и другими нѣтъ соразмѣрности, откуда естественно родилась мысль перенести все заведеніе и резиденцію Главнаго Правителя въ другое, удобнѣйшее мѣсто. Сначала имѣли мысль избрать къ тому Кенайскую губу; потомъ по старому островъ Кадьякъ, согласно съ мнѣніемъ Капитана Головнина, что Павловская гавань отъ природы назначена быть главною пристанью въ сихъ моряхъ; наконецъ замолкли объ этомъ, къ утѣшенію тѣхъ, кои не могли убѣдиться въ необходимости сего перемѣщенія. Я долженъ причестъ себя къ числу сихъ неубѣжденныхъ, и считаю неизлишнимъ сказать, на чемъ основываю свое мнѣніе, поелику намѣреніе сіе, отложенное но не откинутае, можетъ возродиться. Компанія конечно сама лучше должна знать, что для нее выгодно, что нѣтъ; но о предметахъ общаго интереса позволено каждому, даже и непосвященному во всѣ тайнства расчетовъ, сказать свое мнѣніе, которое именно по сей причинѣ можетъ имѣть свою цѣну, поелику будетъ безпристрастно и не односторонно.

Одна изъ главныхъ причинъ, на коихъ основывали необходимость упраздненія Ново-Архангельска, и къ которой всѣ другія болѣе или менѣе относятся, есть непріязненное расположеніе сосѣднихъ жителей. Раззореніе первой крѣпости; многія убійства, послѣ того Колошами произведенныя; возмездія со стороны Русскихъ, конечно долго не изгладятся изъ памяти

обѣихъ сторонъ; Колоши долго еще ревнивымъ глазомъ будутъ смотрѣть на утверждающуюся осѣдлость Русскихъ; Русскіе долго остерегаться ихъ, какъ опасныхъ сосѣдей; но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобы вражда сія была вѣчною или непримиримою. При первомъ заселеніи Алеутскихъ острововъ и Кадьяка была точно такая же непріязнь между природными жителями и колонистами, наконецъ исчезнувшая. Колоши уже и теперь совсѣмъ не то, что были 10 и 15 лѣтъ тому назадъ. Тогда невооруженному изъ подъ пушекъ крѣпости опасно было удаляться; убійства безъ всякаго повода были весьма обыкновенны; теперь объ нихъ совсѣмъ не слышно; обитатели Ново - Архангельска безъ всякой опасности по одиночкѣ ходятъ по всѣмъ окрестностямъ, ѣздятъ на теплыя воды, и пр. Прежде малѣйшая ссора рѣдко не кончалась кровопролитіемъ; они и теперь при всякомъ недоразумѣніи хватаются за ружья и бросаются въ лодки; но переговоры, въ которыхъ женщины обыкновенно играютъ дѣятельную роль, всегда кончаютъ дѣло любовно. Не задолго до нашего прибытія одинъ Колошъ, не откликавшійся ночью часовому, былъ застрѣленъ; а въ нашу бытность полумный промышленный проломилъ камнемъ голову Американцу: ни то ни другое не имѣло никакихъ слѣдствій. По послѣднимъ извѣстіямъ два невольника, коихъ Колоши осудили принести въ жертву при какомъ то торжествѣ, спаслись бѣгствомъ въ крѣпость. Начальникъ принялъ ихъ подъ свое покровительство и не выдалъ старшинамъ, которые и этимъ не оскорбились. Такую перемѣну въ расположеніи Колошъ должно главнѣйше приписать кроткому и снисхо-

тельному обращенію съ *ними*, и всегдашней осторожности *противу нихъ*, за коими начальники строго наблюдаютъ; и въ этомъ отношеніи сосѣдство Колошъ не только не вредитъ, но еще приноситъ пользу заселенію, поддерживая духъ порядка и дисциплины въ столь разнородной и частью изъ неугомонныхъ стихій составленной массѣ, каково есть населеніе Ново-Архангельска. Колоши болѣе и болѣе привыкаютъ къ новымъ нуждамъ, которымъ научились отъ Русскихъ, и изъ коихъ многія сдѣлались для нихъ необходимостію; табакъ, картофель, даже хлѣбъ, весьма имъ нравятся; таіоны щеголяютъ въ мундирахъ послѣдняго покроя, и непременно хотятъ видѣть на женахъ своихъ хотя кусокъ чего нибудь Русскаго; безъ ружей и снарядовъ они столь же мало могутъ теперь обойтись какъ и безъ шерстяныхъ одѣялъ; и главный, а скоро, можетъ быть, и единственный для нихъ источникъ сихъ потребностей, суть сношенія съ Русскими, которыхъ сосѣдство такимъ образомъ скоро обратится имъ въ необходимость.

Связи Русскихъ съ Колошенками и новое отъ нихъ поколѣніе суть такъ же поводъ, ежедневно усиливающейся, къ сближенію обѣихъ сторонъ.

Доказательствомъ готовности Колошъ къ таковому сближенію можетъ служить то, что въ прошломъ году начальникъ расположеннаго подъ крѣпостью селенія принялъ Христіанство, и это не только не въ силу какихъ либо убѣжденій съ нашей стороны, но напротивъ того вопреки представленій Главнаго Правителя, старавшагося ему объяснить всю трудность обязанностей Христіанина. Я не хочу утверждать, чтобы скрытые расчеты не имѣли вліянія на намѣ-

ренія *Наушкета* (*), и что бы онъ чрезъ крещеніе сталъ прямо истиннымъ Христіаниномъ; но и не будучи Апостоломъ можетъ онъ примѣромъ своимъ подѣйствовать сильно, не только на родичей своихъ, но и на отдаленныя племена, которыя теперь признаются, что Русскіе не могутъ желать имъ зла, если допускаютъ ихъ поклоняться своему Богу.

Все это заставляетъ надѣяться, что по естественному ходу вещей, съ помощію благоразумныхъ мѣръ Правителей, дикія племена Американскія скоро перестанутъ намъ быть непріязненными и сосѣдство ихъ не будетъ опасно основанному между ими заселенію. Тогда будетъ менѣе важно и другое невыгодное обстоятельство, на коемъ основываютъ необходимость оставить сіе мѣсто: невозможность укрѣпить оное противу нападенія военныхъ судовъ, въ случаѣ разрыва съ какою нибудь мореходною державою.

Ново - Архангельскъ по положенію своему конечно не можетъ быть укрѣпленъ такъ, чтобы противустоять нападенію сильнаго фрегата, если не будетъ имѣть для защиты своей военного судна; но какое же другое здѣсь мѣсто можно средствами компаніи укрѣпить такъ сильно? я думаю, что никакого. Павловская гавань на островѣ Кадьякъ, которой положеніе Капитанъ Головинъ изображаетъ неприступнымъ, столь же мало какъ и Ситха можетъ устоять противу регулярнаго нападенія одного или нѣсколькихъ фрегатъ; но противу *coup de main* корсара и Ново-Архангельскъ безопасенъ. Безопасность вообще всякихъ

(*) Настоящее его имя *Наушкетъ*, или *Наушкекъ*; но попросту зовутъ его *Наушкетомъ*.

колоній въ военное время должна быть основана на морской силѣ, безъ которой оныя ни съ какими крѣпостями устоять не могутъ. Компанія, имѣя въ службѣ своей многихъ офицеровъ, ИМПЕРАТОРСКАГО флота и хорошихъ матросовъ, можетъ и собственными средствами вооружить два или три судна, коихъ достаточно чтобы обезопасить заселенія отъ покушеній приватировъ.

Недостатокъ мѣста для устройства надежнаго пороховаго магазина, поелику крѣпость построена на голомъ камнѣ, причитается такъ же къ невыгодамъ положенія Ново-Архангельска. Прежде порохъ хранился подъ домомъ, а нынче на особомъ суднѣ въ гавани. Но землянка въ одной изъ батарей, устроенная на подобіе корабельной крютъ-камеры, кажется, удовлетворила бы требованію. А еслибъ и это еще не довольно, то чего стоило бы вырвать порохомъ въ камнѣ нужное пространство?

Невозможность развести порядочное скотоводство есть большая мѣстная невыгода, которая ложится преимущественно на удобства жизни высшихъ классовъ; но есть выгоды оную замѣняющія. Промыселъ горныхъ барановъ, продолжающійся съ Ноября до Мая, доставляя чрезъ всю зиму свѣжую мясную пищу чиновникамъ, доставляетъ и порядочную выгоду Алеутамъ, онымъ занимающимся. Въ свѣжей рыбѣ почти никогда не бываетъ недостатка. Картофель родится весьма хорошо. Работники конечно рѣдко видятъ мясо; но много ли провинцій въ Европѣ, гдѣ бы простой народъ сплошь онымъ питался?

Вообще продовольствіе Ново-Архангельска есть дѣло довольно затруднительное и требующее всегдашня

го вниманія Правителей; и въ случаѣ неподвоза хлѣба по какимъ либо причинамъ изъ Калифорніи, прокормленіе людей зависѣло бы отъ произвола Колошъ, къ великому убытку компаніи и служащихъ; вмѣсто того что на Кадьякъ можно бы довольно долгое время замѣниться свѣжею треской и юколою, даже сараной и ягодами. Но съ должною предусмотрительностію этого случиться не можетъ. Впрочемъ отъ стеченія многихъ несчастныхъ обстоятельствъ случается голодъ и въ населенныхъ и просвѣщенныхъ странахъ; и Ново-Архангельскъ не можетъ въ семъ отношеніи служить положительнымъ изъятіемъ; хотя въ 25-тилѣтнее его существованіе этого еще ни разу не случалось.

Нравственная и физическая порча живущихъ въ Ситхѣ Алеутъ не можетъ быть поставлена исключительно на счетъ сего заведенія. Въ какомъ бы мѣстѣ центральное правленіе не расположилось, тамъ соберутся и тунеядцы, чтобы зашибить копѣйку безъ большихъ трудовъ; и удалить ихъ, буде нужно, и изъ Ситхи можно также какъ и изъ другаго мѣста.

Сырой климатъ, вредящій строеніямъ и судамъ, есть обстоятельство непріятное; но избѣгая его, надлежало бы покинуть весь тотъ край вообще, ибо Кадьякъ, Уналашка и всѣ другія мѣста на материкѣ и по островамъ, едва ли многимъ лучше Ситхи въ семъ отношеніи. Впрочемъ не замѣчено чтобы климатъ сей особенно вредилъ здоровью людей.

Наконецъ излишнія издержки, въ кои компанія вводится отъ необходимости содержать въ Ново-Архангельскѣ достаточный гарнизонъ. Полагаютъ, что она должна содержать въ службѣ по крайней мѣрѣ

100 человекъ лишнихъ, единственно для того, чтобы обезопасить крѣпость отъ безпокойныхъ сосѣдей, и слѣдственно 50,000 рублей или болѣе, чего стоитъ содержаніе ихъ, обращаются ей въ чистый убытокъ. Съ этимъ можно бы согласиться, еслибъ заселеніе сіе представляло одни только убытки, и никакихъ выгодъ; но пора намъ взглянуть и на выгодную его сторону.

Одни великолѣпные лѣса, окружающіе Ново-Архангельскъ, при недостаткѣ оныхъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, были бы уже достаточны, чтобы основать здѣсь заселеніе. На починку судовъ, на рангоутъ, на снабженіе ихъ дровами требуется ежегодно великое количество лѣса. Изъ всѣхъ мѣстъ занятыхъ компаніею не на Американскомъ берегу, одинъ только Кадьякъ и прилежащіе ему острова имѣютъ нѣсколько лѣсу; но неизвѣстно на долго ли бы онаго стало, еслибъ перешелъ туда главный портъ. Въ Ситхѣ не знали прежде куда дѣваться съ лѣсомъ; лучшія мачтовые деревья стоило только рубить, чтобы они, такъ сказать, падали прямо на судно; теперь должно посылать за ними уже на значительное разстояніе; но здѣсь запасъ такъ великъ, что на столѣтія не лѣзя опасаться недостатка; на Кадьякъ не такъ. Какое великое неудобство, и какія издержки еслибъ главный портъ долженъ былъ снабжаться привознымъ лѣсомъ! Теперь Ситха снабжаетъ мало по малу лѣсомъ другія мѣста вовсе онаго не имѣющія, въ достаточномъ количествѣ для поддержанія строеній и еще для постройки новыхъ, и это *по дорожѣ*, съ судами, отправляемыми для забора промысловъ; въ безлѣсномъ

же мѣсть должно бы нарочно на сей предметъ содержать одно или нѣсколько судовъ.

Но кромѣ обезпеченія собственныхъ потребностей колоній, лѣса эти представляютъ обильный источникъ богатства, на который досель не было обращено вниманія, въ торговль съ Калифорніею, Мексикою, Сандвичевыми островами и даже Чили, кои всѣ чрезвычайно бѣдны лѣсомъ, и при развивающейся промышленности болѣе и болѣе будутъ въ ономъ нуждаться. Одного судна нагруженнаго брусьями и досками, для распиловки коихъ могла бы при Озерскомъ редутѣ быть устроена мельница (*), достаточно было бы для обезпеченія колоній годовымъ продовольствіемъ хлѣба: все сверхъ этого было бы чистымъ барышемъ компаніи.

Мы говорили уже о связяхъ съ Колошами и о видимомъ вліяніи, которое это имѣетъ на расположеніе ихъ къ Русскимъ. Ситхинское заселеніе поддерживаетъ эти связи, изъ коихъ проистекаетъ для компаніи двоякая польза: съ каждымъ днемъ утверждающаяся безопасность, которая со временемъ сдѣлаетъ, можетъ быть, и издержки на содержаніе излишнихъ людей ненужными, и привлеченіе всей мѣховой торговли исключительно въ руки компаніи. Но оставьте Ситху, и Колоши въ самое короткое время обратятся въ прежнее свое дикое и намъ враждебное состояніе; иностранцы опять появятся, распространятся и на

(*) Въ 1831 году отправлены туда принадлежности для устроенія такой мельницы.

тъ мѣста куда прежде не заходили (*), произведеіе промысловъ и мѣны будутъ становиться годъ отъ года труднѣе, и наконецъ весь Американскій берегъ будетъ для Компаніи потерянь, и уже невозвратно, поелику нѣтъ того множества бобровъ, которое покрывало издержки первоначальнаго заведенія осыдлостей.

Но посмотримъ, въ чемъ состоятъ преимущества Павловской гавани на островъ Кадьякъ, куда было намѣреніе перенести центральное управленіе колоній. По мнѣнію Капитана Головнина (**) Павловская гавань должна быть первою пристанью и главнымъ мѣстомъ колоній по слѣдующимъ причинамъ: 1е.) Умѣренность климата, доброта земли, изобиліе въ паствахъ, обильныя рыбныя ловли, покорность жителей, отъ привычки вошедшая уже въ привязанность къ Русскимъ, и средоточное положеніе оной между компанійскими владѣніями. 2) Безопасная и во всѣхъ отношеніяхъ удобная гавань. 3) Возможность во всякое время года кораблямъ входить и выходить изъ оной. 4е) Выгодное мѣстоположеніе самой гавани, позволяющее малыми средствами укрѣпить ее; и наконецъ 5е) Удобность имѣть сообщеніе съ другими островами и селеніями, зависящими отъ Россійско-Американской Компаніи, посредствомъ байдаръ или гребныхъ судовъ.

(*) Англичанамъ весьма легко было бы это сдѣлать изъ заселенія основаннаго ими недавно въ сосѣдствѣ нашемъ на матеромъ берегу Америки въ 55° широты, въ заливѣ названномъ Ванкуверомъ Observatory Inlet. Цѣль сего заведенія недвоясмысленна.

(**) Путешествіе на шлюпѣ Камчаткѣ. Ч. II. стр. 59—60.

Относительно *климата*, вотъ что находимъ мы въ запискахъ Г. Хлѣбникова: «Климатъ Кадьяка мало чѣмъ разнится отъ Ситхинскаго. Ясная погода бываетъ иногда продолжительнѣе и постояннѣе, чѣмъ въ Ситхѣ; но вообще господствующая есть сырая, равно вредная для строеній. Въ лѣтнее время бываетъ иногда болѣе ясныхъ дней чѣмъ въ Ситхѣ, но случается и напротивъ. Въ лѣто 1826 года было столь много дурной погоды, что не могли заготовить для продовольствія пристойнаго числа юколы и сѣна.» Свидѣтельство Г. Хлѣбникова, многолѣтнимъ наблюденіемъ узнавшаго тотъ край во всей подробности, почитаю я несомнѣннымъ: оно опровергаетъ преимущество Кадьяка предъ Ситхою, со стороны *Климата*.

Изобиліе въ паствахъ и обильныя рыбныя ловли, обезпечивающія продовольствіе Кадьяка, суть неоспоримое преимущество, хотъ и подверженное изъятіямъ, какъ изъ вышеприведенной выписки видно. Мы упоминали объ этомъ исчисляя невыгоды положенія Ситхи.

Покорность жителей не всегда была одинакова. Въ началѣ непріязни ихъ была едва ли не больше вражды Колошъ; они всякимъ случаемъ пользовались чтобы вырѣзывать Русскихъ, съ нетерпѣніемъ ожидая когда справятся съ послѣднимъ. Подобнымъ образомъ и вражда Колошъ не будетъ вѣчною; о переменѣ расположенія ихъ говорено выше; *покорности* отъ нихъ намъ не нужно, потому что компанія никогда не будетъ употреблять ихъ для ловли бобровъ.

Средоточное положеніе. Владѣнія компаніи

простираются почти на 2000 Итальянскихъ миль отъ Востока къ Западу, не считая острововъ Курильскихъ. Ситха лежитъ на Восточномъ концѣ сей черты; Кадьякъ отъ нее на трехъ или четырехъ дневное плаваніе; я въ этомъ большой разницы не вижу, для такихъ мѣстъ, между коими регулярныя сообщенія весьма не часты.

Безопасная и во всѣхъ отношеніяхъ удобная гавань. Гавань Ново-Архангельская точно также безопасна, но превосходить ее въ слѣдующемъ: входъ въ Павловскую гавань узокъ и затруднителенъ, а въ самой гавани съ нуждою 4 или 5 судовъ помѣститься могутъ, между тѣмъ какъ въ Ситхинской внутренней гавани, при трехъ безопасныхъ входахъ, до 20 судовъ удобно помѣстятся, не считая внѣшней гавани или рейда, гдѣ цѣлому флоту мѣста довольно. Въ Павловской гавани наибольшій приливъ менѣе 11 футъ, а въ Ситхѣ 17 футъ, что даетъ несравненно большее удобство починивать самыя большія суда.

Выгоды въ 3-мъ пунктѣ означенныя, суть общія обѣимъ гаванямъ.

О мнимомъ преимуществѣ неприступнаго мѣстоположенія говорено выше.

Сообщенію отдѣловъ между собою посредствомъ байдаръ Ново-Архангельскъ не мѣшаетъ; но построенныя на сей предметъ нѣсколько мелкихъ парусныхъ судовъ избавляютъ колоніи отъ необходимости прибѣгать къ сему опасному и невѣрному средству сообщенія, которое уповательно наконецъ совсѣмъ выведется, исключая развѣ между самыми близкими мѣстами.

И такъ удобнѣйшее продовольствіе есть одно положительное преимущество Павловской гавани предъ Ново-Архангельскомъ. Предоставляю судить другимъ, достаточно ли онаго, чтобы покинуть процвѣтающее заселеніе, приносящее столько многоразличныхъ выгодъ.

Къ Ново-Архангельской крѣпости принадлежит маленькое заведеніе, лежащее на южномъ берегу залива въ 20 верстахъ отъ крѣпости, при истокъ рѣчки вытекающей изъ озера, и называющееся по сей причинѣ *Озерскимъ редутомъ*. Оно устроено главнѣйше для промысла рыбы, которая во множествѣ входитъ въ рѣчку, и попадаетъ въ запоры. На водопадахъ устроены двѣ мукомольныя мельницы и кожевня, на которой выдѣлывается въ годъ до 150 юфтенныхъ и подошвенныхъ кожъ, а нынѣ будетъ устроена еще и лѣсопильная мельница.

Верстахъ въ 10-ти отсюда находятся горячіе ключи, кои по разложенію нашего врача содержатъ въ себѣ углекислую известь, соляную кислоту и сѣру. Вода вытекающая изъ разсѣлинъ утесовъ, чрезъ деревянныя трубы проведена въ два бассейна, одинъ повыше другаго, въ которыхъ пользующіеся водами купаются. Для удобства больныхъ выстроены тутъ небольшой домикъ. Температура воды при истокъ изъ камня 54° Реом, а въ бассейнахъ отъ 37° до 45°; воды сіи найдены весьма цѣлительными противъ ревматизмовъ.

Сначала колоніи наши раздѣлялись на многія, одно отъ другаго независимыя управленія; въ послѣдствіи отдѣльныя части сіи подчиняемы были одно за другимъ центральному Правленію, и теперь всѣ заселенія компаніи въ Америкѣ, на Алеутскихъ и Ку-

рильскихъ островахъ зависятъ отъ *Главнаго* Правителя, имѣющаго свое пребываніе въ Ново-Архангельскѣ.

Все сіе пространство земель, по управленію колониальному, раздѣляется на пять *отдѣловъ*: Кадьякскій, Уналашкинскій, Атхинскій, острововъ Прибылова и селенія Россъ. Заселенія на Курильскихъ островахъ, не составляя отдѣла, зависятъ непосредственно отъ конторы Ново-Архангельской (*).

Къ первому отдѣлу принадлежатъ, кромѣ самаго острова Кадьяка, губы Кенайская и Чугацкая, ближайшая часть полуострова Аляски, островъ Укамокъ и Александровская крѣпость на рѣкѣ Нушагакъ; ко второму всѣ острова Шумагинскіе, Саннахъ, Унимакъ и остальная часть Аляски; къ третьему острова Андреяновскіе, Крысы, Ближніе и Командорскіе; четвертый составляютъ самые острова Прибылова; наконецъ пятый, кромѣ селенія Россъ, островки Фарельонесъ.

Каждый отдѣлъ имѣетъ *Контору*, Правитель коей по старому обычаю называется *Передовищикомъ*. Состоящія подъ его вѣдѣніемъ заселенія, называются *артелями* и управляются *байдарщиками*. При нихъ бывають иногда еще *одинокки*, имѣющія одного только промышленнаго. Всѣ распоряженія, всѣ наряды дѣлаются Главнымъ Правителемъ чрезъ Ново-Архангельскую Контору, объ испол-

(*) Съ распространеніемъ промышленности на Курильскихъ островахъ составятъ оные по всей вѣроятности особый отдѣлъ.

неніи коихъ частныя Конторы пекутся каждая по своему отдѣлу.

Число природныхъ жителей по колоніямъ вообще по переписи 1825 года, было слѣдующее:

Отдѣлы и мѣста.	Алеутъ.		Американ- цевъ.	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
<i>По Кадьякскому отдѣлу:</i>				
На островъ Кадьякъ и близъ лежащихъ островахъ	1351	1468	—	—
На островъ Укамокъ	51	37	—	—
На Аляскѣ	30	29	69	62
Въ Чугачкой губѣ	—	—	782	781
Въ Кенайской губѣ	—	—	636	663
По рѣкѣ Нушагаку	—	—	302	365
<i>По Уналашкинскому отдѣлу:</i>				
На островъ Уналашкѣ	152	181	—	—
— — Умнакъ	62	75	—	—
— — Чекоганъ	5	10	—	—
— — 4хъ Сопочномъ	6	6	—	—
— — Боркиномъ	21	22	—	—
— — Уналъ	3	8	—	—
— — Акутанъ	18	18	—	—
— — Акунъ	59	80	—	—
— — Аватанокъ	22	21	—	—
— — Тигалдъ	24	28	—	—
— — Угамокъ	19	30	—	—

Отдѣлы и мѣста.	Алеутъ.		Американ- цевъ.	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
На островъ Уникакъ	45	54	—	—
— — Саннахъ	43	58	—	—
— — Унгъ	25	25	—	—
На Аляскѣ въ трехъ селе- ніяхъ	56	65	—	—
Въ командировкѣ на остро- вахъ Прибылова и въ Ситхѣ	118	89	—	—
<i>По Атхинскому отдѣлу:</i>				
На островъ Атхъ	63	67	—	—
— — Чугуль	29	33	—	—
— — Адахъ	104	89	—	—
— — Амчиткъ	14	28	—	—
— — Атту	45	52	—	—
— — Беринга	24	21	—	—
<i>Въ селеніи Россъ около</i>	100	—	—	—
и того	2489	2594	1789	1871

И такъ, число природныхъ жителей по всей Алеутской грядѣ, вмѣстѣ съ островомъ Кадьякомъ, не превосходитъ 5000 человекъ, считая женъ и дѣтей; населеніе, въ сравненіи съ пространствомъ земли, конечно весьма малое. Нѣтъ сомнѣнія, что при первомъ прибытіи Русскихъ острова сіи были болѣе населены, чѣмъ теперь; хотя совсѣмъ не въ такой степени, какъ изображаютъ описанія путешественниковъ, руководимыхъ пристрастіемъ и невѣдніемъ.

Первые пришельцы въ тотъ край, желая хваст-

нута важностью открытій своихъ, позволяли себѣ неимовѣрныя преувеличенія какъ о богатствѣ, такъ и о населенности его, не заботясь, что готовили тѣмъ источникъ горькихъ нареканій для послѣдователей своихъ. Позднѣйшіе посѣтители, найдя вещи не въ томъ видѣ, воспользовались симъ обстоятельствомъ, чтобы на ономъ основать обвиненія внушенныя имъ ненавистію и пристрастіемъ; нелѣпости Саура, ошибки Лангсдорфа, на равнѣ съ преувеличеніями Шелихова и другихъ приняты были за чистыя деньги; и выводъ былъ тотъ, что Русскіе волею или неволею опустошили тотъ край не хуже чумы. Но по ближайшемъ разсмотрѣніи большая часть обвиненій сихъ падаетъ сама собою.

Шелиховъ полагалъ на Кадьякѣ 50,000 человекъ жителей. Если это и точно было мнѣніе Шелихова, (въ чемъ позволено усомниться, потому что подлинность изданнаго въ свѣтъ описанія путешествія его ничѣмъ недоказана), то припомня въ какія ошибки впадали Форстеръ и другіе ученые путешественники дѣлая подобныя выкладки, не тому должно удивиться что въ выводѣ Шелихова могъ вкратиться лишній нуль, но тому какъ можно было прямо повѣрить такому выводу; особенно же видя, что онъ полагалъ до 4000 воиновъ на такомъ островѣ, гдѣ, какъ послѣ нашлось, едва до 400 помѣститься могутъ (*). Столь же увеличено имъ населеніе Уналашки, гдѣ онъ полагалъ 3000 человекъ жителей. Подобнымъ образомъ, прежде Шелихова, Толстыхъ начелъ на Андреянов-

(*) Путешествіе Лисянскаго. Ч. II, стр 51.

скихъ островахъ до 5000 жителей, хотя ясакъ собралъ только со ста человекъ. По сей причинѣ извѣстія сіи не могутъ намъ дать настоящей мѣры убыли народонаселенія на Алеутскихъ островахъ.

Первыя достовѣрныя переписи жителей сдѣланы были Барановымъ, и повторяемыя съ того времени неоднократно, даютъ справедливое понятіе объ убыли людей на Кадьякъ и Лисьей грядѣ. Атхинскій отдѣлъ присоединился уже послѣ къ общему управленію.

На Кадьякъ и

Аляскѣ . . .	въ 1792 г.	6510	д. обоего пола
	1806 -	3944	— — —
	1817 -	4198	— — —
	1821 -	3649	— — —
	1825 -	3396 (*)	— — —

На островахъ

Лисьей гряды . .	1781 -	1900	— — —
	1806 -	1898	— — —
	1813 -	1508	— — —
	1825 -	1478	— — —
	1830 -	1460	— — —

На Андреяновскихъ островахъ Адмиралъ Сарычевъ въ 1791 году полагалъ до 500 душъ обоего пола; теперь тамъ, какъ мы выше видѣли, 580 душъ.

По сему, хотя населеніе Алеутскихъ острововъ вообще до сего времени уменьшалось, но весьма значительная убыль замѣчена только между Кадьякцами

(*) Считаю и живущихъ въ Ситхѣ.

въ первый изъ приведенныхъ періодовъ. Убыль сія изъясняется естественнымъ образомъ, и не прибѣгая къ стрѣлянню по нимъ въ цѣль и тому подобнымъ нелѣпостямъ. Въ сей промежутокъ времени случились всѣ значительныя сшибки съ Колошами, въ которыхъ потеряно Алеутъ нѣсколько сотъ человѣкъ. Въ 1796-мъ, 1798-мъ, 1800 и 1805 годахъ, а наипаче въ послѣдній, когда при возвращеніи съ промысловъ на Кадьякъ погибъ цѣлый отрядъ байдарокъ, потонуло Алеутъ болѣе 400 человѣкъ. Въ 1799-мъ до 150 человѣкъ отравили себя вдругъ ядовитыми ракушками. Отъ всѣхъ сихъ случаевъ погибло въ сей несчастный періодъ болѣе 1000 человѣкъ, остальные сдѣлались жертвою повальной болѣзни, свирѣпствовавшей на Кадьякъ и по окрестнымъ островамъ въ 1799-мъ году.

Я хотѣлъ только доказать несправедливость тѣхъ, кои утверждаютъ, что земли во владѣніи Американской компаніи состоящія, опустошались и опустошаются единственно отъ дурнаго обращенія съ жителями промышленниковъ, послабленіемъ начальниковъ допускаемаго. Но не лзя оспорить, что нѣкоторое участіе имѣли въ томъ безпорядки и злоупотребленія въ прошедшемъ столѣтіи здѣсь существовавшія, а нѣкоторое время и по учрежденіи нынѣшней привилегированной компаніи. Я отнюдь не намѣренъ чернить памяти перваго основателя и Правителя ея колоній, *Баранова*. Никто болѣе меня не уважаетъ доблестей сего необыкновеннаго человѣка, до сихъ поръ достойно не оцѣненныхъ, и которому не доставало только болѣе виднаго поприща, чтобы стать на ряду съ примѣчательнѣйшими людьми своего времени. Геній, проницательность, твердость характера, безко-

рыстіе (*) были отличительныя черты Баранова. Съ средствами совершенно ничтожными, съ людьми болѣе способными разрушать нежели основывать общества, принужденный остерегаться столько же своихъ сколько дикихъ, возбуждаемыхъ и подстрекаемыхъ просвѣщенными, бороться на каждомъ шагу съ препятствіями и недостатками, оставаясь по нѣскольку лѣтъ не только безъ пособій, но даже и безъ извѣстій изъ Россіи — Барановъ учредилъ и распространилъ въ семъ краю промыслы и торговлю въ столь обширномъ размѣрѣ и на столь прочномъ основаніи, что хотя многія подробности требовали въ послѣдствіи улучшеній и перемѣнъ, но существо операцій остается и теперь какъ было при немъ. Только человекъ соединявшій въ себѣ достоинства, я даже сказалъ бы недостатки Баранова, могъ совершить это съ такимъ успѣхомъ. Но мѣры, кои онъ для достиженія цѣли сей долженъ былъ принимать, часто тяжело ложились на жителей, и это есть вредъ неразлучный отъ всякой колонизаціи; онъ принужденъ былъ употреблять людей, не всегда достойныхъ его довѣренности, потому что не имѣлъ выбора. Въ послѣдніе годы его управленія старость и утомленіе отъ необыкновенныхъ трудовъ ослабили его энергію; онъ самъ это чувствовалъ и неоднократно просилъ себѣ

(*) Управлявъ близъ 30 лѣтъ безъотчетно колоніями, Барановъ не оставилъ по себѣ никакого состоянія. Весьма желательно, чтобы со временемъ издана была біографія сего примѣчательнаго мужа, для которой записки, во все время имъ веденныя, могутъ дать достаточные матеріалы. Вѣрный и безпристрастный очеркъ его характера сдѣланъ Давыдовымъ. См: его путешествіе, Ч. I. стр. 192.

смѣны (*); и потому замѣщеніе его Капитаномъ Гегемейстеромъ въ 1817 году было совершенно согласно какъ съ пользами колоній, такъ и съ собственнымъ его желаніемъ.

Съ тѣхъ поръ настало лучшее время для колоній. Множество полезныхъ преобразованій улучшили состояніе какъ природныхъ жителей, такъ и промышленныхъ; во всемъ управленіи ввелось болѣе порядка, болѣе системы. Перемена сія пріятнымъ образомъ поражаетъ видѣвшаго колоніи въ старое время, и посѣщающаго ихъ нынѣ: всѣ заведенія, суда, люди, приняли иной видъ. Она имѣла примѣтное вліяніе на общее теченіе дѣлъ компаніи, какъ доказываетъ выгодный курсъ ея акцій, а не менѣе того и на населеніе колоній, которое нынѣ можно почитать *остановившимся*. Будемъ надѣяться, что нынѣшняя благоразумная система управленія поможетъ ему и распространяться.

Послѣдними привилегіями опредѣлены ясно отношенія какъ креоловъ, такъ и природныхъ жителей къ компаніи и взаимныя ихъ обязанности.

Креолы, родившіеся отъ Русскихъ отцевъ и матерей Алеутокъ, числа коихъ въ 1830 году простиралось до 1000 обоюго пола, суть настоящіе граждане колоній, о сю пору уже полезные, и общающіе имѣть со временемъ рѣшительное на судьбу того края

(*) Два чиновника, посланные на смѣну Баранова, не доѣхали до Ситхи. Одинъ, Г. Кохъ, умеръ въ Камчаткѣ; другой, Г. Борноволоковъ потонулъ при разбитіи корабля *Невы*, у самаго входа въ Ситхинскій заливъ. Барановъ оставилъ колоніи на корабль *Кутузовъ* въ 1818-мъ году, но не бывъ въ состояніи выдержать внезапной перемены климата и жизни, умеръ на Батавскомъ рейдѣ.

вліяніе. Они составляют особое сословіе, уравненное мѣщанскому, и освобождены отъ всѣхъ повинностей покуда находятся въ колоніяхъ. Каждый изъ нихъ долженъ быть приписанъ къ одной изъ двухъ конторъ: Кадьякской или Уналашкинской. Въ выборѣ занятій и образѣ жизни они совершенно независимы: они властны ѣздить на промыслы въ свою пользу, безъ нарушенія однакожъ привилегій компаніи, т. е. продавая промыслы ей по установленной таксѣ; могутъ заниматься земледѣльствомъ и разведеніемъ огородовъ и тогда отъ компаніи получаютъ на то вспомошествованіе; или же ремеслами и рукодѣліями.

Креолы оправдываютъ замѣчаніе, сдѣланное о многостороннихъ способностяхъ мулатовъ въ колоніяхъ другихъ народовъ; они составляютъ красивую, проворную и способную породу людей. Компанія печется о воспитаніи ихъ какъ по обязанности, такъ и видя въ томъ свою выгоду. Въ Ново-Архангельскѣ устроена школа для 30-ти мальчиковъ, въ которой креолы получаютъ первоначальное образованіе до 16-ти лѣтняго возраста, потомъ до 20-ти лѣтъ распределяются по разнымъ должностямъ и занятіямъ, смотря по способностямъ cadaго, на приличномъ содержаніи. Воспитанные такимъ образомъ на счетъ компаніи, креолы обязаны служить ей до 29 лѣтъ, съ жалованьемъ отъ 100 до 350 рублей, соразмѣрно способности и прилежанію cadaго; за симъ служатъ они компаніи на особыхъ условіяхъ, или совсѣмъ не служатъ. Изъ приготовленныхъ такимъ образомъ креоловъ компанія имѣетъ уже нѣсколькихъ мореходовъ, управляющихъ небольшими судами, бухгалтеровъ и прикащиковъ весьма хорошо знающихъ свое дѣло, исправныхъ ма-

стеровыхъ и отличныхъ матросовъ. Нѣсколько чело-
вѣкъ было отправляемо въ разныя времена въ Россію
для обученія мореплаванію и искусствамъ, но изъ этихъ
немногіе удались; иные не доучились, другіе хотя и
выучились, но отвыкнувъ отъ стараго образа жизни,
вывезли съ собой напротивъ того такія привычки,
кои дѣлали ихъ здѣсь ни къ чему неспособными.

Хваля хорошее, нельзя не упомянуть и о дурномъ.
Невоздержаніе есть къ несчастію слишкомъ общій
между креолами порокъ, который хотя въ обстоя-
тельствахъ и положеніи людей и мѣстъ находитъ нѣ-
которое извиненіе, но не менѣе того для общаго вре-
денъ и для многихъ гибеленъ.

Алеуты такъже освобождены Правительствомъ
отъ ясака и всякихъ повинностей, но обязаны за то
служить компаніи для ловли морскихъ звѣрей, на ка-
кой предметъ можетъ она потребовать половинное
число всѣхъ наличныхъ островитянъ мужескаго пола,
не старѣе 50-ти и не моложе 18-ти лѣтъ. Женщинъ
и дѣтей моложе 18-ти лѣтъ компанія можетъ употре-
бить на службу не иначе какъ съ обоюднаго согласія, за
условленную плату. Островитяне, не находящіеся на
службѣ компаніи, занимаются на берегахъ ими обитае-
мыхъ не только рыбною ловлею, но и промысломъ
пушныхъ звѣрей, и все добытое составляетъ ихъ
собственность; но продать пушной товаръ могутъ они
не иначе какъ въ компанію, по установленной таксѣ.

Чтобы дать понятіе о сего рода *барищинѣ*, въ
томъ краю установленной, обозримъ мы вкратцѣ
промыслы, посредствомъ Алеутовъ компаніею произ-
водимые.

Бобровый промыселъ. Главная Контора да-

еть знать въ отдѣлы, сколько изъ котораго должно отправить байдарокъ на промыселъ. Управляющіе отдѣлами чрезъ байдарщиковъ извѣщаютъ о томъ таіоновъ, (*) кои въ Декабръ и Январь съѣзжаются въ главное мѣсто въ отдѣлъ, гдѣ дѣлаются окончательныя распоряженія. Составить партіи есть дѣло таіоновъ; они выбираютъ къ тому охотниковъ, и преимущественно изъ такихъ семействъ, въ которыхъ болѣе одного мужчины. Назначенные Алеуты получаютъ отъ компаніи для исправленія своихъ байдарокъ лафтаки, жилы, усы китовые, жиръ, камлеи, и проч., а при отправленіи на промыселъ по фунту табаку на человѣка, юколы и нѣсколько ружей, пороку, и пр. для стрѣлянія звѣрей и птицъ на пищу. Въ Мартъ и Апрѣль бобровыя партіи пускаются въ путь: изъ Кадьяка отъ 50 до 70 байдарокъ, кромѣ 30 или 40 перевозимыхъ на парусномъ суднѣ въ Ситху, для промысловъ на Американскомъ берегу; по Уналашкинскому отдѣлу до 135 байдарокъ; по Атхинскому до 50-ти. Каждая избираетъ изъ среды своей начальника. Кадьякская партія слѣдуетъ по берегу Кадьяка, чрезъ междолежащіе острова на сѣверный берегъ Аляски, или вдоль южнаго до Кенайской губы. Уналашкинскія партіи отправляются изъ пяти разныхъ мѣстъ: съ Акуна къ Четырехъ Сопошнымъ островамъ, на Юнаску и Амухту; съ Умнака и съ Уналашки, каждая по берегамъ своего острова; наконецъ съ острова Унги и съ Аляски къ острову Саннаху и на

(*) Тосень, или Таіонъ, Якутское слово, введенное изъ давнихъ временъ во всемъ томъ краю, для означенія Старшины, Начальника.

нѣкоторое разстояніе въ море. Атхинская партія промышляетъ по Андреяновской грядѣ (*). Въ Августѣ и Сентябрѣ партіи возвращаются въ главныя пристани въ отдѣлахъ, сдаютъ промыслы въ Конторы, тутъ же получаютъ плату и возвращаются по своимъ жильямъ.

Въ прежнее время составлялась подобная же партія изъ обитателей Чугацкой губы, но когда не стало бобровъ близъ ихъ мѣстъ, то перестали ихъ и посылать. Теперь промышляютъ они только земныхъ звѣрей: выдръ, лисицъ, медвѣдей, рѣчныхъ бобровъ, кои продаютъ въ компанію.

По Кадьякскому и Уналашкинскому отдѣламъ получаютъ Алеуты за стараго бобра (собственно *бобръ* или *матка*) 15 руб., за молодаго (*кошлокъ*) 6 руб., за щенка (*медвѣдокъ*) 1 руб. 20 к. Въ Атхинскомъ отдѣлѣ за первый сортъ отъ 20 до 30 руб., за второй 15 руб., за третій 5 руб. отъ того, что они всѣмъ для промысла нужнымъ должны снабжаться отъ себя. Въ семъ последнемъ отдѣлѣ заведено еще, что Алеуты весь свой промыселъ сдаютъ сначала Главному Таюну, который его раздѣляетъ на всѣхъ, соображаясь съ прилежаніемъ или счастіемъ каждаго. Кто добылъ 5 или 6 бобровъ, долженъ удѣлить часть тому, кто не получилъ ничего или очень мало, который въ другое время воздастъ ему въ свою очередь тѣмъ же,

(*) Образъ ловли бобровъ въ морѣ стрѣлками описанъ подробно многими путешественниками. На Андреяновскихъ островахъ ловятъ ихъ сверхъ того сѣтьми; сіе преимущественно осенью и въ бурное время когда бобры ищутъ укрытія между камнями. Иногда спящихъ убиваютъ изъ ружей.

такъ что никто не остается съ пустыми руками и всеъ бывають довольны.

Промыселъ лисицъ. По окончаніи боброваго промысла приступаютъ къ лисьему. Лисицъ ловятъ иногда собаками, но большею частію кляпцами, для коихъ матеріалы, т. е. зубцы желѣзные и китовыя жилы рассылаются заблаговременно по артелямъ. Лѣсъ для нихъ употребляется выкидной. На опытнаго и проворнаго ловца даютъ по 25 кляпцевъ. Лисицами изобилуютъ всеъ острова Лисьей гряды, и наиболѣе чернобурыми и сиводушками; на Аляскѣ бывають только красныя, отличающіяся нѣжностію своей шерсти; самыя дурныя суть Кадьякскія, гдѣ ихъ сверхъ того мало. На островахъ Атхинскаго отдѣла нѣтъ никакихъ земныхъ звѣрей, даже мышей; на одномъ островѣ Атту, водятся песцы. Лисій промыселъ начинается съ Октября и кончается въ Ноябрь или Декабрь. Добытые звѣри сдаются начальникамъ артелей, которые въ тоже время за нихъ расплачиваются. За лучшихъ чернобурыхъ лисицъ платится отъ 4 до 6 руб., за сиводушекъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 2 руб., за красныхъ отъ 50 к. до $1\frac{1}{2}$ руб; нижніе сорта цѣнятся вдвое и втрое дешевле.

Еврашки ловятся преимущественно на островѣ Укамокъ, гдѣ для промысла оныхъ живутъ нѣсколько семействъ Алеутскихъ. Ихъ ловятъ собаками, которыя слѣдятъ звѣря и указываютъ его норы; охотникъ разрываетъ землю и убиваетъ звѣря. Промыселъ сей начинается такъ же съ Октября мѣсяца и продолжается мѣсяца три, въ которое время искусный ловецъ добываетъ отъ 1000 до 1200 звѣрковъ. Алеутки въ тоже время выдѣлываютъ мѣха и шьютъ

изъ нихъ парки, за которыя компанія платитъ по 7-ми рублей. На Укамокъ убивается въ годъ до 25,000 еврашекъ.

Для *птичьяго промысла*, подобно какъ и для боброваго, Таїонъ набираетъ вольныхъ Алеутовъ, которые въ Апрѣль съѣзжаются въ главныя мѣста по отдѣламъ, и получа отъ компаніи огнестрѣльные и другіе снаряды и припасы, и на каждого охотника по фунту табаку, отправляются на промыселъ, — съ Кадьяка на *Аляску*, съ Уналашки на *Шумагинскіе острова* и возвращаются въ Августъ и Сентябръ. Шкуры птицъ сдаются въ компанію, которая раздаетъ ихъ женщинамъ для выдѣлки и шитья парокъ. На парки употребляются *топорки, ары и ипатки*; другія птицы только въ пищу. Въ парку идетъ отъ 30 до 50 шкуръ, за кои компанія платитъ отъ 2 до 2½ рубл., а за выдѣлку и шитье 75 коп. Промышленникъ, доставившій 12 парокъ, получаетъ сверхъ платы двѣ парки себѣ. Мясо убитыхъ птицъ Алеуты въ продолженіе промысла сушатъ на зиму, кромѣ употребляемыхъ въ пищу на мѣстѣ.

Моржей промышляютъ въ конецъ Іюля изъ Унгинской артели на песчаныхъ банкахъ по Сѣверную сторону Аляски, гдѣ моржи ложатся въ великомъ множествѣ. Обошедъ ихъ со стороны моря, промышленники бросаются на нихъ съ крикомъ, и гонятъ все лежбище на средину банки, гдѣ нападаютъ на него съ копьями и колятъ въ тѣ мѣста гдѣ тонѣе кожа. Одна изъ нужнѣйшихъ предосторожностей есть та, чтобы ни одинъ звѣрь не ушелъ въ море, ибо за однимъ всѣ туда бросятся, и тогда трудно избѣгнуть клыковъ раздраженнаго звѣря, или быть имъ задавленнымъ или увле-

ченнымъ въ море. Опасный промыселъ сей продолжается около 10-и дней. Алеуты, готовясь къ оному, прощаются другъ съ другомъ.

У убитыхъ моржей вырубаютъ только клыки. Въ весьма счастливые годы получается до 2500 клыковъ, на что должно положить отъ 3-хъ до 4-хъ тысячъ моржей, потому что они въ побоище сваливаются такими грудами, что, по увѣренію охотниковъ, не болѣе какъ изъ одной трети добываются клыки. Въ обыкновенные годы бываетъ промыселъ гораздо менѣе. Добытая кость переносится чрезъ перешеекъ на южную сторону, а оттуда свозится въ артель.

Сивучей промышляютъ для компаніи по берегу Аляски въ Іюнѣ мѣсяцѣ и выдѣлываютъ изъ нихъ лафтаки для байдарокъ, а кишки и горла для камлей; но большее число сихъ вещей доставляется вмѣстѣ со шкурами *морскихъ котовъ* съ острововъ *Прибылова*, о коихъ будемъ говорить ниже.

Промыселъ *Китовъ* производится съ Іюня по Августъ. Не должно воображать, чтобы это было то опасное предпріятіе, которое у насъ обыкновенно подъ названіемъ *Китоваго промысла* разумѣется. Цѣнность снаряженія китобойныхъ судовъ, но болѣе того недостатокъ знающихъ сіе дѣло людей, не позволяютъ компаніи за него взяться, хотя вѣроятно оно оказалось бы и выгоднымъ, потому что между здѣшними китами есть много кашелотовъ (*плавуновъ*, какъ ихъ здѣсь называютъ) дающихъ спермацети (*). Алеуты бьютъ китовъ съ байдарокъ стрѣлками, на коихъ

(*) Нынешній Главный Правитель имѣетъ въ виду завести и этотъ промыселъ.

каждый имѣетъ свое клеймо. Раненый китъ обыкновенно чрезъ нѣсколько дней издыхаетъ и вѣтромъ и теченіемъ выбрасывается на ближайшій берегъ. Наиболѣе выкидываетъ ихъ на берега Уналашки и Акуна, и на SW берегъ Кадьяка. Иногда случается Алеутамъ взять кита и съ бою, бросая въ него стрѣлки съ пузырями на веревкахъ изъ китовыхъ жилъ. Убившій кита, что узнается по клейму на стрѣлкѣ, получаетъ половину его, и сверхъ того 30 рубл. за большаго, и 15 рубл. за малаго.

Изъ сего краткаго изложенія производимыхъ компаніею промысловъ видно, что и изъ *наряжаемыхъ* на сіе дѣло Алеутъ, ни одинъ не служитъ ей по принужденію, но всѣ изъ платы, при постановленіи коей обращено равное вниманіе на пользы обѣихъ сторонъ. Кромѣ сихъ наряжаемыхъ весьма многіе служатъ ей по найму, получая жалованья въ годъ отъ 100 до 150 рубл., а женщины 60 до 120 рубл. За всякую особенную работу, какъ то сборъ ягодъ, кореньевъ, ловлю рыбы, нерпъ, получаютъ, какъ мужчины, такъ и женщины, установленную плату.

Изъ Алеутъ, составляющихъ помянутую выше Ситхинскую бобровую партію, около 150 человекъ остаются по охотѣ зимовать въ Ново-Архангельскѣ. Не знаю, имѣетъ ли компанія средства, по окончаніи промысловъ отправлять всѣхъ домой на Кадьякъ, но сіе житіе праздныхъ Алеутъ въ Ново-Архангельскѣ вредно сколько для нихъ самихъ столько и для компаніи. Здѣсь въ весьма уменьшенномъ размѣрѣ изображается дѣйствіе большихъ городовъ на селенія, привлекать къ себѣ народъ и портить его роскошью.

Остающіеся въ Ситхѣ Алеуты Мартъ и Апрѣль готовятся къ промысламъ, съ Мая по Августъ промышляютъ бобровъ, Августъ и Сентябрь запасаютъ рыбу на зиму, а остальные за тѣмъ пять мѣсяцевъ, вмѣсто того чтобы на родинѣ заниматься промысломъ земныхъ звѣрей, проводятъ въ совершенной праздности, со всѣми слѣдствіями оной. Привыкнувъ чрезъ обращеніе съ Русскими къ ихъ пищѣ, къ чаю и особенно пристрастившись безъ мѣры къ горячимъ напиткамъ, употребляютъ они всѣ средства, хотя бы и непозволительныя, къ удовлетворенію сихъ новыхъ нуждъ. По примѣру супруга, промѣнявшаго покойную и удобную птичью парку на фризовой или суконный сертукъ, и даже фракъ, смѣшной даже и въ Европѣ, Алеутка не хочетъ смотрѣть на евращечью парку или китайчатую камлею, въ которыхъ прежде щеголяла, а требуетъ непременно ситцоваго платья, шаль, и т. п., которые пріобрѣтаетъ средствами, ни мало не двусмысленными. Слѣдствіемъ этого бывають болѣзни, и потомство слабое и при самомъ рожденіи уже испорченное. Теряясь сами, Алеуты пребываніемъ въ Ситхѣ затрудняютъ и компанію, ибо увеличиваютъ расходъ товаровъ и припасовъ, коими компанія съ такимъ трудомъ снабжается.

Въ первые годы поселенія Русскихъ въ семь краю промыслы были такъ изобильны, что одни могли съ избыткомъ доставлять нужное для оборотовъ количество мягкой рухляди. Плохое хозяйство скоро однакоже или совсѣмъ изсушило, или весьма оскуднило источники сіи, и принудило компанію помышлять объ открытіи новыхъ. Еще Барановъ намѣревался осно-

вать заселеніе на озерѣ *Иллямнѣ* (*), (или Шелихова) откуда онѣ по временамъ получалъ мѣною значительное число рѣчныхъ бобровъ; но преемникъ его, изслѣдовавъ подробнѣе берегъ къ Сѣверу отъ Аляски, предпочелъ рѣку Нушагакъ, впадающую въ Бристольскій заливъ, въ устьѣ которой основанъ въ 1820 году *Александровскій редутъ*, назначенный служить средоточіемъ и складочнымъ мѣстомъ мѣновой торговли съ внутренними жителями Америки. Сюда съѣзжаются въ байдаркахъ, наиболѣе въ Маѣ мѣсяцѣ, Американцы сосѣдственныхъ племенъ — Аглегмюты, Кускоханцы, Кіятенцы и мѣняютъ рѣчныхъ бобровъ, выдръ, лисицъ красныхъ и бобровую струю, и въ небольшомъ количествѣ маммутову (**), и моржевую кость, на бисеръ, коральки разныхъ цвѣтовъ, цукли, табакъ; иногда берутъ такъ же фламское полотно, тикъ, красное сукно, байку, кожи, желѣзныя вещи, и проч. Всѣ сіи племена не только живутъ въ мирѣ и дружбѣ съ Русскими ихъ сосѣдями, но нерѣдко прибѣгаютъ къ ихъ посредничеству и суду въ безпрестанныхъ между собою распряхъ. Нѣкоторые нанимаются даже въ работы въ Александровскомъ редутѣ.

Не довольствуясь сею торговлею, которая вообще не весьма была богата, Колоніальное Правленіе ежегодно посылало суда для мѣны съ жителями Азіят-

(*) Изъ котораго вытекаетъ рѣка *Квѣйгакъ*, впадающая въ вершину Бристольскаго залива.

(**) Маммутову кость находятъ здѣсь въ осыпавшихся берегахъ рѣки, а иногда и на поляхъ, близъ поверхности земли. По увѣренію жителей встрѣчаются нерѣдко цѣлые скелеты сего животнаго. Бываютъ клыки длиною до 2хъ аршинъ, частію уже окаменѣлые.

скаго и Американскаго береговъ и съ островитянами Берингова моря, и недавно опредѣлило сдѣлать новое заселеніе на островъ *Стюартъ*, лежащемъ въ заливѣ Нортонна, при устьѣ большой рѣки *Квикпахъ*, и намѣрено основать еще факторію внутри земли близъ сей же рѣки. Таковое распространеніе торговли необходимо при слабѣющихъ прямыхъ промыслахъ, для обезпеченія оборотовъ компаніи; и не мудрено что она, подвигаясь отъ запада, встрѣтится скоро съ передовщиками Англійской мѣховой компаніи, подходящими отъ востока; и теперь уже встрѣчаются разныя мелочи Англійскаго издѣлія между прибрежными жителями, кои получаютъ ихъ чрезъ третьи руки отъ сосѣдей своихъ.

Если промыслы въ мѣстахъ, постоянно заселенныхъ, постоянно же и ослабѣвали, то въ тѣхъ, гдѣ звѣрь оставленъ былъ нѣкоторое время въ покоѣ, размножался онъ опять примѣтнымъ образомъ. Курильскіе острова, доставлявшіе сначала бобровъ первостепенной доброты, усердными промыслами были совершенно очищены и потому оставлены. Чрезъ нѣсколько десятилѣтій показали тамъ бобры вновь, и компанія не замедлила воспользоваться этимъ, сдѣлавъ въ 1827-мъ году заселеніе на островъ *Урупъ*, откуда въ первый годъ напромышлено до 1000 сихъ звѣрей. За симъ всѣ Курильскіе острова переданы въ вѣдомство компаніи, учреждающей нынѣ селеніе на островъ *Симусиръ*, которое будетъ главнымъ въ Курильскомъ отдѣлѣ. Должно надѣяться для собственныхъ пользъ ея, что возродившійся промыселъ сей будетъ производиться хозяйственнѣе прежняго.

Нѣкоторымъ подспорьемъ бобровымъ промысламъ

служили бобры Калифорнскіе, кои компанія въ разныя времена добывала разными средствами. Въ управленіе Баранова производилось это съ помощію иностранныхъ (наиболѣе Американскихъ) корабельщиковъ, коимъ давалась для промысловъ партія байдарокъ, съ условіемъ весь промыселъ дѣлить пополамъ. Сიმъ ередствомъ въ теченіе 10-и лѣтъ получено имъ до 6000 старыхъ, съ меньшими же болѣе 7000 бобровъ, коихъ слѣдственно въ это время убито до 15,000. Чтобы не дѣлиться ни съ кѣмъ выгодами сего промысла, рѣшился онъ посылать свои суда, но уже поздно; бобры тѣмъ временемъ уменьшились, а Испанцы проснулись и стали поставлять промысламъ всякія препятствія, захватывали въ плѣнъ людей, не позволяли брать отрядамъ свѣжей воды, и. т. п. Отправленія сіи послужили поводомъ къ основанію на берегу Новаго Албіона селенія *Россъ* (1812), откуда неоднократно пытались производить промыслы, но съ весьма малымъ успѣхомъ. Наконецъ удалось склонить Правительство Калифорнское на дозволеніе промыслять бобровъ, съ условіемъ дѣлить какъ издержки на содержаніе Алеутовъ и плату имъ такъ и промыслы, пополамъ. На семъ основаніи продолжаютъ производиться промыслы, не принося впрочемъ великихъ выгодъ компаніи, какъ по рѣдкости звѣря, такъ и по низкому качеству шерсти Калифорнскаго бобра (*).

(*) Качество бобровъ уменьшается съ удаленіемъ къ Востоку и Югу. Курильскіе лучшіе всѣхъ; за ними слѣдуютъ по добротѣ Андреяновскіе, потомъ Лисьевскіе, Американскіе, и наконецъ Калифорнскіе, уступающіе какъ цвѣтомъ, такъ и шелковитостію шерсти всѣмъ прочимъ.

Надежда на прибыльные бобровые промыслы была главнымъ поводомъ къ основанію факторіи въ Калифорніи. Не видя отъ этого большой пользы стали тамъ строить суда, обходившіяся весьма дорого и по непрочности лѣса служившія весьма мало, почему убыточная операція сія оставлена; но чтобы люди не остались праздными, то принялись за земледѣліе и скотоводство. Калифорнія есть одна изъ плодороднѣйшихъ въ мірѣ земель; но чтобы извлекать изъ этого пользу, не должно быть приковану къ одному пункту, довольно невыгодно на берегу моря, но безъ пристани, лежащему; особенно же должно имѣть болѣе рукъ. Селеніе Россъ имѣетъ до 90 десятинъ удобной земли, на которой высѣвается въ годъ пшеницы до 90 четверт., ячменю до 15 четверт. и снимается перваго до 450, послѣдняго до 65 четверт. Въ лучшіе годы бываетъ урожай лучше, но среднимъ числомъ не болѣе какъ самъ пять или самъ шесть. Огородныя овощи родятся весьма хорошо. Скота отъ небольшого числа въ теченіе 10 лѣтъ расплодилось до 500 головъ рогатаго; до 250 лошадей, и до 600 овецъ; но не имѣя пастбищъ, не знаютъ что съ нимъ дѣлать. Въ Ситху доставляется солонины до 150 пудъ, масла до 50 пудъ, и до 100 кожъ выдѣланныхъ на мѣстѣ. Въ этомъ состоитъ покамѣстъ вся выгода отъ сего заведенія.

Испанцы, не имѣя средствъ вытѣснить силою пришельцевъ съ земли, которую почитаютъ своею, прибѣгли къ другому, медленному, но вѣрному способу; они начали окружать Россъ новыми миссіями которыя стѣсняя заселеніе сіе со всѣхъ сторонъ, отнимутъ у него возможность распространиться, и заставятъ наконецъ покинуть заведеніе, которое развлекая силы колоній,

въ теперешнемъ его видѣ не можетъ имъ никогда принести значительной пользы; да и при большемъ распространеніи можетъ доставлять такія только статьи, которыя и безъ того торговлею безубыточно пріобрѣтать можно.

Компанія доставляетъ промыслы свои въ Европу двумя путями: чрезъ Охотскій портъ и Сибирь и прямо моремъ въ Россію. Мѣха, наиболѣе морскихъ котиковъ, идутъ изъ Охотска на Кяхту, промѣниваются тамъ на Китайскіе товары, которымъ главная расторжка происходитъ на Макарьевской ярманкѣ. Бобровыя шкуры отправляются большею частію моремъ въ С. Петербургъ, откуда расходятся по всей Россіи.

Сосѣдственные заселеніямъ нашимъ жители Сѣверной Америки, не взирая на давнишнее знакомство, до сихъ поръ мало намъ извѣстны. Враждебное расположеніе, недопускавшее Русскихъ съ ними смѣшиваться, есть главная тому причина. Съ тѣхъ поръ какъ они поселились подъ крѣпостью было болѣе случаевъ съ ними ознакомиться; но между служащими компаніи не нашлось до сихъ поръ досужаго человѣка, который рѣшился бы свободныя минуты свои посвятить хотя и интересному но тяжкому труду изслѣдовать нравы, преданія, взаимныя связи, въ особенности же языкъ сего народа. Трудолюбивый Г. Хлѣбниковъ (*) обратилъ однако же и на сей предметъ свое вниманіе, и слѣдующія свѣдѣнія о Колошахъ заимствованы преимущественно изъ его записокъ.

(*) Въ бумагахъ покойнаго Баранова должны находиться многія любопытныя свѣдѣнія о народахъ сихъ, какъ и вообще о томъ краѣ. Желательно чтобы оныя спасены были отъ забвенія.

Народы, населяющіе Сѣверозападный берегъ Америки отъ 40° до 60° суть, по всей вѣроятности, поколѣнія одного и того же племени. Одинакая наружность, одинакіе обряды и образъ жизни ведутъ къ сему заключенію. Уродливыя деревянныя украшенія въ губахъ суть неоспоримое доказательство единородства жителей острововъ Королевы Шарлоты и залива Берингова. Съ другой стороны Г. Скоулеръ нашелъ языкъ обитателей рѣки Колумбіи тотъ же что жителей Нутки. Жители губы *Тринидадъ* (шир. 41°) имѣютъ во всемъ большое сходство съ сѣвернѣйшими жителями, но весьма много различествуютъ отъ Индѣйцевъ Новаго Албіона, обитающихъ южнѣе мыса Мендосино. Каждое изъ поколѣній сихъ различается особеннымъ именемъ; но въ колоніяхъ нашихъ всѣ оныя вмѣстѣ разумѣются подъ общимъ, родовымъ названіемъ *Колошъ* или *Колужъ*.

Ситхинскіе Колоши называютъ себя *Ситха-Ханъ*. Они признаютъ родоначальникомъ своимъ человека по имени *Элкхъ*, пользовавшагося покровительствомъ *ворона*, начальной причины всѣхъ вещей. Замѣчательно, что у жителей береговъ Кенайской губы, и у Кадьякцевъ принадлежащихъ явно къ Эскимосскому племени, птица сія также играетъ важную роль. По преданіямъ первыхъ, *воронъ* создалъ вселенную; послѣдніе вѣрятъ что онъ принесъ свѣтъ съ неба (*). Что было прежде ворона, и кто далъ ворону такую власть, Колоши не знаютъ, и отдѣлы-

(*) Оленные Чукчи также уважаютъ ворона. Сибирскій Вѣстникъ, 1824. Ч. II. р. 120.

ваются обыкновеннымъ въ такомъ случаѣ отвѣтомъ: что этому такъ слѣдовало быть.

Въ разсказахъ Колошъ о происхожденіи *Элкха*, и о приключеніяхъ его до созданія Колошъ, содержится преданіе о всеобщемъ потопѣ, какъ у всѣхъ почти народовъ, и, что страннѣе, многія басни, имѣющія сходство съ Греческими мифами. Первобытный житель земли, *Китх-угин-си*, имѣлъ отъ сестры своей многихъ дѣтей, которыхъ истреблялъ для того, чтобы племя людей не размножилось. Онъ имѣлъ власть надъ всѣми жителями земли и наказывалъ ихъ за преступленія потопомъ, не могъ однакоже истребить всѣхъ, потому что люди спасались на лодкахъ на вершины горъ, гдѣ до сихъ поръ видны остатки лодокъ и канатовъ, коими они привязывались.

Сестра *Китх-угин-си* убѣжала отъ кровожаднаго брата своего и на морскомъ берегу встрѣтила молодаго статнаго мужчину, который услыша причину бѣгства ея, далъ ей проглотить раскаленный, круглый камешекъ, обѣщавъ, что послѣ того родится у ней сынъ, котораго никто не будетъ въ силахъ погубить. Слѣдствіемъ сего пріема было рожденіе *Элкха*. Мать воспитывала его тщательно, каждое утро купала въ водѣ морской и научила стрѣлять птицъ. *Элкхъ* прежде всего настрѣлялъ множество колибри на платьѣ своей матери. Потомъ убилъ большую, бѣлую птицу, шкуру съ нее надѣлъ на себя и любуясь крыльями возымѣлъ сильное желаніе летать по птичьему, — и вмѣстѣ съ тѣмъ поднялся на воздухъ; но не умѣвъ еще порядочно управлять крыльями залетѣлъ за облака, и изнемогая, съ раскаяніемъ сказалъ: «лучше бы мнѣ остаться съ матерью!» и съ

этимъ словомъ очутился у ея хижины. Возмужавъ, отпросился онъ у матери идти искать *Китх-уеин-си*, чтобы наказать его за злодѣйства. Онъ отыскалъ жилище дяди, выждалъ сидя на хижинѣ возвращенія его домой, и заперши его въ ней велѣлъ водамъ подыматься, чтобы потопить преступника, а самъ на крыльяхъ поднялся на воздухъ. Долго леталъ онъ, наконецъ выбившись изъ силъ упалъ на камень, больно зашибся и долго лежалъ безъ чувствъ. Отъ этого происходятъ всѣ болѣзни людскія. Очнувшись слышитъ онъ голосъ его зовущій, но никого не видитъ. Собравъ послѣднія силы пошелъ онъ къ морскому берегу и увидѣлъ играющихъ на морѣ бобровъ; одинъ изъ нихъ говоритъ ему: «садись на меня, я тебя довезу туда, куда тебя зовутъ.» — «Но ты утопишь меня» — отвѣчалъ *Элкхъ*. «Не бойся ничего, зажмурься и садись на меня.» — *Элкхъ* садится на бобра, ѣдетъ долго, наконецъ по приглашенію бобра открываетъ глаза, видитъ берегъ и на немъ множество людей. Между ими находитъ онъ мать свою и дядю, вѣроятно уже примирившихся, и тутъ же познакомился съ ворономъ, отъ котораго получилъ власть быть родоначальникомъ Колошъ.

Не точное ли это повтореніе мифовъ о Сатурнѣ, пожирающемъ дѣтей своихъ; о Девкаліонѣ, изъ камней производящемъ людей; объ Икарѣ; объ Аріонѣ, плывущемъ на дельфинѣ? Никто конечно не подумаетъ, чтобы Колоши заимствовали мифологию свою отъ Грековъ; но сходство сіе доказываетъ, что бредни младенчествующаго ума человѣческаго одинаковы и подъ свѣтлымъ небомъ Эллады и въ дикихъ лѣсахъ Американскихъ.

Религія Колошъ есть отрасль Шаманства, распространеннаго во всей Сѣверовосточной Азіи. Не постигая существованія благаго Творца міра, вѣрятъ они злымъ духамъ, живущимъ въ водѣ, и насылающимъ на людей болѣзни, посредствомъ рыбъ и ракушекъ, ими въ пищу употребляемыхъ. Почестей никакихъ имъ не воздаютъ. Обязанность Шамановъ есть предсказывать будущее и иногда лѣчить болѣзни, чрезъ призываніе дьявола.

Шаманы большею частію бываютъ наследственные, хотя всякій самъ собою можетъ имъ сдѣлаться. Избирающій это ремесло, подвергаетъ себя искусу, нѣсколько лѣтъ продолжающемуся и состоящему въ строгомъ постѣ и цѣломудріи, и не иначе какъ по выдержаніи сего искуса принимается за колдовство — такъ нужно человѣку сначала обмануть самого себя, чтобы удобнѣе обманывать другихъ!

Колоши вѣрятъ, что душа остается жить по смерти, не получая однако же въ иномъ мірѣ воздаянія за добрыя, или наказанія за злыя дѣла. Души начальниковъ не смѣшиваются и тамъ съ душами низшихъ; но души убитыхъ на гробѣ старшины невольниковъ, остаются вѣчными рабами души перваго.

Наружнаго идолослуженія у нихъ никакого нѣтъ, но есть нѣкоторый обрядъ, имѣющій связь съ ихъ религіозными понятіями и отправляемый чрезъ нѣкоторое время, попеременно то въ томъ то въ другомъ родѣ, при которомъ приносятся въ жертву невольники. Ситхинскій толмача называлъ этотъ обрядъ Сибирскимъ выраженіемъ *игрушка*, но болѣе ничего объ немъ не могъ объяснить. Не задолго до прибытія нашего въ Ситху была такая игрушка въ родѣ

Таіона *Наушкета*, живущаго возлѣ крѣпости, на которую (игрушку) съѣзжались всѣ окрестные роды и одинъ *Калга* (невольникъ) былъ принесенъ въ жертву. Обреченныхъ на жертву давятъ положа доску на шею. Докторъ Мертенсъ, собиравшій черепа народовъ нами посѣщенныхъ, отыскалъ по описанію мѣсто жертвоприношенія, въ глуши лѣса, и трупъ жертвы, и съ опасностію собственной жизни снялъ съ него черепъ.

Правленіе Колошъ, какъ и всѣхъ въ младенчествѣ находящихся обществъ, есть патріархальное. Старшій въ родѣ есть начальникъ, котораго Русскіе называютъ вывезеннымъ изъ Сибири словомъ: *Таіонъ*. Повиновеніе къ нему ограничивается однимъ его семействомъ. Кто имѣетъ болѣе *родовичей*, кто богаче, имѣетъ болѣе невольниковъ (*), тотъ болѣе и уважается; совѣтамъ его внимаютъ, но приказывать онъ никому ничего не можетъ, и ему служатъ только по доброй волѣ, или изъ платы.

Поколѣнія Колошъ подраздѣляются на *роды*, несущіе названіе отъ нѣкоторыхъ животныхъ, какъ то: *вороній, волхій, медвѣжій, орлиный* и т. п. Основаніе, законы, сущность и цѣль сихъ раздѣленій достаточно намъ неизвѣстны. Въ одномъ и томъ же селеніи смѣшиваются между собою различные роды. Есть роды пользующіе предъ другими нѣкоторымъ предпочтеніемъ; такъ на прим., *волхій* считается воинственнѣе всѣхъ другихъ, получаетъ воспитаніе еще суровѣйшее, и каждый изъ сего рода хвалится многими ранами на тѣлѣ, въ сраженіи полученными, или

(*) Богачи имѣютъ по 30 и по 40 невольниковъ.

нарочно нанесенными. Родъ сей называется собственно *Кухонтанъ* или *Коквонтанъ*, что по переводу толмача Ситхинскаго значить *солдатъ*, конечно въ смыслъ воина или рыцаря. Самые большіе забіяки бываютъ изъ *ордена* Кухонтанскаго; кто не можетъ похвалиться что принадлежитъ къ нему, хвастаетъ по крайней мѣрѣ, что много водился съ Кухонтанами, и въ рѣчахъ, до которыхъ Колоши большіе охотники, почетное сословіе сіе почти всегда упоминается.

Невольники Колошъ суть плѣнные непріатели. Въ сосѣдствѣ нашихъ колоній рѣдко бываютъ теперь войны, и потому тамошніе Колоши должны невольниковъ своихъ покупать отъ другихъ, живущихъ противу Архипелага Королевы Шарлоты и далѣе. Надъ жизнію своего невольника имѣетъ каждый полную власть, и кромѣ помянутаго обряда, невольники умерщвляются иногда при празднествахъ, поминкахъ, при смерти начальниковъ, и пр.; разумѣется, что на это выбираютъ всегда ни къ чему другому не годные, и которыхъ не лзя ни продать, ни подарить. Напротивъ того при подобныхъ случаяхъ дается иногда невольникамъ свобода.

Ссоры Колошъ бываютъ, какъ и у всѣхъ народовъ, *внутреннія* и *внѣшнія*. Мы называемъ первыя *драками*, послѣднія *войнами*. У Колошъ между тѣми и другими нѣтъ того рѣзкаго различія, какъ у насъ. Причиною ихъ бываютъ обыкновенно женщины.

Когда Колоши изъ двухъ разныхъ родовъ дерутся, и одинъ съ которойнибудь стороны будетъ убитъ, то родственники его требуютъ за него платы,

и въ случаѣ отказа вызываютъ противную сторону на открытую брань, въ которой огнестрѣльнаго оружія не употребляютъ, и стараются наносить несмертельныя только раны. Если обиженной сторонѣ удастся одержать верхъ, то обидчики соглашаются на плату, которая постановляется переговорами; въ противномъ же случаѣ первые, уступая необходимости, на время смиряются, но во ожиданіи только случая отмстить кровью за кровь, хотя бы то было чрезъ нѣсколько лѣтъ.

Местъ за обиду есть обыкновенная причина и внѣшнихъ браней Колошъ, хотя иногда примѣшивается къ тому тщеславіе и корысть. — Если Колошу случится быть убиту инородными, и въ другомъ селеніи, то сіи навѣрное ожидаютъ мести и готовятся къ ней. Обиженные скрываютъ тщательно свои планы и намѣренія, покуда не будутъ въ состояніи исполнить оныя съ успѣхомъ, и по сей причинѣ ни къ какимъ совѣщаніямъ и переговорамъ не допускаютъ женщинъ, кои будучи связаны родствомъ съ иными селеніями, не укоснили бы предупредить родныхъ своихъ о грозящей имъ опасности. Приготовясь совершенно, пускаются они въ походъ на своихъ лодкахъ и стараются пристать къ непріятельскому селенію на разсвѣтъ. Предъ нападеніемъ облакаются въ деревянные латы, закрывающіе грудь и спину, и плотно переплетенные китовыми жилами, лица закрываютъ масками, на коихъ вырѣзаны личины звѣрей въ уродливомъ видѣ, а голову толстыми деревянными шапками съ такими же изображеніями, и все связывается вмѣстѣ ремнями. Напавъ въ распахъ, умерщвляютъ они безъ пощады всѣхъ мужчинъ, кои

не успѣють спастись, а женщинъ и дѣтей уводятъ въ неволю. Съ сихъ поръ роли перемѣняются, и теперь очередь другой, побѣжденной стороны искать и выжидать случая отмстить первой убійствомъ равнаго числа непріятелей; и кто не доживетъ до того самъ, оставляетъ въ наслѣдство дѣтямъ обязанность мести — это совершенно кровавая месть Бедуиновъ и нашихъ горцевъ.

Но иногда удастся кончить распрю переговорами; обидчики платятъ за убитыхъ что условіями постановится, и миръ водворяется снова, въ обезпеченіе котораго даются съ обѣихъ сторонъ заложники. Это дѣлается съ особеннымъ, страннымъ обрядомъ. Обѣ стороны выходятъ на равнину, мужчины и женщины. Первые, кои должны схватить *аманата* — избираемаго всегда изъ именитыхъ людей, наиболее уважаемыхъ по связямъ родства — дѣлаютъ видъ, будто хотятъ начать бой, машутъ копьями и кинжалами, и наконецъ съ воплемъ вторгаются въ средину противной стороны, схватываютъ избраннаго заложника, скрывающагося въ толпѣ, и съ радостнымъ крикомъ выносятъ его на рукахъ на свою сторону; оказываютъ ему всякія услуги, не позволяютъ ходить, а всегда носятъ на рукахъ, и пр. Съ другой стороны дѣлается тоже самое. Торжество мира заключается пирушкою. Наконецъ заложники отвозятся на жилище новыхъ друзей, и пробывъ тамъ годъ или болѣе, возвращаются во свояси, когда новые пиры утверждаютъ союзъ.

Нравы Колошъ мало различествуютъ отъ нравовъ другихъ, подобно имъ въ дикой независимости живущихъ народовъ. Они люты противу своихъ непріа-

телей, а непріятель ихъ есть всякій чужеземецъ. Они подозрительны, хитры. Кровавая месть за обиды не только не считается преступленіемъ, но есть священ-
ная обязанность каждаго. Жажду приобрѣтенія раздѣ-
ляютъ они не съ одними *дикиими* народами, и для
удовлетворенія ея, когда нѣтъ другихъ средствъ, счи-
тають не одинъ скрытый но и явный грабежъ дозво-
леннымъ. Качества сіи конечно не похвальны; но
онѣ неразлучны съ состояніемъ народа не знающаго
ни гражданственности, ни на любви основанной рели-
гіи, и не дѣлають еще ихъ недостойными носить
образа человѣческаго, какъ утверждаетъ одинъ изъ но-
вѣйшихъ путешественниковъ; или должно снять его
съ большей половины людей, населяющихъ землю.
Колоши имѣють и добрыя качества. Привязанность
родителей къ дѣтямъ примѣрна, и простирается до
того, что отцы не берутъ на себя купать дѣтей въ
морской водѣ (что для приученія дѣтей къ холоду дѣ-
лается у нихъ всякій день, зиму и лѣто), не чувствуя
себя въ силахъ выдержать крика ихъ, а поручають
это дѣло дядямъ и другимъ родственникамъ менѣе
отцевъ нѣжнымъ, которые непослушныхъ и неперестав-
ляющихъ кричать еще сѣкутъ розгами (*). Съ дру-
гой стороны дѣти во всѣхъ возрастахъ оказываютъ
къ родителямъ повиновеніе и уваженіе, наипаче къ
престатрѣлымъ и безсильнымъ, о коихъ пекутся съ
большимъ вниманіемъ. Нищихъ между ими нѣтъ:

(*) Что же подумать объ увѣреніи того же путешественника, будто
одинъ отецъ изъ Колошъ, наскуча крикомъ сына *бросилъ его*
въ кипящій китовый жиръ? не то ли, что кто нибудь хотѣлъ
позабавиться надъ легковѣріемъ мореходца?

безродные, сироты, хворые, не имѣющіе силъ снискивать себѣ пропитанія, безъ всякихъ законовъ для *бѣдныхъ*, призираются зажиточными, кои не допускаютъ ихъ нуждаться въ необходимомъ. Съ невольниками обращаются почти какъ съ домочадцами. Не на высшей ли нравственной степени стоитъ подобный народъ въ сравненіи съ тѣми, кои больныхъ оставляютъ погибать голодною смертію, убиваютъ устарѣлыхъ отцевъ, новорожденныхъ дѣтей душатъ, чтобы избавиться отъ излишнихъ заботъ, и пр. ?

Все воспитаніе Колоша съ самаго рожденія направлено къ тому, чтобы окрѣпить тѣло его противу всякихъ страданій. Съ накинутымъ на одно плечо шерстянымъ одѣяломъ не замѣчаетъ онъ, кажется, ни вѣтра, ни дождя, ни холода; еслижъ озябнетъ то раздѣвается до нага, и садится на нѣсколько минутъ въ воду. Случалось встрѣчать Колошъ зимою, въ лѣсу, спящихъ около огня и не подозрѣвающихъ что одинъ бокъ ихъ чуть не жарится, между тѣмъ какъ другой покрытъ инеемъ. Въ битвѣ они смѣлы, презираютъ смерть, не показывая однакожъ того равнодушія къ жизни какъ Камчадалы, Алеуты и жители Кадьяка, которые прежде при всякомъ маловажнѣйшемъ поводѣ, или даже просто отъ скуки, готовы были повѣситься или утопиться. Самоубійство между ими совсѣмъ неизвѣстно; нѣтъ примѣра чтобы даже невольникъ лишилъ себя жизни.

Колоши характера флегматическаго и въ домашнемъ быту лѣнны. Между тѣмъ какъ жены ихъ отправляютъ всѣ домашнія работы, готовятъ упрощенную рыбу, носятъ дрова, воду, кору древесную, и пр. Колошъ, если для снисканія пищи не

обязанъ идти на охоту или рыбную ловлю, предпочитаетъ лежать весь день въ своемъ шалашѣ, или на пескѣ на берегу моря, или сидѣть на корточкахъ сложивъ руки и завернувшись въ одѣяло. Невысокій каменный утесъ, подходящій въ одномъ мѣстѣ къ рубежу крѣпости, со стороны Колошенскаго селенія, примѣчателенъ тѣмъ, что на немъ во всякое время видно нѣсколько подобныхъ зѣвакъ. Случается видѣть одну и ту же фигуру по нѣскольку часовъ сряду сидящую въ описанномъ положеніи, почти неподвижно, зѣвающую! на прохожихъ.

Для ѣды положенныхъ часовъ они не имѣютъ; всякій ѣстъ когда вздумаетъ, обыкновенно же три раза въ день: вставши рано по утру, въ полдень и въ вечеру.

Одна отличительная черта характера Колошъ есть тщеславіе. Показать Колошу презрѣніе, значитъ сдѣлать его себѣ врагомъ; напротивъ нѣкоторое вниманіе, маленькія угожденія его самолюбію, суть вѣрнѣйшія средства снискать его дружбу. Сотня ружей не могла бы порадовать ихъ столько, какъ подаренные таіонамъ Русскіе мундиры. Они въ нихъ важничаютъ самымъ комическимъ образомъ (*); при торжественныхъ случаяхъ облакаются однакоже въ національное свое одѣяніе, изъ выдѣланныхъ оленьихъ кожъ (ровдугъ) которое и красивѣе и къ лицу ихъ болѣе идетъ, нежели куцые наши мундиры. Въ такомъ нарядѣ явились они, на примѣръ, на праздникъ, который я имъ

(*) По прибытіи Сенявина въ Ситху, замѣтя на насъ однобортные мундиры, потребовали они, чтобы всѣ прежде имъ данные были также передѣлашы, дабы ни въ чемъ отъ насъ не отстать.

далъ на Сенявинъ, предъ отправленіемъ нашимъ въ море. Таіоны съ ихъ женами были приглашены въ каюту, остальные угащиваемы на верху, что съ помощію толмача предварительно уже было устроено такъ, чтобы не оскорбить ни чьего самолюбія. Грогъ и каша изъ сорочинскаго пшена съ патакою составляли обыкновенное угощеніе. Двумъ или тремъ главнымъ даны были тарелки въ предположеніи, что другіе довольнѣе будутъ расположиться вмѣстѣ около миски; но сіи едва этимъ не обидѣлись и ни одинъ не принимался за лакомство, какого выше они не знаютъ, покуда не были розданы всѣмъ полные приборы. Послѣ сего бесѣдовали мы объ обоюдной пользѣ сохранять взаимное дружество, и т. п. Жены ихъ одарены были пронизками, ленточками, зеркальцами, такъ же съ соблюденіемъ строгаго этикета. Шумная и дикая пляска заключила праздникъ, и всѣ отправились домой весьма довольные; а въ слѣдующій день таіоны прислали ко мнѣ депутацію съ благодарностію за такое угощеніе, какого они еще не видывали.

Угождая такимъ образомъ ребяческой ихъ суетности, между тѣмъ соблюдая съ своей стороны осторожность и дисциплину, мы во все наше пребываніе въ Ситхѣ оставались съ Колошами друзьями, ходили между ими по одиночкѣ безъ всякой опасности, и не имѣли ни одной непріятности. Однажды только была украдена одна вещь съ берегу, которая въ тотъ же день съ помощію таіоновъ и нѣсколькихъ папушъ табаку была возвращена.

Колоши пристрастны къ торговлѣ и расчетисты; но между тѣмъ съ ребяческою жадностію бросаются

на рѣдкую для нихъ вещь и платятъ за нее все что потребуютъ; наскучивъ же ею бросаютъ, или отдаютъ за безцѣнокъ. Они имѣютъ много Европейскаго платья, которое однакожь рѣдко носятъ, являясь всегда въ плащъ или накидкѣ изъ шерстянаго одѣяла, зимою же изъ звѣриныхъ шкуръ. Мѣсто ходячей монеты заступаютъ у нихъ *ровдуги*: за невольника платится 15 и 20 ровдугъ; за бобра 5 и 6; за хорошую лодку 10 и 15.

Многіе изъ нихъ пристрастные игроки въ *палочки* - игру, распространенную по всему Сѣверо - Западнему берегу Америки, даже до новаго Альбіона, и многими описанную; они проигрываютъ въ нее иногда все свое платье, мѣха, ружья, невольниковъ и даже бывали примѣры, что проигрывали женъ.

Колоши судятъ основательно о вещахъ не выходящихъ изъ круга ихъ понятій; они показываютъ не мало расположенія сблизиться съ нашими обычаями и понятіями. Если до сихъ поръ успѣхи ихъ въ этомъ не велики, то должно припомнить, давно ли мы съ ними въ сношеніяхъ дружескихъ; вражда столько лѣтъ продолжавшаяся не могла захотить ихъ къ принятію обычаевъ нашихъ. Разведеніе картофеля и другихъ огородныхъ овощей, весьма уже распространившееся между племенами южнѣе обитающими, начинается распространяться и здѣсь. Многіе Колоши начинаютъ разумѣть и говорить по Русски. Одинъ молодой Колошъ, весьма пріятной наружности, умный и свободно объяснявшійся по Русски, усердно просился со мною въ Россію; но я долженъ былъ отказать ему, опасаясь, чтобы нетерпѣніе и непостоянство, дикимъ свойственныя, не заставили его

соскучиться и раскаяться въ своемъ намѣреніи, ибо путешествіе наше должно было продолжиться еще болѣе двухъ лѣтъ. Я сожалѣлъ объ этомъ, увѣренъ будучи, что подобные путешественники, способствуя образованію своихъ соотчичей, скорѣе всего положили бы постоянное и прочное основаніе къ сближенію ихъ съ Русскими. Я упоминалъ уже о добровольномъ принятіи Христіанства сосѣднимъ Таіономъ *Наушкетомъ*. Остается ожидать отъ времени плодовъ сего перваго насажденія вѣры; но о сю пору кажется, что оно произвело сильное впечатлѣніе даже и на отдаленныя племена, изъ коихъ многія чрезъ посольства изъявляли сколь они этимъ довольны. Таіоны ближайшихъ проливовъ сверхъ того приглашаютъ теперь Русскихъ поселиться въ ихъ мѣстахъ, и т. п.; и Главный Правитель полагаетъ, что недовѣря имъ впрочемъ вполне, можно однакоже при теперешнемъ расположеніи Колошъ занять многіе пункты въ проливахъ. Умный, благонравный и осторожный Священникъ, такой, на прим., какого мы встрѣтили въ Уналашкѣ въ лицѣ О. Іоанна Веньяминова, могъ бы сдѣлать здѣсь много добра (*).

Колоши вообще роста средняго и ниже; сложены довольно хорошо; выраженіе ихъ правильныхъ лицъ важно, мрачно и даже сурово, но ни мало не непріятно; глубоко сидящіе глаза полны огня. Черные, грубые волосы отращиваются длинно, и сбитые сза-

(*) По представленію Главнаго Правителя достойный Пастырь сей переведенъ въ Ситху. Можно поздравить съ этимъ и обитателей Ново-Архангельска, и сосѣднихъ жителей, и компанію, и самого отца Іоанна.

ди, составляют иногда назатыльникъ, по которому дождь стекаетъ какъ съ капишона. Весьма удачные портреты Г-на Постельса дадутъ о физіогноміи ихъ лучшее понятіе, нежели всякое описаніе. Женщины ихъ гораздо менѣе мужчинъ красивы, но были бы совсѣмъ не отвратительны, еслибъ не обезображивали себя неоднократно описанными уже деревянными вставками въ губы — самый нелѣпый обычай изъ всѣхъ, къ которымъ деспотка мода когда либо принуждала людей. Но и сей обычай становится менѣе прежняго обыкновеннымъ, и нынѣ Колошенка и безъ двухвершковой колодки не теряетъ надежды понравиться и составить хорошую партію.

Молодые люди не ранѣе начинаютъ здѣсь думать о женитьбѣ, какъ когда уже въ состояніи отправлять обычныя работы и владѣть оружіемъ (*). Невѣста избирается почти всегда изъ другаго рода; не было примѣра чтобы кто нибудь женился на ближней родственницѣ, или даже племянницѣ; но двѣ родныя сестры могутъ быть женами одного мужа. Получа согласіе родителей своихъ, искатель засылаетъ сватовъ въ семейство избранной съ предложеніемъ и для постановленія условій, и ежели невѣста и отецъ ея согласны, то идетъ самъ съ подарками къ родителямъ и ближнимъ родственникамъ невѣсты, и получаетъ ее изъ рукъ ихъ. Чрезъ нѣкоторое время по свадьбѣ пріѣзжаетъ къ нимъ съ женою, для полученія отдарковъ, кои должны быть богаче первыхъ. Оныя состоятъ изъ звѣриныхъ шкуръ, Европейскихъ вещей,

(*) Въ нѣкоторыхъ родахъ есть обыкновеніе соединять бракомъ невозмужалыхъ еще дѣтей.

оружія и часто изъ невольниковъ, такъ что и здѣсь, какъ у насъ, невѣста часто цѣнится по приданому. Условія свадебныя не ограничиваются симъ послѣднимъ предметомъ, но часто заключаютъ въ себѣ и другіе; такъ на прим. одна невѣста требовала отъ извѣстнаго уже намъ Таіона *Наушкета*, чтобы онъ отослалъ первую свою жену, на что тотъ, любя ее, не соглашался, и партія не состоялась.

Свадьба играется безъ посредства Шамановъ и безъ всякихъ жертвоприношеній.

Именитые и богатые Колоши имѣютъ до пяти женъ, а иногда и болѣе. Симъ средствомъ стараются они распространить свои связи и богатство, и слѣдственно силу и знаменитость. Жены не допускаются ни къ какимъ совѣщаніямъ политическимъ; всѣ планы, всѣ распоряженія сего рода тщательно отъ нихъ скрываются; напротивъ того все относящееся до хозяйства, празднествъ, торговли, и т. п. есть уже собственно ихъ дѣло, въ которомъ мужья слѣдуютъ ихъ волѣ. Ревность между женами - соперницами бываетъ часто причиною браней и дракъ, которыя доходятъ иногда до ножей и кинжаловъ. Невѣрность жены, если обличится, наказывается обыкновенно на мѣсть преступленія смертію, которая постигаетъ и обольстителя. Родственники послѣдняго не мстятъ за это, какъ за другое убійство, но довольствуются подарками отъ оскорбленнаго мужа. Если обольститель былъ родственникъ, то не всегда убивается, но принужденъ бываетъ взять къ себѣ обольщенную жену и содержать прилично, — если только мужъ въ пылу гнѣва, забывъ родство, не убьетъ обоихъ, что такъже случается. Есть снисходительные мужья,

кои смотрять сквозь пальцы, если старшая жена возметъ въ домъ молодаго человѣка для вспомошествованія въ работахъ, который обыкновенно считается принадлежащимъ къ семейству.

По смерти дяди племянникъ беретъ къ себѣ старшую его жену; никакое неравенство лѣтъ не избавляетъ его отъ исполненія сего неизбѣжнаго долга.

Послѣ рожденія младенца, мать цѣлый мѣсяцъ лежитъ, не выходя изъ хижины. По прошествіи сего времени вымываетъ себя и ребенка, облекается въ новое платье, и съ нѣкоторымъ торжествомъ, на которое сзываются родственники и пируютъ, дается новорожденному имя, обыкновенно въ память какого нибудь родственника матери. Колошенки имѣютъ нерѣдко шесть, даже восемь, но никогда болѣе десяти дѣтей. Ребенокъ остается у груди обыкновенно до тѣхъ поръ, пока начнетъ ходить и получить зубы. Между тѣмъ его приучаютъ заранѣе къ рыбной пищѣ, кладя въ ротъ истертую и размоченную юколу. Когда же станетъ говорить, то купаютъ его всякое утро въ холодной рѣчной или морской водѣ, что, какъ выше упомянуто, совершается однимъ изъ ближайшихъ родственниковъ.

Нѣкоторыя искусства доведены между Колошами до значительной степени совершенства. Главнѣйшее есть построеніе лодокъ, или какъ здѣсь называютъ *батовъ* (выраженіе Сибирское), изъ коихъ самыя большіе вмѣщаютъ отъ 40 до 60 человѣкъ. Онѣ долбятъ изъ одного дерева, но имѣютъ къ верху надѣлки; приводятъ въ движеніе гребками съ обѣихъ сторонъ, и столь легки на ходу, что никакое гребное судно съ ними сравниться не можетъ. Всякому большему бату да-

ется имя, на прим.: Солнце, Луна, Звѣзды, Земля, Островъ, Шаманъ, Китъ, Бобръ, Орель, Воронъ, и пр., и соотвѣтствующія имени фигуры вырѣзываются на носу и на кормѣ. Сія послѣдняя работа исполняется особенными художниками, между коими есть большіе искусники. За лодочную статуйку платится иногда по невольнику. Сверхъ того вырѣзываютъ они маски военныя и простыя, для игрищъ, такъ же курительныя трубки изъ дерева или аспида. Изъ мѣди или рогу дѣлаютъ кольца, надѣваемые на сгибъ руки; роговыя ложки и деревянную посуду украшаемую раковинами и костями. Нынѣ научились даже починивать ружья. Обоюду - острые кинжалы ихъ, украшаемые блестящими раковинками, чистотою отдѣлки приводятъ въ удивленіе.

Женщины весьма искусно плетутъ изъ козьяго пуху ковры (*), изъ кореньевъ корзины разноцвѣтныя, работальныя корзиночки съ карманами и шляпы на подобіе Европейскихъ, кои весьма легки, прочны и съ выгодною сбываются въ Калифорніи.

Заготовленіе пищи начинается у Колошъ въ Февраль, съ началомъ хода сельдей. Самую рыбу они въ прокъ не запасаютъ, потому что она скоро портится и горчитъ, но заготавливаютъ ея икру. Въ то время когда сельдь мечетъ икру, Колоши опускаютъ съ камнемъ на дно, близъ берега, связки древеснаго хвоя, кои въ короткое время облипаются икрою. Высуша ея на

(*) Жители пролива Жуанъ де Фука ткутъ ковры или одѣяла изъ шерсти бѣлыхъ собакъ, нарочно на сей предметъ разводимыхъ. (Scouler).

солнцѣ околачиваютъ со связокъ и сберегаютъ. Изъ морской рыбы, которой ходъ начинается въ Іюль, запасаютъ преимущественно горбушу; отдѣливъ отъ кости, мясо вялятъ на воздухѣ, или коптятъ. Ее стараются заготовить на весь годъ, до новой рыбы. Палтусы ловятся круглый годъ, и служатъ подспорьемъ сухаго корма. Кромѣ рыбы запасаютъ *шикишу*, которую ѣдятъ столокши съ сельдевой икрой. Заготавливаются также разнаго рода питательные коренья, ѣдятъ, когда случится добыть, мясо нерпъ, дельфиновъ, сивучей, китовъ; а жиръ китовый пьютъ ковшами: это лакомство, занимающее у нихъ мѣсто Шампанскаго, за нашими обѣдами. Изъ четвероногихъ ѣдятъ оленей и барановъ, но не медвѣдей; птицъ всѣхъ родовъ, исключая ворона, какъ извѣстно обожаемаго ими.

Колоши Ситхинскіе никогда не питались человѣческимъ мясомъ, не такъ какъ Нуткинскіе ихъ единоплеменники, состоящіе въ большемъ подозрѣніи людоедства; но слышали о народѣ, живущемъ въ горахъ, къ сѣверу, отличномъ отъ нихъ какъ языкомъ такъ и образомъ жизни, у котораго будто бы есть сей возмутительный обычай. Колоши называютъ народъ сей *Конланъ*; онъ прежде употреблялъ луки и стрѣлы съ каменными остреями, но теперь получаетъ отъ сосѣдственныхъ Колошъ ружья и порохъ, въ промѣнъ за лисьи и собольи шкурки и самородную мѣдь. Говорятъ что *Конланы* имѣютъ сношеніе, чрезъ горы съ обитателями рѣки Мѣдной и Чугацкой губы.

Колоши большіе охотники пировать, это значить неумѣренно обѣдаться и послѣ плясать. Въ предлогахъ къ тому недостатка не бываетъ: новые

союзы, новыя знакомства, миръ и война, всякое примѣчательное событіе, поминки по покойнымъ родственникамъ и друзьямъ — все бываетъ поводомъ къ симъ такъ называемымъ *игрушкамъ*. Игрушки бываютъ двухъ родовъ: *домашнія*, случаются ежегодно по нѣскольку разъ, между ближайшими только сосѣдями, и *общественныя*, на кои сзываются знакомые и имянитыя особы изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ.

Первыя бываютъ осенью, когда запасается пища на зиму. Таюнъ, старшій въ родѣ, угощаетъ у себя сосѣдей нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ ѣдятъ и пляшутъ непрерывно, чередуясь между собою; наконецъ хозяинъ одаряетъ гостей звѣриными шкурами, ровдугами, одѣялами, и проч.; и вмѣстѣ со всею компаніею переходитъ къ другому, потомъ третьему и такъ далѣе, при чемъ съ большою тонкостію умѣютъ соразмѣрять количество и качество подарковъ, чтобы перевѣсъ ни въ чью пользу не былъ слишкомъ великъ.

Общественныя игрушки даются уже не семействами, но цѣлыми колѣнами; на нихъ приглашенные изъ дальнихъ мѣстъ живутъ болѣе мѣсяца. Въ селеніи, гдѣ игрушка дается, каждая юрта отличается рѣзнымъ болваномъ, изображающимъ какого либо звѣря, птицу, или иной какой нибудь предметъ, и во все продолженіе праздника юрта называется уже не по хозяину, но по вывѣски на ней. Отбѣсившись подъ знакомъ орла идутъ подъ знакъ ворона, медвѣдя, солнца, луны, и такъ далѣе. Пріѣзжіе гости одариваются вездѣ соразмѣрно достоинству каждаго и болѣе или менѣе вѣрной надеждѣ получить отъ него со временемъ равный подарокъ.

На сихъ то, кажется я, общественныхъ игрушкахъ, приносятся иногда въ жертву невольники, какъ упомянуто было выше.

Дикая пляска Колошъ, пачканье для нее лицъ, гремушки, бубны, и пр. неоднократно были описываемы прежними путешественниками, и къ сказанному ими прибавить нечего.

Образъ воспитанія дѣтей у Колошъ, о которомъ мы говорили выше, дѣлаетъ что они крѣпкаго сложенія; выдержавшій его, въ послѣдствіи рѣдко уже бываетъ боленъ. Глазныя болѣзни отъ дыма въ юртахъ, головныя и желудочныя отъ неумѣренной пищи суть обыкновеннѣйшія между ими, но болѣзни важныя рѣдко не кончаются смертію. Около 1770 года, по расчетамъ стариковъ, берегъ сей опустошенъ былъ оспою, оставившею въ каждой семьѣ не болѣе одного или двухъ человѣкъ. Колоши думали тогда, что болѣзнь сію наслалъ на нихъ *воронъ*, въ наказаніе за войны, которыя они тогда безпрестанно между собою вели. Болѣзни лѣчатся старухами, посредствомъ разныхъ травъ и кореньевъ; но Колоши къ сему способу лѣченія не имѣютъ большой вѣры. Немногіе изъ Шамановъ занимаются такъ же прямымъ лѣченіемъ болѣзней, и по сему уважаются; но обыкновенное ихъ дѣло въ семъ случаѣ ворожбою предсказать, выздоровѣетъ ли больной или нѣтъ, и опредѣлить причину болѣзни; не отъ порчи ли, заговора или отравы оная произошла? и виновникъ, на котораго укажутъ, бываетъ родственниками больного жестоко избить, и часто убиваемъ. Можно вообразить какое это сильное средство въ рукахъ хитраго обманщика, къ удовлетворенію ненависти или корысти!

THE
HISTORICAL
RECORD

OF THE
CITY OF
NEW YORK

FROM
1790
TO
1890

NAME		RESIDENCE		DATE		REMARKS	
J. B. JONES		123 4th St.		1790		First record	
J. B. JONES		123 4th St.		1800		Second record	
J. B. JONES		123 4th St.		1810		Third record	
J. B. JONES		123 4th St.		1820		Fourth record	
J. B. JONES		123 4th St.		1830		Fifth record	
J. B. JONES		123 4th St.		1840		Sixth record	
J. B. JONES		123 4th St.		1850		Seventh record	
J. B. JONES		123 4th St.		1860		Eighth record	
J. B. JONES		123 4th St.		1870		Ninth record	
J. B. JONES		123 4th St.		1880		Tenth record	
J. B. JONES		123 4th St.		1890		Eleventh record	
J. B. JONES		123 4th St.		1900		Twelfth record	
J. B. JONES		123 4th St.		1910		Thirteenth record	
J. B. JONES		123 4th St.		1920		Fourteenth record	
J. B. JONES		123 4th St.		1930		Fifteenth record	
J. B. JONES		123 4th St.		1940		Sixteenth record	
J. B. JONES		123 4th St.		1950		Seventeenth record	
J. B. JONES		123 4th St.		1960		Eighteenth record	
J. B. JONES		123 4th St.		1970		Nineteenth record	
J. B. JONES		123 4th St.		1980		Twentieth record	
J. B. JONES		123 4th St.		1990		Twenty-first record	
J. B. JONES		123 4th St.		2000		Twenty-second record	
J. B. JONES		123 4th St.		2010		Twenty-third record	
J. B. JONES		123 4th St.		2020		Twenty-fourth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2030		Twenty-fifth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2040		Twenty-sixth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2050		Twenty-seventh record	
J. B. JONES		123 4th St.		2060		Twenty-eighth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2070		Twenty-ninth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2080		Thirtieth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2090		Thirty-first record	
J. B. JONES		123 4th St.		2100		Thirty-second record	
J. B. JONES		123 4th St.		2110		Thirty-third record	
J. B. JONES		123 4th St.		2120		Thirty-fourth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2130		Thirty-fifth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2140		Thirty-sixth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2150		Thirty-seventh record	
J. B. JONES		123 4th St.		2160		Thirty-eighth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2170		Thirty-ninth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2180		Fortieth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2190		Forty-first record	
J. B. JONES		123 4th St.		2200		Forty-second record	
J. B. JONES		123 4th St.		2210		Forty-third record	
J. B. JONES		123 4th St.		2220		Forty-fourth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2230		Forty-fifth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2240		Forty-sixth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2250		Forty-seventh record	
J. B. JONES		123 4th St.		2260		Forty-eighth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2270		Forty-ninth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2280		Fiftieth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2290		Fifty-first record	
J. B. JONES		123 4th St.		2300		Fifty-second record	
J. B. JONES		123 4th St.		2310		Fifty-third record	
J. B. JONES		123 4th St.		2320		Fifty-fourth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2330		Fifty-fifth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2340		Fifty-sixth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2350		Fifty-seventh record	
J. B. JONES		123 4th St.		2360		Fifty-eighth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2370		Fifty-ninth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2380		Sixtieth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2390		Sixty-first record	
J. B. JONES		123 4th St.		2400		Sixty-second record	
J. B. JONES		123 4th St.		2410		Sixty-third record	
J. B. JONES		123 4th St.		2420		Sixty-fourth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2430		Sixty-fifth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2440		Sixty-sixth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2450		Sixty-seventh record	
J. B. JONES		123 4th St.		2460		Sixty-eighth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2470		Sixty-ninth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2480		Seventieth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2490		Seventy-first record	
J. B. JONES		123 4th St.		2500		Seventy-second record	
J. B. JONES		123 4th St.		2510		Seventy-third record	
J. B. JONES		123 4th St.		2520		Seventy-fourth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2530		Seventy-fifth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2540		Seventy-sixth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2550		Seventy-seventh record	
J. B. JONES		123 4th St.		2560		Seventy-eighth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2570		Seventy-ninth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2580		Eightieth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2590		Eighty-first record	
J. B. JONES		123 4th St.		2600		Eighty-second record	
J. B. JONES		123 4th St.		2610		Eighty-third record	
J. B. JONES		123 4th St.		2620		Eighty-fourth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2630		Eighty-fifth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2640		Eighty-sixth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2650		Eighty-seventh record	
J. B. JONES		123 4th St.		2660		Eighty-eighth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2670		Eighty-ninth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2680		Ninetieth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2690		Ninety-first record	
J. B. JONES		123 4th St.		2700		Ninety-second record	
J. B. JONES		123 4th St.		2710		Ninety-third record	
J. B. JONES		123 4th St.		2720		Ninety-fourth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2730		Ninety-fifth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2740		Ninety-sixth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2750		Ninety-seventh record	
J. B. JONES		123 4th St.		2760		Ninety-eighth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2770		Ninety-ninth record	
J. B. JONES		123 4th St.		2780		One hundred record	
J. B. JONES		123 4th St.		2790		One hundred and first record	
J. B. JONES		123 4th St.		2800		One hundred and second record	
J. B. JONES		123 4th St.		2810		One hundred and third record	

Тѣло умершаго сжигается; но сначала кладется въ гробъ и въ сопровожденіи всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ несется на определенное для сего обряда мѣсто (*). Громкій плачь и крикъ изъясляютъ печаль остающихся; родственники сверхъ того обрѣзываютъ себѣ волосы и чернятъ лице сажею. Трауръ сей продолжаютъ они носить цѣлый годъ. На похоронахъ знатныхъ Таіоновъ убиваемы были прежде невольники, но Колоши увѣряютъ, что обычай сей теперь совсѣмъ вывелся.

(*) Обычай сожигать мертвыя тѣла встрѣчается не у всѣхъ племенъ Сѣверо-Западной Америки. Южнѣйшіе кладутъ ихъ на особыхъ возвышенныхъ мѣстахъ въ лодки, вмѣстѣ съ оружіемъ, домашнею утварью и проч.

Къ сей страницѣ принадлежитъ извлеченіе изъ метеорологическаго журнала веденнаго въ Ново-Архангельскѣ.

ГЛАВА VI.

Плаваніе отъ Ситхи до Уналашки. — Пребываніе на семъ островѣ, съ замѣчаніями объ ономъ. — Плаваніе мимо острововъ Прибылова, Св. Матвѣя и Беринга, въ Камчатку. — Пребываніе въ Петропавловской гавани.

По выходѣ изъ Ситхинскаго залива направили мы путь къ острову Уналашкѣ, куда намъ необходимо было зайти для взятія байдарки съ двумя Алеутами (*). Пользуясь этимъ, Главный Правитель отправилъ съ нами на Уналашку нѣкоторое количество пшеницы.

Переходъ сей былъ весьма неудаченъ. Сначала тихіе вѣтры съ противною зыбью, а потомъ весьма

(*) При описяхъ береговъ, гдѣ часто случается приставать къ берегу въ бурунахъ, переѣзжать чрезъ мелкія мѣста, и т. п. никакое судно не можетъ сравниться въ удобствахъ съ Алеутскою байдаркою. Она безопасна, и притомъ легка такъ, что два человека безъ труда ее поднимаютъ, ходитъ весьма скоро, удобно починивается. Байдарка служила намъ всегда при большихъ гребныхъ судахъ въ видѣ Коннаго ординарца.

сѣжіе западные, продолжались двѣ недѣли и заставили насъ зайти въ широту $48\frac{1}{2}^{\circ}$. Тутъ имѣли мы нѣсколько дней благополучный вѣтръ, потомъ опять тишины, наконецъ 7 Августа настала SO вѣтръ, но сопровождаемый, какъ обыкновенно, мрачною и сырою погодою. Я правилъ на островъ *Акунъ* такъ, чтобы имѣть возможность пресѣчь Алеутскую граду тѣмъ проливомъ, которымъ смотря по вѣтру и обстоятельствамъ будетъ выгоднѣе. Всѣ здѣшнія суда ходятъ обыкновенно *Унимакскимъ* проливомъ, безопаснѣйшимъ всѣхъ прочихъ; но дорожа каждою минутою времени рѣшился я избрать *Уналаешскій*, узкій и усѣянный опасностями, но лежащій вплотъ къ берегу Уналашки, и тѣмъ значительно сокращавшій намъ путь. Ввечеру 8-го находясь отъ Сѣверной оконечности Уналашки миляхъ въ 20-ти къ Востоку, легли мы въ дрейфъ съ тѣмъ, чтобы на разсвѣтъ спуститься въ проливъ. Но въ полночь все перемѣнилось: вѣтръ сдѣлался отъ OSO весьма крѣпкій, сопровождаемый дождемъ и густою мрачностью, и столь стремительнымъ паденіемъ барометра, что надлежало навѣрное ожидать бури, которая привела бы насъ въ непріятное положеніе, потому что съ плохими качествами нашего судна не было бы возможности миновать ни Уналашки съ одной стороны, ни съ другой цѣпи весьма опасныхъ острововъ, кончающейся островомъ *Тигалдою*. Утро застало насъ въ положеніи неотрадномъ: крѣпкій вѣтръ прямо въ уголь образуемый островами, густой туманъ съ дождемъ и стремительно падающій барометръ. Должно было на что нибудь рѣшиться: идти въ такихъ обстоятельствахъ, не имѣвъ при томъ нѣсколько уже дней надежныхъ

наблюдений, въ опасный проливъ, было предпріятіе почти отчаянное; но еслибъ, держась въ моръ, были мы застигнуты штормомъ и принесены къ берегу ночью, тогда гибель наша была бы неизбежна; и такъ избирая изъ двухъ золъ меньшее — рѣшился я спуститься. Окруженные непроницаемымъ мракомъ неслись мы быстро къ берегу, котораго близость возвѣщало намъ множество морскихъ и даже береговыхъ птицъ. Офицеры и матросы были всѣ на своихъ мѣстахъ, готовые въ одно мгновение дѣйствовать какъ потребуютъ обстоятельства. Вскорѣ послѣ полдня проглянулъ на одну минуту сквозь туманъ маленький островокъ *Яичный*, въ самомъ устьѣ пролива лежащій, на N миляхъ въ полуторахъ. Осмотрясь такимъ образомъ, могли мы уже кое какъ, ощупью, попасть въ проливъ. Вскорѣ обозначились сквозь туманъ со всѣхъ сторонъ буруны; глубина оказалась 27 сажень, грунтъ иль, и мы поспѣшили бросить якорь, соверша благополучно предпріятіе, котораго всю опасность одни только мореходцы постигнуть могутъ.

Въ шесть лѣтъ, съ того времени протекшихъ, часто разсуждалъ я объ этомъ днѣ, и всякій разъ вновь себя упрекалъ за опасность, которой подвергалъ судно и экипажъ мнѣ ввѣренныя. Крайности сходятся во всѣхъ обстоятельствахъ жизни человѣческой. Неумѣстная осторожность вводитъ насъ часто въ безразсудную рѣшительность; и напротивъ того бываетъ иногда нужна великая смѣлость, чтобы рѣшиться быть осторожнымъ. Опасаясь быть брошеннымъ на берегъ *ожидаемою* бурей, искалъ я отклонить опасность такимъ предпріятіемъ, которое въ 9-ти случаяхъ изъ 10-ти должно быть неудачно и слѣдственно

гибельно; — а между тѣмъ бури и не бывало: стремительное паденіе барометра было только слѣдствіемъ юговосточнаго вѣтра и наносимой имъ на берега великой сырости.

Вскорѣ по положеніи нами якоря мрачность стало мѣстами разносить, и мы хорошо осмотрѣли острова Спиркинъ, Уналгу, и два острые утеса, славные чудеснымъ избавленіемъ Кука. Мы были довольны своимъ положеніемъ во ожиданіи лучшаго времени, между тѣмъ какъ новые хлопоты готовы были уже на насъ обрушиться. Ввечеру при наступленіи отлива жестокимъ нижнимъ теченіемъ сдернуло якорь на глубину 70 сажень и судно понесло на островъ Уналгу. Съ трудомъ могли мы спасти якорь, и поздно уже ночью, нашедъ подъ Уналашкинскимъ берегомъ глубину 37 сажень, остановились.

На разсвѣтъ 10-го увидѣли себя противу губы Бобровой. Мы спѣшили воспользоваться свѣжимъ восточнымъ вѣтромъ и снялись съ якоря въ то самое время когда въ Уналгинскомъ проливѣ поднимался сулой, сопровождающій здѣсь обыкновенно отливъ идущій отъ NW. Сулой достигъ до насъ когда мы наполняли паруса и хотя судно сей часъ взяло $5\frac{1}{2}$ узловъ ходу, но по пеленгамъ мы подавались назадъ по $\frac{1}{2}$ и по 1 милѣ въ часъ, такъ что противное намъ теченіе было по крайней мѣрѣ $6\frac{1}{2}$ узловъ. Часа три бились мы такимъ образомъ противу жестокаго волненія, прежде нежели стали сколько нибудь подаваться впередъ. Около 8 часовъ увидѣли байдару шедшую поперекъ Бобровой губы къ W и для призыва ее легли въ дрейфъ и выпалили изъ двухъ пушекъ. Это была компанейская байдара изъ селенія *Седаны*, что на островъ Спиркинъ,

шедшая въ Капитанскую гавань. Переговоръ съ байдарою доставилъ намъ случай узнать, что теченіе и сулой всю силу имѣютъ только по самой срединѣ пролива, ибо подавшись нѣсколько въ Бобровую губу мы вошли почти въ тихую воду, а удаясь изъ нее попали опять въ струю. По выходѣ изъ сулая вѣтръ по видимому стихалъ, а по входѣ въ струю свѣжѣлъ по прежнему. Сулой и теченіе укротились около 9 часовъ и мы пошли въ путь довольно успѣшно, въ 10 ч. миновали губу *Самеануду*, (извѣстную по двукратному пребыванію въ ней Кука), которой берега, прекрасною свѣжей зеленью покрытые, представляютъ весьма пріятный видъ, уразноображенный еще многими стремящимися съ утесовъ водопадами. Съ самой Бразиліи не видѣли мы картины столь смѣющейся. Ни позженные палящимъ солнцемъ горы Чили, ни угрюмые, хотя и великолѣпные лѣса Ситхинскіе не представляютъ ничего подобнаго.

Со свѣжимъ восточнымъ вѣтромъ скоро достигли мы восточнаго предмѣстія Капитанской гавани, гдѣ заштилѣвъ подъ высокимъ берегомъ взяты были на буксиръ двумя 16-тивесельными байдарками, высланными изъ селенія Илюлюкъ, кой прибуксировали шлюпъ къ острову *Амахнаку*, гдѣ шкваль отъ С заставилъ насъ положить якорь. Селеніе Илюлюкъ привѣтствовало насъ 7-ю пушечными выстрѣлами, а вскорѣ явился и Правитель онаго *Петровскій*, по Русскому обычаю съ хлѣбомъ - солью отъ своей супруги, и съ приглашеніемъ посѣтить ихъ домъ.

Мы не полагали много пользоваться гостепріимствомъ Г. Петровскаго: всѣ дѣла наши были кончены на другой день, пшеница свезена, байдарка съ Але-

утами доставлена на шлюпъ, произведены астрономическія и магнитныя наблюденія и я намѣревался немедленно оставить островъ Уналашку; но вмѣсто того свѣжій сѣверо-западный вѣтръ, поднявшій большое волненіе съ моря, заставилъ насъ уйти далѣе въ губу, гдѣ послѣ того безвѣтрія и противные вѣтры продержали насъ цѣлую недѣлю. Мы всякій почти день пытались выйти въ море, и всегда безъ успѣха; такъ что посѣщеніе Уналашки вмѣсто одного дня, какъ мы надѣялись, стоило намъ десяти — великая потеря въ нашемъ положеніи, когда уже съ каждою минутой должно было ожидать наступленія осени, но потеря, которой мы не имѣли никакой возможности отвратить. Не прежде 19-го Августа удалось намъ выйти опять въ море.

Правитель Г. *Петровскій* и Священникъ Уналашкинскаго отдѣла Отецъ Іоаннъ *Венъяминовъ* старались по возможности усладить намъ скуку принужденнаго пребыванія на островъ Уналашкѣ; и еслибъ что нибудь могло утѣшить насъ въ нашей неудачѣ, то это конечно бесѣда послѣдняго.

Отецъ *Іоаннъ* воспитывался въ Иркутской Семинаріи, и въ цвѣтущихъ еще лѣтахъ прибывъ сюда, предавался со всѣмъ усердіемъ молодости занятіямъ, не только съ обязанностію Пастыря соединеннымъ, но и къ пользѣ естественныхъ наукъ служащимъ. Онъ въ короткое время узналъ Алеутскій языкъ столько, что могъ на оный перевести катехизисъ (*), и какъ симъ, такъ и кроткимъ и разумнымъ обращеніемъ снискалъ довѣрен-

(*) Переводъ сей напечатанъ въ нынѣшнемъ году въ С. П. бургѣ. Къ нему приложены весьма любопытныя замѣчанія о языкѣ Алеутовъ вообще.

ность островитянъ въ такой степени, что въ ежегодныя посѣщенія отдаленныхъ мѣстъ Уналашкинскаго отдѣла всегда находятъ готовыхъ обратиться къ вѣрѣ, между тѣмъ какъ прежнія его духовныя дѣти начинаютъ дѣлаться Христіанами не по одному имени. Свободное отъ Пастырскихъ обязанностей время посвящаетъ онъ наблюденію природы, работая большею частію самъ нужные для того инструменты. Отъ его трудолюбія можемъ мы ожидать со временемъ основательныхъ свѣдѣній объ Алеутскихъ островахъ и ихъ жителяхъ.

Селеніе *Иллюлюкъ* есть главное мѣсто Уналашкинскаго отдѣла. Въ немъ живутъ 12 человекъ Русскихъ, и до 70 человекъ Алеутовъ обоего пола; для помѣщенія Конторы, Правителя оной, Священника, школы, больницы, и пр. выстроены шесть домовъ; остальные жилища суть юрты деревянные же, осыпанные снаружи землею. Но въ сихъ *юртахъ*, снабженныхъ впрочемъ окнами и трубами, находили мы къ удивленію чистоту, которая сдѣлала бы честь многимъ *домамъ*, и не на Уналашкѣ.

Незадолго до нашего прибытія отстроена и освящена порядочная церковь, изъ доставленнаго изъ Ситхи еловаго лѣса.

Уналашка терпитъ совершенный недостатокъ въ лѣсѣ, который по возможности замѣняется выкиднымъ, собираемымъ съ большимъ трудомъ по берегамъ Акуна, Саннаха и Уналашки. Между выкидываемыми, иногда цѣлыми деревьями, встрѣчаются кипарисныя, камфорныя и одно издающее розовый запахъ. Замѣчено, что выкидной, слѣдственно проникнутый до нѣкоторой степени морскою водою лѣсѣ, даже Ситхинскій, несрав-

ненно прочнѣе свѣжаго, доставляемаго изъ Ситхи. По приказанію Камергера Резанова, который между многими несбыточными прожеками имѣлъ и весьма здравыя, къ истинной пользѣ сего края клонившіяся предположенія, посаженъ на одномъ островкѣ близъ Уналашки еловый лѣсъ, растущій хорошо. Полагаютъ что березовый или ольховый былъ бы полезнѣе хвойнаго. Жаль, что на разведеніе лѣса на самомъ островѣ Уналашкѣ не было доселѣ обращено вниманія. Ни земля, ни климатъ тому не препятствуютъ; и совершенный недостатокъ лѣсовъ объясняется достаточно истребившими ихъ волканическими переворотами, коимъ вся цѣпь Алеутскихъ острововъ до сихъ поръ подвержена.

Безъ сего совершеннаго недостатка въ лѣсѣ островъ Уналашка представлялъ бы множество удобствъ и пріятностей для жизни. Онъ изобилуетъ прекрасными лугами, на коихъ домашній скотъ преуспѣваетъ весьма хорошо, и кои на зиму доставляютъ хорошее сѣно. Скотоводство заведено здѣсь издавна, и могло бы теперь уже быть значительно, еслибъ по несчастію нѣсколько лѣтъ назадъ одно судно, нуждавшееся въ провизіи, не употребило (какъ намъ сказывали) изъ 15-ти головъ 13 для себя; отъ оставленной для приплоду пары развелось онаго, къ нашему времени, опять до 30 головъ. Въ селеніи устроенъ для нихъ весьма порядочный скотный дворъ. Козы, доставленные сюда Командиромъ помянутаго судна изъ благодарности, падая на тучную траву, растущую на юртахъ, грозятъ имъ раззореніемъ. Полезно было бы завести здѣсь овецъ, и въ особенности лошадей, кои весьма облегчили бы жителей теряющихъ много времени въ исканіи по горамъ и въ переноскѣ въ гавань ольхов-

нику и другаго мелкаго кустарника, употребляемаго на дрова.

Состояніе жителей Уналашки, и вообще Лисьей гряды, какъ описываютъ оное прежніе путешественники (*), во многомъ теперь измѣнилось. Они во многихъ отношеніяхъ обрусѣли; подражаютъ Русскимъ въ ихъ образъ жизни, одѣяніи. Они всѣ Христіане, но только со времени О. Іоанна стали получать нѣкоторое понятіе объ истинномъ значеніи сего слова; хотя впрочемъ усердны къ исполненію обрядовъ вѣры, церковь посѣщаютъ прилѣжно, взошедши на судно непременно крестятся. О нелѣпости прежняго ихъ лжевѣрія издавна натолковано имъ столько, что они неохотно говорятъ о прежнемъ. О. Іоаннъ съ трудомъ узнаетъ что нибудь относительно старинныхъ ихъ обычаевъ, невзирая на всю ихъ къ нему довѣренность. Многіе стыдятся даже произносить прежнее свое имя. Они показываютъ большую склонность къ образованію себя, и многіе охотно посылаютъ дѣтей своихъ въ учрежденную попеченіемъ О. Іоанна школу, гдѣ при насъ было болѣе 20-ти мальчиковъ. Школа сія первоначально учреждена добровольными подписками, но теперь содержится на счетъ компаніи. Лисьевскіе Алеуты добры, смѣтливы и ловки; море ихъ настоящая стихія. Увидя Алеута съ кривыми ногами, согбеннаго впередъ, переваливающагося какъ утка съ боку на бокъ, — и потомъ съ необыкновенною ловкостію и проворствомъ управляющаго на большомъ волненіи однолючною байдаркой, похожей боль-

(*) Кукъ, Сарычевъ, Лангедорфъ.

ше на лыжу нежели на лодку, трудно убѣдиться, чтобы это былъ одинъ и тотъ же человекъ. Со всѣмъ тѣмъ, принимая обычаи наши, теряютъ они много прежняго своего удалства на байдаркахъ. Опрокинутъ-ся въ воду на одну сторону и вынырнуть съ другой сидя въ байдаркѣ; подгрести въ сильный бурунь къ утесу, выскочить на него и оттолкнуть байдарку ногою, были подвиги, которые прежде дѣлались изъ одной славы, но на которые теперь никто не рѣшится. Не менѣе того заслуживаютъ они вполне названія *морскихъ Казаковъ*, которое имъ очень удачно далъ О. Іоаннъ.

Климатъ острова Уналашки, какъ и всѣхъ между Камчаткою и Америкою лежащихъ земель, сырой, но не холодный. Въ селеніи Илюлюкъ средняя температура года $+ 3\frac{1}{2}^{\circ}$ (*). Термометръ лѣтомъ рѣдко поднимается выше $+ 15^{\circ}$; зимою же столь же рѣдко опускается ниже $- 15^{\circ}$. Пасмурная погода и туманы господствуютъ отъ Апрѣля до половины Іюля. Съ сихъ поръ до исхода Сентября лучшее время года и наиболѣе ясныхъ дней, кои большею частію случаются при вѣтрахъ отъ W до NO; а вѣтры отъ O чрезъ S до SW и лѣтомъ и зимой сопровождаются дождемъ, туманомъ или мокрымъ снѣгомъ. Въ постоянную зиму снѣгъ выпадаетъ въ началѣ Октября и лежитъ до Мая, а въ разлогахъ до Іюня. Отступленія отъ общаго правила случаются здѣсь какъ и вез-

(*) Для любопытствующихъ прилагается въ концѣ извлеченіе изъ подробнаго метеорологическаго журнала, веденнаго отцемъ Іоанномъ.

дѣ (*). На полуостровѣ Аляскѣ погода вообще постояннѣе и бываетъ болѣе ясныхъ дней. Лѣто бываетъ обыкновенно тихо; съ Августа начинаются свѣжіе вѣтры, преимущественно отъ SW, а зима становится по большей части при NW вѣтрѣ.

Въ гавани разводится теперь съ успѣхомъ картофель, рѣпа, капуста, и другіе овощи, но не въ большемъ количествѣ, за недостаткомъ свободныхъ рукъ.

Имѣвъ предписаніе обозрѣть О. *Св. Матвѣя*, направили мы къ оному путь оставя Уналашку, но такъ чтобы коснуться и острововъ *Прибылова*, въ долготѣ которыхъ до сихъ поръ настояло сомнѣніе. Въ первый день тишина продержала насъ близъ берега. Киты, окружавшіе шлюпъ во множествѣ во всѣхъ направленіяхъ, преслѣдуемы были огромными стадами птицъ, кои вились надъ ними, чтобы чѣмъ нибудь отъ нихъ поживиться. Нѣсколько *стадъ сивугей* (**), рѣзвились около судна, иногда совершенно выскакивая изъ воды, и ревя точно какъ молодыя коровы. Всѣ они шли къ сѣверу.

Августа 20 прекраснѣйшее утро открыло намъ всѣ окружающіе берега въ великолѣпной панорамѣ. Къ ONO въ 65 миляхъ видѣнъ былъ островъ Уни-макъ, съ огромными своими сопками. Одна изъ нихъ, *Шишалдинская*, имѣющая видъ правильнаго конуса, въ семъ разстояніи казалась стоящею совсѣмъ

(*) Какъ на примѣръ въ достопамятную зиму 1821, здѣсь, какъ и въ Европѣ, продолжались почти безпрестанные дожди, при крѣпкихъ вѣтрахъ отъ О и SO и частыхъ землетрясеніяхъ.

(**) Обыкновенно говорится *Сивугъ*; но здѣсь произносится *Сіугъ*.

отдѣльно. Изъ вершины ея исходилъ бѣловатый дымъ. Мы нашли высоту ея 1263 тоаза (8083 Англ. футъ). *Макушинская* сопка, на островъ Уналашкѣ, имѣя ровную вершину, и только на западномъ концѣ нѣсколько острыхъ пиковъ, не представляетъ столь разительнаго вида какъ сопки Унимакскія. Дымъ стремился изъ ровнаго, снѣгомъ покрытаго мѣста. Высота ея по нашему измѣренію 858 тоазовъ (5491 футъ), а высота снѣжной границы на ней 550 тоазовъ. Докторъ Шамиссо полагаетъ высоту сей точки только отъ 300-400 тоазовъ. Но островъ Акутанъ, котораго высоту мы нашли 522 тоаза, былъ совершенно чистъ отъ снѣга.

Со свѣжимъ восточнымъ вѣтромъ шли мы быстро впередъ, и на слѣдующее утро усмотрѣли островъ Св. Георгія, весьма единообразнаго вида. На совершенно ровной его поверхности видно одно только мѣсто, которое можно назвать холмомъ. Высота его надъ поверхностію моря около 300 футъ. Обошедъ вокругъ восточной оконечности къ сѣверному берегу острова увидѣли мы на пригоркѣ нѣсколько шалашей, осѣненныхъ флагомъ Россійско-Американской компаніи: это было ея заселеніе. Въ одной милѣ отъ него легли мы въ дрейфъ, выпаливъ изъ пупки, хотя и сомнѣвались чтобы кто нибудь былъ въ состояніи къ намъ выѣхать, ибо вѣтръ въ сіе время дулъ уже весьма крѣпко, при большомъ волненіи; однакожь вскорѣ къ изумленію своему увидѣли двѣ байдарки, кои ныряя между валовъ подобно рыбамъ, быстро къ намъ приближались. На одной изъ нихъ находился Управляющій островомъ Г. Резанцовъ, весьма древній уже старецъ, и по здѣшнему *старовояжный*, испра-

вляющій нынѣшнюю должность уже болѣе 20 лѣтъ. Получа привезенныя нами отъ Главнаго Правителя бумаги, Г. Резанцовъ долженъ былъ оставить насъ не всходя на судно, что въ такое волненіе сдѣлать было бы слишкомъ опасно, и чрезъ полчаса прислалъ трехъ живыхъ *коти́ковъ* для нашихъ коллекцій, въ возвратъ за кои послали мы доброму старику изъ собственнаго запаса наиболѣе нужныхъ ему вещей сколько въ двѣ байдарки помѣститься могло.

Нельзя не замѣтить при семъ случаѣ, что во всѣхъ заселеніяхъ Россійско - Американской компаніи, кои мнѣ случилось видѣть, господствуетъ примѣрная исправность во всѣхъ отношеніяхъ. Ничего не просмотрѣть, на все быть готову, было правиломъ Баранова; духъ сего необыкновеннаго человѣка блюдетъ, кажется, и теперь надъ заведеніями, имъ основанными.

Острова *Св. Георгія*, *Св. Павла* (*), съ нѣсколькими меньшими, называются вообще островами *Прибылова*, по имени Штурмана, открывшаго ихъ около 1786 года. Они переимѣли множество названій: въ началѣ назывались *Новыми*; потомъ *Лебедевыми*; Г. Шелиховъ назвалъ ихъ *Зубовыми*, въ честь одного благодѣтеля своего; нѣкоторые именovali ихъ *Котовыми*, другіе *Сѣверными*; въ колоніяхъ называютъ ихъ поднесъ собственно: *островки*.

Къ открытію ихъ подали поводъ ежегодныя странствія *котовъ морскихъ* весною къ Сѣверу, а

(*) Слѣдующія здѣсь извѣстія объ островахъ Прибылова почерпнуты изъ записокъ Г. Хлѣбникова.

осенью обратно къ Югу, и не иначе какъ чрезъ Унимакскій проливъ, въ которомъ Алеуты убивали ихъ иногда великое множество. Штурманъ Прибыловъ на суднѣ *Св. Георгій*, принадлежавшемъ купцамъ Щелихову и Лебедеву - Ласточкину, отправился съ Уналашки для отысканія пріюта котовъ на Сѣверѣ, и открылъ островъ, названный по имени его судна, а потомъ промышленниками найдены и другіе.

Островъ Св. Павла волканическій, судя по множеству находимой на немъ лавы и пемзы; напротивъ главныя породы Св. Георгія суть гранитъ и гнейсъ. Оба острова покрыты тундрою, и совершенно безлѣсны; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ растетъ мелкій тальникъ. Наученные нуждою, промышленные отыскивали тутъ нѣсколько родовъ снѣдомыхъ кореньевъ, которые они по своему называютъ: *Желтый К.*, *Кутеогорный К.*, *К. Чикульникъ*, *Сарана*, *Макариша* и пр. Рѣпа и картофель разводятся въ небольшемъ количествѣ.

Положеніе острововъ сихъ заставляетъ уже ожидать климата суроваго и непріятнаго. Такъ называемая весна, начинается здѣсь въ концѣ Апрѣля или въ Маѣ, когда появляется кое гдѣ зелень. Лѣтомъ стоятъ густыя туманы, ясныхъ дней весьма мало, а солнце только изрѣдка показывается. Въ Октябрѣ нападаютъ снѣга, а въ Декабрѣ съ сѣверными вѣтрами приносятся льды, кои иногда, если господствующіе вѣтры случатся отъ Сѣвера, остаются до Мая, и доставляютъ обитателямъ удовольствіе посѣщенія бѣлыхъ медвѣдей.

Послѣ сего неудивительно покажется, что при открытіи *Островковъ* единственными обитателями

ихъ, и то только лѣтомъ, были бобры и коты, послѣдніе наипаче въ великомъ множествѣ. Шелиховъ тотчасъ по отысканіи ихъ отправилъ туда промышленныхъ, а въ послѣдствіи посылаемы были Алеуты съ Уналашки. Теперь живетъ на *Павль* Русскихъ 11 человекъ, и Алеутъ съ женами и дѣтьми 150; на *Георіѣ* Русскихъ 6, Алеутъ 75. Алеуты перемѣняются, смотря по желанію, чрезъ три и четыре года, а нѣкоторые остаются и долѣе. Полезнѣе было бы, переселить сюда однажды навсегда нѣскольکو семей; ибо привыкнувъ здѣсь къ изобильной мясной пищѣ, Алеуты по возвращеніи въ Уналашку отъ гнилой китовины, которая всегда остается первѣйшимъ для нихъ лакомствомъ, занемогаютъ и часто смертельно.

Кромѣ двухъ или трехъ домовъ на островѣ Св. Павла выстроенныхъ изъ лѣса, доставленнаго изъ Ситхи, на обоихъ островахъ для жительства служатъ дощаныя юрты, покрытыя дерномъ. Для отопленія ихъ, для сушки шкуръ звѣриныхъ, и пр. собирается съ великимъ трудомъ выкидной лѣсъ по берегамъ, для чего нужно иногда бываетъ спускать людей съ утесовъ на ремняхъ.

Занятія жителей состоятъ въ промыслѣ котиковъ, сивучей, песцовъ, птицъ, выдѣлки шкуръ и сбираниіи выкиднаго лѣса. За исключеніемъ послѣдней работы, продолжающейся круглый годъ, всѣ другія, начавшись въ Маѣ, кончаются въ Ноябрь. Остальные за тѣмъ полгода проводятся въ совершенной праздности, вредной сколько для здоровья, столько и для нравственности. Прилежнѣйшіе изъ Алеутъ занимаются вырѣзываніемъ изъ кости разныхъ бездѣлицъ, точеніемъ ша-

шекъ, и пр. Многіе играютъ хорошо въ шахматы.

Множество бобровъ, сивучей, котовъ, а наиначе послѣднихъ, найденное при открытіи острововъ, превосходить вѣроятіе. Въ то время всѣ животныя сіи были такъ смирны, что промыселъ ихъ не требовалъ инаго труда какъ идти съ дубиною вдоль берега и бить на выборъ любаго. Это было до того легко, по рассказамъ, что промышленные имѣли обыкновение играть въ шахматы по бобру за партію, но съ тѣмъ, чтобъ проигравшій убилъ на берегу или на отмели именно того бобра, который отъ выигравшаго будетъ назначенъ. Промышленные утомлялись легкою добычею. За то *Прибыловъ* въ первые два года добылъ болѣе 2000 бобровъ, 40,000 котиковъ и 6000 голубыхъ песцовъ, не считая того что досталось на долю другихъ.

Но приволье это продолжалось не долго, благодаря *безразсудному* истребленію животныхъ; я говорю безразсудному, потому что ихъ истребляли не только болѣе, чѣмъ по естественному порядку могло возрождаться, но даже болѣе, чѣмъ сами истребители могли обратить во временную свою пользу. Въ Уналашкѣ, куда всѣ промыслы свозились, скопилось къ 1803 году до 800,000 котовыхъ шкуръ, коихъ въ свое время не успѣвали доставлять въ Охотскъ, и кои будучи приготовлены на скорую руку и порядочно не просушены, большею частію испортились; такъ что сочтено было нужнымъ какъ по сей причинѣ, такъ и для поддержанія на Кяхтѣ цѣны, отъ несоразмѣрнаго скопленія товара слишкомъ унававшихъ, сжечь и

бросить въ воду болѣе 700,000 шкуръ! Не есть ли это 700,000 непростительныхъ смертоубійствъ?

По вѣрнѣйшимъ счетамъ вывезено съ островковъ, со времени открытія ихъ по 1828 годъ, т. е. въ 42 года, болѣе 3-хъ милліоновъ котовыхъ шкуръ! Непонятно, какъ при такомъ истребленіи родъ животныхъ сихъ не совсѣмъ еще уничтожился.

Но уменьшеніе промысловъ шло быстрыми шагами; бобровъ скоро не стало ни одного, а котовъ становилось годъ отъ году менѣе; по чему когда *островки*, съ Уналашкинскимъ отдѣломъ, присоединены были къ общему управленію колоній, первое попеченіе Баранова было остановить на нихъ промыслы на два года. Въ послѣдствіи постановлено было, какую часть стада или *лежбищъ* не трогать; но не взирая на то, количество добываемаго звѣря продолжало уменьшаться. Въ 1811 году вывезено съ островковъ 80,000 шкуръ; въ 1816 году 53,000; въ 1821 году 50,000; а въ 1827 30,000 (изъ коихъ съ Павла отъ 20,000 до 25,000, съ Георгія отъ 5000 до 8000). Явно, что сей источникъ промышленности грозитъ совершенно изсякнуть. Изложеніе порядка, въ какомъ производится промыселъ котовый, объяснить причину его оскуденія.

Промышленники раздѣляютъ котовъ на пять рядовъ. 1-е) *Сѣкачъ*, старый самецъ болѣе 4-хъ лѣтъ; 2-е) *Полусѣкачъ*, отъ 3-хъ до 4-хъ лѣтъ; 3-е) *Холостякъ*, двухгодовой; 4-е) *Осенній* котъ, такъ же *Сѣрый*; и 5-е) *Матка*, или взрослая самка.

Коты приходятъ отъ Юга къ островамъ въ половинѣ Апрѣля, и какъ утверждаютъ старожилы, ложатся всегда на тѣхъ же мѣстахъ, которыя занимали

прежде. Самцы появляются первые; за ними въ половинѣ Мая самки. По приближеніи ихъ самецъ громкимъ ревомъ сзываетъ къ себѣ своихъ матокъ, кои около него и располагаются, между тѣмъ какъ сѣкачъ занимаетъ какое нибудь возвышеніе, съ котораго бы могъ обозрѣвать все свое семейство и не допускать къ нему другихъ самцевъ. Бойкій сѣкачъ имѣетъ отъ двухъ до трехъ сотъ матокъ; слабые и старѣлые по одной и по двѣ. Холостяки, будучи слабѣе сѣкачей, боятся ихъ, и располагаются всегда дальше, окруженные небольшимъ числомъ матокъ.

Самка не сходитъ съ берега покуда не освободится отъ бремени съ которымъ пришла. Обыкновенно носятъ онѣ по одному котенку, и весьма рѣдко два. Въ Іюнѣ начинаютъ онѣ сообщаться снова. Ревность и злость самцевъ въ это время превосходить всякое описаніе. Горе слабому, который съ намѣреніемъ, или неумышленно подойдетъ къ чужому семейству: хозяинъ бросается на него и вмигъ убиваетъ лапами; еслижъ случатся сба равносильные, то бой продолжается долго, въ коемъ куски мяса отъ обоихъ летятъ на воздухъ; и не рѣдко одинъ изъ двухъ остается на мѣстѣ. Ревности же приписываютъ то, что сѣкачъ во все это время не сходитъ въ воду, ибо еслибъ онъ хотя разъ оставилъ свое стадо, то матки разбрелись бы по другимъ табунамъ. Оставаясь почти два мѣсяца безъ пищи, онъ наконецъ совершенно изсыхаетъ и ослабѣваетъ.

Молодые котики сосутъ матку до самой осени, и въ это время другой пищи не знаютъ. До Іюня мѣсяца ползаютъ они только по камнямъ не спускаясь на воду; въ Іюнѣ начинаютъ плескаться въ мо-

рѣ между камнями. Когда котёнокъ подрастетъ, matka относитъ его въ зубахъ отъ берега, бросаетъ въ воду и плаваетъ вокругъ, покуда онъ барахтается и силится выползти на берегъ; когда выйдетъ, то matka снова тащитъ его въ воду, и такъ до тѣхъ поръ пока онъ не выучится плавать. Мѣсяца чрезъ два становятся они уже сами мастерами. Ночь проводятъ на берегу; по утру сходятъ въ море и плаваютъ до полдня; выходятъ отдыхать; потомъ опять часа на четыре идутъ въ море. Въ концѣ Сентября или въ Октябрѣ они уже совсѣмъ образуются, и тогда начинаются *отеоны*.

Промышленные расположась цѣпью вдоль берега и отрѣзавъ лежбище отъ моря, гонятъ сначала всѣхъ безъ различія въ гору. Пришедъ на равнину, отдѣляютъ *сткачей*, *холостяковъ* и *матокъ*, коихъ провожаютъ обратно къ морю; молодыхъ же, на убой назначенныхъ, гонятъ далѣе къ селенію, разстояніемъ на 2 или на 3 версты, не скоро и давая часто отдыхать, ибо безъ сей предосторожности, они иногда умираютъ отъ изнеможенія, особенно же въ тихое и теплое время. Пригнавъ къ селенію бьютъ ихъ палками (дрегалки). На островѣ Св. Павла отгоняютъ вдругъ по 3 и по 4000 котиковъ, а на Георгіѣ отъ 500 до 2000.

Убивать хладнокровно на повалъ нѣсколько тысячъ беззащитныхъ животныхъ, есть нѣчто возмутительное. Промышленники, закоснѣлые въ сего рода убійствахъ, признаются, что часто не подымается у нихъ рука чтобы нанести ударъ невинному созданію, которое съ поднятыми вверхъ ластами, жалобнымъ воплемъ, иногда совершенно походитъ на го-

лось плачущаго ребенка, какъ будто просить пощады.

Предосторожность отдѣлять взрослыхъ котовъ отъ убиваемыхъ необходима для поддержанія породы; но достаточно ли для сего одной сей предосторожности? Если будутъ истребляемы всѣ молодые, то откуда взяться наконецъ холостякамъ и сѣкачамъ? Опытные промышленные замѣчаютъ, что коты живутъ отъ 15 до 20 лѣтъ; стало съ сею методою въ 20 лѣтъ не должно остаться ни одного кота. Не удивительно ли же что въ первыя 20 лѣтъ, когда ни о какихъ предосторожностяхъ не помышляли, племя сіе не совсѣмъ истреблено? Теперь положено, какъ сказано выше, нѣсколько табуновъ (лежбищъ) попеременно не трогать; но кажется что и этого еще недостаточно, потому что коты все еще продолжаютъ уменьшаться.

Шкуры убитыхъ котовъ растягаютъ въ деревянные *пяла* или *рамы*, попарно, шерстью вмѣстѣ, и кладутъ въ сушильни, нагрѣваемые каменками. При чисткѣ и просушкѣ требуется великое вниманіе, чтобы не испортить шкуръ прорѣзавъ мездру или пересуша ихъ, и т. п. Готовыя шкуры упаковываютъ въ тюки, по 50-ти вмѣстѣ, за коими на слѣдующій годъ приходитъ судно изъ Ситхи, отвозить ихъ въ Охотскъ, откуда онѣ отсылаются на Кяхту.

Нужное количество мяса котоваго сушится на зиму, и нѣсколько засаливается для Ново-Архангельска. Остальное положено сжигать, чтобы не заражало воздуха.

Взрослые, отъ убою сбереженные, коты въ то же время уходятъ въ море; нетревоженные же лежби-

ща остаются весь Ноябрь мѣсяць, покуда стужа не принудить ихъ искать мѣстъ теплѣйшихъ. До сихъ поръ достовѣрно неизвѣстно гдѣ они привитаютъ зиму. Животныя тойже породы встрѣчаются во многихъ мѣстахъ Великаго Океана, начиная отъ Южной Шетландіи до Калифорніи; но шкуры ихъ, по замѣчанію Г. Хлѣбникова, много различествуютъ отъ сѣверныхъ. Онѣ меньше, и шерсть имѣютъ короче и чернѣе; у сѣверныхъ шерсть пушистая, сѣрая, съ серебристымъ отливомъ. Разность сія съ одной стороны, съ другой великое разстояніе, котораго земноводнымъ не возможно было бы переплыть безъ привала (къ берегамъ Америки они никогда не пристають) и слишкомъ великое различіе въ климатъ, не позволяютъ принять, чтобы котики Берингова моря были тѣже, кои встрѣчаются близъ береговъ Калифорніи и по разнымъ островамъ въ тропической части Великаго Океана; и должно полагать, что между широтами 40° и 45° , около меридіана Уналашки, есть неоткрытые доселѣ островки или камни, гдѣ они зимуютъ (*).

(*) Мысль о существованіи земли около тѣхъ мѣстъ не новая и почитается въ томъ краѣ несомнѣнною истиною. Она основывается не на одномъ ежегодномъ странствованіи водоземныхъ. Въ 1798 году судно *Зосима и Савватій*, отправленное изъ Охотска на промыслы, заблудившись, зашло весьма далеко къ Югу и видѣло островъ, въ послѣдствіи не отысканный. Похожденія сего судна описаны подробно, со словъ находившихся на немъ мореходовъ въ путешествіи Давыдова и въ Исторіи Открытія Алеутскихъ острововъ. Расчисляя плаваніе судна, Г. Берхъ полагаетъ широту острова Зосимы и Савватія 44° , а долготу отъ 160° до 165° W отъ Гринича. Въ 1810 году Штурманъ *Петровъ*, на суднѣ Американской компаніи, видѣлъ

средства къ отысканію зимовья котиковъ; ибо еслибъ оно по случаю попало къ какому нибудь Англійскому или Англо-Американскому судну, то котовому промыслу положенъ бы былъ конецъ однажды на всегда.

Все сказанное объ образъ жизни и о промыслѣ котиковъ, исключая количества, относится также и до *сивучей*: они также приходятъ отъ Юга въ Апрѣль и Маѣ, ложатся табунами отъ 200 до 300 матокъ на одного сѣкача, мечутъ дѣтенышей, и давъ имъ подрости отходятъ къ Югу, но не такъ далеко какъ коты; будучи менѣе ихъ нѣжны, многіе изъ нихъ зимуютъ на южнѣйшихъ Алеутскихъ и на *Ближнихъ* островахъ. Когда сѣкачи обходятъ всѣхъ матокъ своего стада, то уже всѣ ложатся безъ разбора; но до того бываютъ они столь же ревнивы и сердиты какъ котики. Отъ холостяковъ сивучьихъ и самокъ котика происходятъ иногда ублюдки, имѣющіе сложеніе тѣла и лапы сивучьи, а шерсть какъ у котика.

Въ желудкахъ сивучей находятъ иногда камни круглые, которые они, по увѣренію промысленныхъ, глотаютъ вмѣсто балласта, чтобъ быть *остойчивѣе*. Алеуты почитаютъ эти камни талисманомъ, и нашедши хранятъ тщательно.

островъ къ Югу отъ Уналашки, въ разстояніи около 200 верстъ, къ которому однакожъ пристать не могъ. Многіе мореплаватели видѣли въ тѣхъ мѣстахъ многочисленные признаки земли. Такъ же и Алеуты рассказываютъ объ островѣ, называемомъ ими *Чикхлинъ*, лежащемъ къ Югу отъ Укамока, и о другомъ лежащемъ къ Югу отъ *Еврашеяго* острова, на которые будто бы отцы ихъ ѣзжали для промысловъ. Барановъ посылалъ въ 1792 году штурмана Измайлова отыскивать сіи острова, но безъ успѣха.

Промыселъ сивучей производится въ Іюль и Августъ мѣсяцахъ, тѣмъ же порядкомъ что и котовый. Пригнавъ къ селенію, бьютъ молодыхъ палками, а большихъ изъ ружей. Холостяки иногда сопротивляясь бросаются на людей. На островъ Св. Георгія убивается до тысячи звѣрей, на Павль отъ 300 до 400, не считая молодыхъ сивучатъ убиваемыхъ въ пищу ежедневно. Промышленные наблюдаютъ тщательно, чтобы на мѣстѣ гдѣ лежатъ сивучи никакихъ слѣдовъ убіенія не оставалось, поелику замѣчено, что въ такомъ случаѣ никогда сивучи на томъ мѣстѣ опять ложиться не будутъ.

Шкуры сивучьи сначала складываютъ въ груды, на мѣсяцъ, чтобы опрѣла шерсть, которую послѣ соскабливаютъ, и кожи растягаютъ по землѣ на колья для просушки, и потомъ отправляютъ вмѣстѣ съ другими въ Ситху подъ именемъ *лахтаковъ*. *Горла* и *кишки* сихъ животныхъ также употребляются въ пользу; тѣ и другія выдѣлываютъ на камлеи. Жиръ вытапливается и употребляется на мѣстѣ для освѣщенія, а въ случаѣ нужды и вмѣсто дровъ, по недостатку коихъ жгутъ кости сивучьи, поливая оныя жиромъ.

Нѣкоторое количество мяса сушатъ въ зимнюю провизію, и солятъ для отправленія въ Ситху. Должно привыкнуть къ сей пищѣ, чтобы находить ее пріятною; но мясо молодыхъ сивученковъ хвалятъ, какъ нѣжное и вкусное. Ласты даютъ хорошую студень.

Сіи суть два главные промысла на островахъ *Прибылова*. Кромѣ сего ловятъ на нихъ *песцовъ* — на Георгіѣ отъ 1000 до 1200 голубыхъ, и отъ 200 до 300 бѣлыхъ, на Павль обоихъ родовъ до 300.

Кромѣ кляпцовъ употребляютъ для ловли ихъ и еще одинъ замысловатый способъ: на длинномъ и тонкомъ китовомъ усѣ нарѣзывается винтъ, который запускается въ нору песца, ввинчивается ему въ шерсть, и на немъ звѣрокъ вытаскивается.

Съ Апрѣля мѣсяца прилетаютъ къ островкамъ пролетныя птицы, общія всему тому краю, промысловъ коихъ, въ пищу и для парокъ, занимаются Май и Іюнь мѣсяцы. Птицъ ловятъ наиболѣе сѣтками разнаго рода, также и силками, и добываютъ на Георгіѣ до 2000, на Павлѣ до 7000. Яйца собираютъ по утесамъ, спускаясь сверху на ремняхъ; промыселъ весьма опасный, ибо когда ремень, на которомъ человѣкъ виситъ надъ бездною, обь острые камни перетрется, что иногда бываетъ, то человѣкъ пропасть.

На островки заходятъ изрѣдка моржи, которыхъ для однихъ клыковъ бьютъ изъ ружей или колятъ копьями.

Отъ острова Св. Георгія хотѣлось мнѣ перейти къ острову Св. Павла; но крѣпкій сѣверовосточный, совершенно противный вѣтръ не допустилъ сего сдѣлать. Въ слѣдующіе за тѣмъ три дни имѣли мы много бурнаго и ненастнаго времени; а 25 Августа могли наконецъ подойти къ SO оконечности острова Св. *Матвѣя*, которую Кукъ весьма справедливо называлъ *Отвѣсною* (Upright) и начать опись острова.

Подробности работы сей не могутъ быть занимательны для читателя; и потому довольно будетъ сказать, что она продолжалась цѣлую недѣлю, въ про-

долженіе которой обозрѣли мы островъ подробно со всѣхъ сторонъ, и опредѣлили его весьма надежно Астрономически.

Островъ *Св. Матвѣя* названъ такъ Русскаго флота Лейтенантомъ *Синдтомъ*, открывшимъ его въ 1766-мъ году, на пути отъ береговъ Камчатки къ Берингову проливу. Географическое положеніе его оставалось неопредѣленнымъ до временъ Кука, который проходилъ мимо въ 1778 году, и не зная объ открытіи Синдта, назвалъ его островомъ *Гора*. Съ того времени многіе изъ нашихъ мореплавателей видѣли сей островъ и даже приставали къ нему; но никто не занялся обстоятельною его описью, исполненіе которой предоставлено было намъ.

Островъ *Св. Матвѣя* имѣетъ длины 28 миль, по направленію NWtW и SOtO. Южная его оконечность, мысъ *Отвѣсный*, лежитъ въ широтѣ $60^{\circ} 18'$, долготѣ $172^{\circ} 4'$ западной отъ Гринича. Островъ состоитъ изъ холмовъ умѣренной высоты, раздѣленныхъ низменностями, дающими ему издали видъ нѣсколькихъ отдѣленныхъ острововъ. Низменности сіи окружаютъ открытые заливы, въ которыхъ гребныя суда въ тихое время приставать могутъ, но гаваней на всѣмъ островѣ нѣтъ ни одной. Отъ м. Отвѣснаго на WSW въ $16\frac{1}{2}$ миляхъ лежитъ островокъ, названный Кукомъ Pinnacle Island, Островъ *Шпицовъ* или *Башень*. Мы обошли его вокругъ довольно близко, чтобы съ удивленіемъ разсмотрѣть странное его образованіе. Два почти отвѣсные бока соединяются въ высотѣ около 300 футъ въ гребень столь острый, что по видимому одна только птица могла бы на немъ удержаться. Весь сей гребень уставленъ множествомъ остроконеч-

ныхъ камней, кои цѣлыми рядами продолжаются также отъ обѣихъ оконечностей острова. Берега его кажутся совершенно неприступными.

Если гидрографическое описаніе острова Св. Матвѣя совершенно нами было съ успѣхомъ, то въ познаніи естественныхъ его произведеній имѣли мы менѣе удачи: натуралисты наши не могли нигдѣ пристать къ нему, по причинѣ сильнаго прибоя у береговъ. Нѣкоторое свѣдѣніе о семъ предметѣ имѣемъ мы отъ жившихъ тамъ промышленныхъ.

Въ 1809 году отправлено было по приказанію Баранова, съ Уналашки на островъ Св. Матвѣя 20 человекъ Русскихъ, для испытанія, какую можно имѣть на немъ промышленность. Отъ непредусмотрительности байдарщика, не принявшаго никакихъ мѣръ къ сохраненію людей зимою, вся артель занемогла цынгою и большая половина сдѣлалась жертвою оной, а остальная перевезена обратно въ Уналашку въ 1810 году; послѣ того не возобновляли уже на немъ заселеній.

Сіи промышленные находили на островѣ слюдяной сланецъ (*), желѣзную охру, сѣрный колчеданъ, камни кремнистыхъ породъ, и много по всему острову разбросанныхъ *огарковъ* — такъ называютъ промышленные камни, носящіе на себѣ слѣды волканическаго огня.

Лѣсу на островѣ совсѣмъ нѣтъ, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ растеть мелкій тальникъ. Выкиднаго лѣса по

(*) Обвалъ мыса *Отвѣснаго* ясно показываетъ пластовое образованіе острова.

берегамъ много. Островъ покрытъ тундрою. Найде-
но нѣсколько родовъ питательныхъ кореньевъ какъ то:
кутагорное весьма горькаго вкуса; въ большомъ и-
зобиліи и весьма вкусная *макарша*; корень, кото-
раго трава походить на морковную, сладкій и вкус-
ный; и на низменныхъ тундристыхъ мѣстахъ подъ мо-
хомъ *корень*, подобный картофелю, также на вкусъ
пріятный.

Песцы бѣлые и голубые водятся на островъ въ
изобиліи. Владычество надъ онымъ раздѣляютъ съ ни-
ми *бѣлые медвѣди*, которыхъ проходя мимо видѣли
мы цѣлыя стада. По берегамъ, наиболѣе въ неприступ-
ныхъ мѣстахъ, ложится много *моржей*.

Ары, урилы, ипатки, топорки, чайки,
здѣсь какъ и по всѣмъ островамъ сего моря гнѣздятся
въ великомъ множествѣ по утесамъ. Кромѣ ихъ во-
дятся *вороны*, и нѣсколько родовъ мелкихъ птичекъ
появляющихся лѣтомъ.

Треска ловится у береговъ въ изобиліи во все
лѣто, а съ Августа мѣсяца является *палтусъ*.

Осень того края уже настала, когда мы отплыли
отъ острова Св. Матвѣя; нельзя было и думать о
плаваніи въ Беринговъ проливъ; да и южнѣйшихъ бе-
реговъ не было надежды описывать съ успѣхомъ; по-
елику для сего нужно болѣе тихихъ дней нежели осень-
ю ожидать можно. Не видя однакоже признаковъ,
чтобы стоявшее дотолѣ хорошее время скоро испор-
тилось, и какъ разстояніе до ближайшаго берега Азіи
было незначительно, то дабы сколько возможно проло-

жить себѣ дорогу къ работамъ будущаго года, рѣшил-ся идти къ мысу Св. Фаддея, и слѣдуя отъ него къ Югу, опредѣлять положеніе примѣчательнѣйшихъ пунктовъ берега.

Не прошли мы еще половины сего разстоянія, какъ восточный вѣтръ сталъ очень крѣпчать со всѣми признаками наступающаго дурнаго времени, что и побудило меня взять курсъ прямо къ Камчаткѣ.

Симъ путемъ проходили мы близко того мѣста, гдѣ Лейтенантъ Синдтъ видѣлъ берегъ, названный имъ островомъ *Преображенія*. Многіе отвергаютъ существованіе сего острова, послѣ Синдта никѣмъ не видѣннаго, полагая, что онъ принялъ за землю туманъ, какъ въ тѣхъ странахъ часто случается; но въ журналъ его въ два разные дни такъ опредѣлительно означены пеленги видѣнной земли, что нельзя предположить, чтобы это была только обманчивость оптическая. Островъ сей, если существуетъ, долженъ лежать около широты $58\frac{1}{2}^{\circ}$ и долготы $177\frac{1}{2}^{\circ}$ Западн. отъ Гринича. Я имѣлъ намѣреніе поискать его около сего мѣста; но мы проходили оное (2 Сентября) въ такую сильную бурю отъ Востока, и съ такимъ густымъ туманомъ, что болѣе должны были *опасаться* нежели *желать* открытія неизвѣстнаго острова, которое при такихъ обстоятельствахъ легко могло бы навсегда остаться *сокрытымъ* отъ свѣта. Съ нѣкоторымъ безпокойствомъ разсматривали мы окружающія насъ стада птицъ, не найдется ли между ими береговыхъ, въ другое время столь пріятныхъ вѣстницъ; однакожъ видѣли такихъ только, которыя отлетаютъ отъ земли на большое разстояніе.

Крѣпкіе вѣтры и ненастье сопровождали насъ до

7-го Сентября. Въ это время прочистилось и мы увидѣли *Командорскіе* острова на SW. Намъ нужно было по-дойти къ острову *Беринга*, дабы узнать съ точностію мѣсто селенія Россійско - Американской компаніи, гдѣ, по условію съ Главнымъ Правителемъ Колоній, долженъ я былъ въ слѣдующемъ году оставить взятыхъ съ острова Уналашки Алеутовъ. 8 Сентября подошли мы къ Ю оконечности сего острова. Прекрасное утро нѣсколько оживляло унылость картины, представляемой сею пустынною землею. Отъ обнаженныхъ отвѣсныхъ къ морю утесовъ простираются внутрь пологіе, покрытые тундрою холмы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ берегъ пресѣченъ оврагами и разлогами. Немного далѣе къ западу открылась намъ обширная губа, въ которой мы ожидали найти помянутое заселеніе, и потому слѣдуя вдоль берега не сводили съ него трубъ; и дѣйствительно не задолго до полдня увидѣли на пригоркѣ нѣсколько человѣкъ, изъ коихъ одинъ махалъ бѣлымъ платкомъ. Близъ того мѣста по довольно широкому разлогу протекала небольшая рѣчка, на берегу которой видно было нѣсколько землянокъ и много вытащенного изъ воды лѣсу. Къ сему мѣсту стали мы лавировать подъ всѣми парусами, паля изъ пушекъ и въ 3 часа увидѣли наконецъ идущее къ намъ подъ парусомъ судно: это были три байдарки вмѣстѣ сплоченныя; на средней утвержденъ былъ вмѣсто мачты колъ, поддерживавшій два шерстяныя одѣяла, заступавшія мѣсто паруса. На семъ странномъ суднѣ пріѣхалъ къ намъ промышленникъ *Сенковъ*. Отъ него узнали мы, что искомое нами Главное Компанейское селеніе лежитъ на западной сторонѣ острова. Въ той же открытой губѣ гдѣ мы находились, постоян-

наго жительства нѣтъ; а предположено только устроить зимовье, для промысла песцовъ. Сенковъ хотѣлъ мнѣ дать человѣка для указанія гавани, въ чемъ я однакоже не нуждался, не имѣвъ намѣренія на сей разъ тутъ останавливаться, но желавъ только узнать положеніе оной.

Снабдя земляка за трудъ всякаго рода *сѣт-нымъ*, мы его отпустили. Онъ по прежнему влѣзъ въ среднюю изъ байдарокъ, растянулся въ ней во всю длину, былъ закупоренъ сѣвшимъ въ люкъ Алеутомъ, а мы наполнили паруса, и продолжали путь къ Западу.

Алеуты привозившіе Сенкова были *Ближновскіе*, т. е. съ острова Атту; наши Лисьевскіе тотчасъ вступили съ ними въ разговоръ и объявили, что они *«слышутъ»* по нашему, но говорятъ плохо.» — Ближновскіе Алеуты имѣютъ особенный языкъ, а научаются Лисьевскому отъ Андреяновскихъ, кои съ сими послѣдними говорятъ однимъ языкомъ. Въ чертахъ лица сихъ Алеутовъ замѣтно было также различіе съ нашими. Байдарки ихъ различны отъ Лисьевскихъ, будучи съ носу гораздо полнѣе; но не взирая на то менѣе надежны, или сами Алеуты плохіе ѣздоки, потому что не могли выѣхать къ намъ иначе, какъ сплота три байдарки, хотя море было и тихо. Это крѣпко не понравилось нашимъ Алеутамъ.

На островѣ Беринга живетъ до 110 человѣкъ Русскихъ, Креоловъ и Алеутовъ занимающихся промысломъ котиковъ и песцовъ. Промыслы сіи производятся здѣсь въ то же время и тѣмъ же порядкомъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ. На островѣ *Мѣдномъ* посто-

яннаго заселенія нѣтъ, а для промысловъ ѣздить туда на байдарахъ съ Берингова.

Какъ и вездѣ, уменьшились и здѣсь промыслы въ значительной степени. Въ послѣдніе годы добывалось на обоихъ островахъ не болѣе 5000 котиковъ; почему положено было нѣсколько лѣтъ совсѣмъ ихъ не трогать.

Отъ острова Берингова легли мы къ мысу *Шипунскому*, который увидѣли 11-го Сентября, а въ слѣдующій день со свѣжимъ SO вѣтромъ плыли къ Авачинской губѣ, съ нѣкоторымъ безпокойствомъ ожидая, что предвѣщаетъ намъ съ необычайною стремительностію упавшій барометръ. Берега скрывались въ пасмурности; одна Вилучинская сопка нѣсколько разъ въ продолженіе утра являлась и опять исчезала подобно призраку: лучи солнца отражаясь отъ снѣжной ея вершины рисовали въ туманѣ коническую ея форму; по сторонамъ являлись иногда фигуры радужныхъ цвѣтовъ.

Подойдя къ берегу миль на 10 разсмотрѣли мы всѣ его пункты и спустились къ *Маячному* мысу. Между тѣмъ вѣтръ перешелъ къ N и заставилъ насъ лавировать къ устью губы Авачинской, гдѣ мы въ сумерки положили якорь.

Едва только совершенно смерклось, засвѣтились огни на мысѣ *Маячномъ* и на другомъ внутри губы, такъ что мы и ночью могли бы весьма покойно въ нее войти, еслибъ позволилъ вѣтръ. Плавая съ самаго отпращиванія изъ Европы въ такихъ мѣстахъ, гдѣ мореплаватель въ собственной только осторожности находить свою безопасность, пріятно было встрѣтить учрежденіе, доказывающее заботу о его успокоеніи.

Мы однакоже не имѣли случая имъ воспользоваться, ибо всю ночь должны были пролежать на якоре. По утру 13-го снялись, стали лавировать и не прежде какъ сдѣлавъ 22 поворота могли войти въ Петропавловскую гавань.

Мы пробыли здѣсь до половины Октября. Выгрузка и сдача вещей привезенныхъ для Петропавловскаго и Охотскаго портовъ и изготовленіе судна къ зимней кампаніи, взяли болѣе трехъ недѣль времени. Когда мы уже были совсѣмъ готовы, получено извѣстіе, что Охотскій транспортъ *Александръ*, на которомъ была Русская почта, разбился по близости Большерѣцка и что почта будетъ доставлена сюда чрезъ нѣсколько дней сухимъ путемъ. Мы уже болѣе года находились безъ всякихъ извѣстій о Россіи; зная ихъ такъ близко, слишкомъ жестоко было бы уйти и остаться еще почти на столько же въ безпокойномъ ожиданіи оныхъ; и я рѣшился пожертвовать нѣсколькими днями чтобы дождаться почты, къ радости и утѣшенію всѣхъ моихъ спутниковъ. 27-го Октября нетерпѣливое ожиданіе cadaго изъ насъ исполнилось. Успокоенные и утѣшенные, и ободренные къ перенесенію новыхъ трудовъ, ожидали мы только благополучнаго вѣтра, и 19-го Октября оставили наконецъ покрытые уже снѣгомъ берега Камчатки.

Прибавленіе къ Главѣ шестой.

Извлеченіе изъ Метеорологическаго журнала веденнаго
въ селеніи *Иллюлюкъ*, на островъ *Уналашкѣ*.

Широта $53^{\circ} 52'$ N. Долгота $166^{\circ} 25'$ W
отъ Гринича.

Примѣчаніе. Извлеченіе сіе сдѣлано Г. Академикомъ Кунтферомъ,
и читано имъ въ засѣданіи ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи На-
укъ 7 Сентября 1831 года.

I. СРЕДНЯЯ ТЕМПЕРАТУРА КАЖДАГО МѢСЯЦА СГ. ШТ.

Названія мѣсяцевъ.	Средняя Температура.	Названія мѣсяцевъ.	Средняя Температура.
	Реом.		Реом.
1827 Октябрь	+ $1^{\circ},7$	1828 Сентябрь.	+ $6^{\circ},2$
— Ноябрь	2,0	— Октябрь	2,9
— Декабрь	1,5	— Ноябрь	— 0,1
1828 Январь	3,7	— Декабрь	3,1
— Февраль	— 0,1	1829 Январь	1,5
— Мартъ	0,1	— Февраль	0,4
— Апрель	+ 2,1	— Мартъ	+ 0,1
— Май	4,1	— Апрель	0,8
— Іюнь	6,6	— Май	4,1
— Іюль	8,4	— Іюнь	6,6
— Августъ	11,0		

Среднее 12-ти первыхъ мѣсяцевъ . . . + $4^{\circ},0$

Среднее 1828 года 3,8

Среднее 12-ти послѣднихъ мѣсяцевъ 3,0

II. СРЕДНЯЯ ВЫСОТА БАРОМЕТРА, И КОЛИЧЕСТВО ЕЯ ИЗМѢНЕНІЙ НА КАЖДЫЙ МѢСЯЦЪ, СТ. ШТ.

Названія мѣсяцевъ.	Средняя высота барометра.	Максим.	Миним.	Разности.
	д	д	д	д
1827 Октябрь	29,23	29,85	29,01	0,84
— Ноябрь	29,44	30,08	28,60	1,48
— Декабрь	29,65	30,26	28,87	1,39
1828 Январь	29,47	29,94	28,77	1,17
— Февраль	29,17	29,84	28,35	1,49
— Мартъ	29,42	30,08	28,72	1,36
— Апрель	29,32	29,74	28,98	0,76
— Май	29,50	30,06	28,94	1,12
— Июнь	29,44	29,78	28,96	0,82
— Июль	29,56	29,82	29,18	0,64
— Августъ	29,65	30,00	29,20	0,80
— Сентябрь	29,41	29,77	28,74	1,03
— Октябрь	29,16	29,82	28,45	1,37
— Ноябрь	29,20	29,85	28,66	1,19
— Декабрь	29,83	30,38	28,71	1,67
1829 Январь	29,29	29,73	28,36	1,37
— Февраль	29,20	26,69	28,55	1,14
— Мартъ	29,08	29,98	28,51	1,47
— Апрель	29,55	30,24	28,44	1,80
— Май	29,43	30,11	28,80	1,31
— Июнь	29,55	29,89	29,05	0,84
Среднія	29,41	29,95	28,75	1,19

Погрѣшность барометра, для сихъ наблюдений служившаго, чрезъ сравненіе съ барометромъ шлюпа Сенявина, найдена 0,32 д. недостаточная. Придавъ сіе количество къ вышенайденной средней, получимъ среднюю высоту барометра въ Илюлюкъ.

29,73 англ. дюймъ

или 27 д. 10,9 л. Франц. —

Температура ртути замѣчаема не была; но можно безъ большой погрѣшности принять ее постоянно въ 14° Р.

Если мы возьмемъ для Илюлюка среднюю изъ максимумовъ и минимумовъ всѣхъ мѣсяцевъ 1828 года, то получимъ :

	д
Средняя изъ максимумовъ	29,92
— — — — — минимумовъ	28,80
Среднее	29,36
Придавъ къ тому погрѣшность барометра	+ 0,32
Получимъ исправленную среднюю	29,68
Для Ново-Архангельска найдено подобнымъ образомъ	29,71

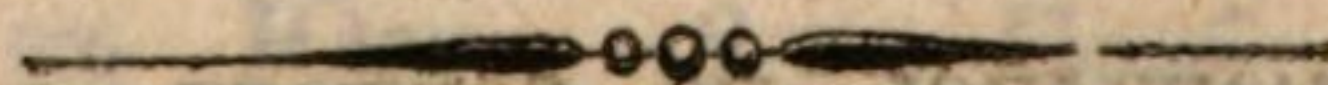
Сходство сіе даетъ вѣщую достовѣрность обоимъ выводамъ, и подтверждаетъ замѣчаніе сдѣланное Г-мъ Эрманомъ, сыномъ, на счетъ низкаго состоянія барометра въ Охотскомъ морѣ (Poggendorfs Annalen 1829, No 10).

III. Состояніе вѣтровъ, по троекратному наблюденію въ день.

Въ теченіе перваго года было

92	вѣтра	отъ	N
49	.	.	NNW
59	.	.	NW
32	.	.	WNW
85	.	.	W
45	.	.	WSW
106	.	.	SW
41	.	.	SSW
170	.	.	S
34	.	.	SSO
49	.	.	SO
15	.	.	OSO
23	.	.	O
6	.	.	ONO
42	.	.	NO
21	.	.	NNO

Изъ сего видно, что господствующіе вѣтры суть
S и SW.

ГЛАВА VII.

*Плаваніе отъ Камчатки до Юалана — Пре-
бываніе на семъ островѣ. — Замѣчанія
объ ономъ.*

Для зимнихъ занятій нашихъ поставлено мнѣ было на видъ, какъ читатель припомнить, изслѣдованіе Каролинскихъ острововъ. Не имѣя до сихъ поръ ни одной тропической станціи въ опытахъ надъ маятникомъ, положилъ я остановиться во первыхъ у острова *Юалана*, восточнѣйшаго въ семъ архипелагѣ, сдѣлавшагося в недавнѣ извѣстнымъ чрезъ Французскаго Капитана Дюперре; гдѣ безопасная гавань представляла удобства для производства сихъ опытовъ. Къ сему острову направили мы нашъ путь, располагая онымъ однакожъ такъ, чтобы коснуться мѣстъ, въ которыхъ означались на картахъ острова, будто бы въ послѣднія времена открытые или отысканные.

Свѣжій сѣверовосточный вѣтръ скоро вынесъ насъ изъ холодной, туманной атмосферы, облакавшей страну нами покинутую. По случаю могли мы сравнить климатъ сихъ мѣстъ, съ соотвѣтствующими имъ по широтѣ мѣстами въ Атлантическомъ Океанѣ, ибо за годъ до сего въ тѣже самыя числа находились въ

тѣхъ же параллеляхъ, слѣдую подобно какъ и нынѣ съ благополучнымъ вѣтромъ къ Югу. Тогда въ широтѣ 50° термометръ Реом. показывалъ $+8^{\circ}$, теперь только $+3^{\circ} - 4^{\circ}$, въ широтѣ 45° тамъ 11° , здѣсь $6^{\circ},5$; въ обоихъ случаяхъ разности $4^{\circ},5$.

29-го Октября, въ широтѣ $37^{\circ},2$, вѣтръ намъ измѣнилъ обошедъ къ Югу, и обратясь на другой день въ жестокую бурю, нѣсколько часовъ продолжавшуюся. Послѣ сего стояли нѣсколько дней тихіе, противные вѣтры.

Я имѣлъ уже случай упоминать о длинной росписи сдѣланныхъ въ Великомъ Океанѣ Американскими мореходцами открытій, которыхъ никто послѣ ихъ не могъ найти. Между сими открытіями находится и островъ *Колунасъ*, въ широтѣ $28^{\circ},9$, и долготѣ $128^{\circ} W$. Находясь близъ сего пункта 6-го Ноября, употребили мы цѣлый день на исканіе его, но безъ успѣха. Убѣдясь симъ изслѣдованіемъ и другими соображеніями (кои въ подробности изложены въ морскомъ отдѣленіи нашего путешествія, но здѣсь были бы не у мѣста,) что островъ сей не есть новое открытіе, но по всей вѣроятности взять съ старыхъ Испанскихъ картъ, на которыхъ означаемъ былъ островъ подъ названіемъ *Las Columnas*, продолжали мы нашъ путь къ Югу. 8-го Ноября въ широтѣ $27^{\circ},7$, послѣ тишины болѣе сутокъ продолжавшейся, получили сѣверовосточный пассадъ, дувшій сначала весьма крѣпко, но послѣ смягчившійся, и доставившій намъ успѣшное и покойное плаваніе.

Сего же дня поймали рыбу *луну*, конечно безобразнѣйшее изъ созданій, что однакоже не мѣшало матросамъ нашимъ находить ее весьма вкусною и

ѣсть съ удовольствіемъ, покуда она не испортилась; напротивъ того Алеуты никакъ не хотѣли за нее приняться — разительное доказательство, что разборчивость въ ѣдѣ основана на предразсудкахъ и привычкахъ. Одинъ народъ гнушается животными не отвергающими жвачки; другой не имѣющими раздвоенныхъ копытъ. Алеуты, которые не менѣе Камчадалъ заслуживаютъ эпитетъ *всеядущихъ*, данный имъ Штелмеромъ; которыхъ обыкновенная пища китовый жиръ, часто прокислый; которые, почуя запахъ китовины за нѣсколько верстъ, сбѣгаются туда какъ на роскошный пиръ, — Алеуты гнушаются *луною*; и почему? за чѣмъ она безъ хвоста! Мы надъ ними смѣялись; а они можетъ быть надъ нами, что предпочитаемъ уродливое, безхвостое животное, величественному киту съ раздвоеннымъ хвостомъ. Между матросами нашими было нѣсколько Татаръ, которые обыкновенно питались одними сухарями, когда у насъ въ *братскомъ* котлѣ варилась свинина, и другіе надъ ними издѣвались; а они въ свою очередь потрунили бы надъ тѣми, еслибъ имъ гдѣ нибудь попался молодой жеребенокъ.

10-го Ноября пересѣкли мы сѣверный тропикъ и въ тотъ же день искали островъ *Декстеръ*, а 15-го Ноября островъ *Св. Варѳоломея*, принадлежащихъ къ числу такихъ же открытій какъ и островъ *Колунасъ*, и съ такимъ же успѣхомъ. Во все сіе время не имѣли мы ни малѣйшихъ признаковъ близости земли; море было весьма пусто; только изрѣдка показывались парящіе фаэтоны (*Paille en queue*) и большіе петрели, отлетающіе, какъ извѣстно, на большое стѣ берега разстояніе.

17-го Ноября подошли мы къ коралловой группѣ *Броуна* (Brown's Range), открытой въ 1794 году Англійскимъ мореходцемъ *Бутлеромъ*, которой долготу мнѣ хотѣлось повѣрить. Въ сей и слѣдующій день осмотрѣли мы въ весьма близкомъ разстояніи сѣверную и западную сторону сей группы, состоящей изъ 30-ти островковъ соединенныхъ сплошнымъ коралловымъ рифомъ, заключающимъ въ себѣ лагунъ. Группа имѣетъ видъ круглый, въ окружности 75 миль. Острова покрыты густою зеленью, въ которой не видно однакожъ ни кокосовыхъ, ни хлебныхъ деревьевъ, — слѣдственно необитаемы. Въ послѣдствіи будемъ мы имѣть много случаевъ говорить объ островахъ сего образованія — одномъ изъ величайшихъ чудесъ природы, кои увидѣвшаго ихъ въ первый разъ наполняютъ неизъяснимымъ, благоговѣйнымъ чувствомъ удивленія ко всемогуществу Творца вселенной.

Продолжая отсюда путь къ Югу, увидѣли мы наконецъ 4-го Дек. по утру островъ *Юаланъ* къ Западу въ разстояніи около 45 миль, но не прежде вечера могли приблизиться къ нему на разстояніе 8 или 10 миль; высоты острова, не взирая на малое его пространство, нарушили правильность пассада; во весь день дулъ онъ тихо, а ночью вѣтръ вертѣлся кругомъ всего компаса, при непрерывномъ дождѣ, съ отдаленною грозою. Въ слѣдующій день штилевали мы подъ сѣвернымъ берегомъ острова въ разстояніи 3 или 4-хъ миль. На берегу видно было нѣсколько домовъ и во многихъ мѣстахъ дымъ; но къ удивленію нашему во все утро не показывалась ни одна лодка; наконецъ около полдня увидѣли одну,

шедшую съ восточной стороны острова. Въ ней было четыре человѣка, изъ коихъ двое пожилыхъ сидѣли по срединѣ, на нѣкотораго рода платформѣ, и не гребли. Они безостановочно пристали къ шлюпу, произнося безпрестанно протяжнымъ голосомъ Уэ...! и по первому приглашенію одинъ изъ старшихъ, а потомъ одинъ за другимъ и остальные, безъ обиняковъ взошли на судно. Начались предлинныя рассказы, изъ коихъ мы очень ясно поняли только то, что они приглашали насъ на берегъ, гдѣ можно спать, гдѣ много кокосовъ и женщинъ, изъясняя послѣднее весьма не двусмысленнымъ образомъ. Гости наши весьма непринужденно сѣли въ кружокъ на палубу, разговаривали, смѣялись, часто вытягивая свое Уэ! По непринужденному обращенію ихъ сей часъ было видно, что судно наше уже не первое ими посѣщенное. Болѣе всего удивленіе ихъ возбуждалъ цвѣтъ нашего тѣла; они часто сравнивали его со своимъ, и показывали что ихъ тѣло чернѣе отъ солнца. Они можетъ быть долго бы у насъ пробесѣдовали, еслибъ лодка ихъ не оторвалась. Это прекратило бесѣду; и они отправились, по видимому довольные новымъ знакомствомъ. Мы видѣли какъ они встрѣтились съ другою лодкою, съ той же стороны къ намъ ѣхавшею. На этой, кромѣ двухъ гребцовъ, былъ одинъ только, и также пожилой человѣкъ, который, приставъ къ борту, съ большею горячію, скоро, много и громко говорилъ, повторяя часто слово *Юросъ* (означающее, какъ мы послѣ узнали, начальника), показывая на островъ и на уѣхавшую лодку. Немногіе промежутки его патетической рѣчи наполнялись забавнымъ Уэ! Промѣнявъ съ подюжины кокосовыхъ орѣховъ на

нѣсколько пуговицъ, оставилъ онъ насъ не переставая говорить и не внимая приглашеніямъ нашимъ взойти на судно. Вслѣдъ за нимъ пріѣхала третья лодка съ двумя человѣками, кои получа бусъ и пуговицъ за орѣхи, чрезъ нѣсколько минутъ отправились домой.

Этимъ кончились первыя наши сношенія съ Юа-ланцами, которыми мы довольнѣе были бы, еслибъ они посѣтили насъ не съ пустыми руками. Съ дюжину кокосовъ и нѣсколько аршинъ сахарнаго тростнику было все что мы съ трехъ лодокъ получили.

Ночь была тихая и дождливая. По утру (24) увидѣли, что теченіе отнесло насъ миль на 12 отъ берега, въ какомъ разстояніи безвѣтріе заставило насъ пробыть весь день; и потому гостей не ожидали; однакожь въ 4-мъ часу пріѣхали къ намъ три лодки. На одной изъ нихъ былъ молодой человѣкъ, на котораго всѣ указывали, говоря: *Юросъ*. Посѣтители взошли на судно, не показывая никакого безпокойства, кромѣ молодаго Юрося, называвшагося *Нена*, который или держался за меня, или требовалъ чтобы я былъ возлѣ него. Подарки принимали они съ обыкновеннымъ Уэ...! не обнаруживая однакоже безмѣрной радости, часто замѣчаемой въ дикаряхъ. Въ свитѣ *Нены* былъ одинъ молодой человѣкъ *Оа*, отличавшійся необыкновенною смышленностію; онъ съ первой минуты сталъ примѣняться къ нашимъ обычаямъ, не хотѣлъ иначе сидѣть какъ на стулѣ, плевать иначе какъ въ песочницу и даже, кашлянувъ разъ на палубѣ, хотѣлъ для того бѣжать внизъ, и т. п. Непринужденная, однакоже ни сколько не шумная веселость сихъ людей была чрезвычайно привлекательна; довѣренность съ

которою они мѣшались между нами, доказывала чистоту и ихъ намѣреній; новые предметы натурально привлекали ихъ вниманіе; они показывали необыкновенное въ дикихъ здравомысліе; каждой вещи старались узнать употребленіе; фортепіано имъ понравилось, но не произвело ни какихъ кривляній: напротивъ того *Оа*, тотчасъ подвинулъ стулъ и сталъ аккомпанировать игравшему; потомъ поднялъ сукно и старался узнать, какъ инструментъ сдѣланъ; кузница гдѣ въ то самое время производилась работа, причинила нѣсколько длинныхъ *Уэ*. . . . ! *Оа* тотчасъ понималъ что дѣлаютъ ножъ, и спросилъ: не для него ли? Всѣ вели себя съ удивительною пристойностію; не было ни конюченья, ни докучливости, и (на этотъ разъ) ни малѣйшаго слѣда почти между всѣми племенами Южнаго моря общаго порока воровства. Словомъ они весьма выгодно отличались отъ всѣхъ народовъ сей части свѣта изъ описаній намъ извѣстныхъ; даже отъ Радакцевъ. *Нена* отличался предъ всѣми большею пристойностію и нѣкоторою важностію обращенія; но также и особенною трусostí. Онъ иначе не ходилъ по судну какъ держась за меня; провести его мимо кузницы стоило мнѣ не малаго труда; внезапный звонъ колокольчика привелъ его въ содроганіе, однакожъ послѣ онъ имъ забавлялся. Онъ пожелалъ узнать что за вещь зрительная труба, и я поставя ее на фокусъ хотѣлъ ему показать въ нее его жилище; однакожъ одно приготовленіе его перепугало; онъ едва рѣшился въ нее взглянуть и просилъ чтобы я ее скорѣй положилъ въ сторону; кажется что онъ зрительную трубу принялъ за ружье или что нибудь подобное.

Хотя новые знакомцы наши были стольже худо снабжены какъ и первые, но не взирая на то сдѣлали на насъ самое пріятное и для нихъ выгодное впечатлѣніе.

Въ ночь отнесло насъ отъ берега еще далѣе прежняго. Въ слѣдующій день (25 Ноябр.) возставали съ разныхъ сторонъ вѣтерки, пользуясь которыми приближились мы довольно къ западной сторонѣ острова, гдѣ находится гавань *Ла Кокиль*, въ которой я намѣревался остановиться. Послѣ полдня пріятели наши стали къ намъ выѣзжать одинъ за другимъ, и наконецъ собралось у насъ 6 или 7 лодокъ. Замѣтя, что мы правимъ на западную сторону острова, они показывали на восточную и твердя *Лелла, Лелла*, старались склонить насъ чтобы мы туда шли, и кажется считали насъ пустыми людьми, что ихъ не слушаемъ. Мы съ самаго начала могли замѣтить, что пріятели наши плохіе навигаторы; довольно неловкія лодки ихъ управляемы еще неловче. Сегодня они у борта перепутались и одну лодку изломало совершенно; впрочемъ это ни на минуту не нарушило общаго веселія; мы легли въ дрейфъ, изломанную лодку подняли и стали починивать, и хозяева ее тотчасъ, и кажется охотно, помирились съ мыслию у насъ ночевать; одинъ изъ нихъ былъ *Юросъ Касе*, самый первый изъ нашихъ знакомыхъ, другой молодой *Юросъ Ся*, отличавшійся особенно пріятною наружностію. Ночевать у насъ, можетъ быть для диковинки, понравилось многимъ, и пріятель мой *Нена* объявилъ, что онъ хочетъ вмѣстѣ съ *Оа* остаться у меня; но чтобы я и его лодку поднималъ на судно. Это было невозможно, и *Нена* тотчасъ согласился от-

пустить ее домой. Узнавши что *Нена* остается, никто не былъ намѣренъ насъ оставить, и намъ довольно труда стоило толкуя *Мотюль*, *Лелла*, *Оакъ*, и пр. отдѣлаться отъ толпы. Въ это время объявилъ претензію одинъ Юрось, о которомъ я до той минуты ничего не зналъ, и который по замѣчанію всѣхъ былъ самый важный. Лодка его была больше всѣхъ, и команда многочисленнѣе; — въ немъ узналъ я того, который въ первый день такъ много у борта разглагольствовалъ. Онъ говорилъ, что если *Нена* остается, то и онъ хочетъ, — я былъ и не прочь; но не успѣлъ оглянуться какъ онъ уѣхалъ и кажется не очень въ духѣ.

Сегодняшніе посѣтители еще болѣе утвердили доброе наше о нихъ мнѣніе. Спокойствіе и довѣренность съ какою десять человѣкъ согласились, отпустить лодки, остаться ночевать на суднѣ подъ парусами — едва ли имѣетъ примѣръ. Они вели себя очень хорошо; *Нена* и *Оа* расположились у меня въ каютѣ, прочіе на верху. Моихъ забавлялъ я картинами въ Атласѣ Крузенштерна; они узнавали многія вещи и называли ихъ своими именами. Узорчатые Нукагивцы обратили на себя особенное ихъ вниманіе. Морай причинилъ длинное Уэ...! и они показывая на идоловъ говорили: *Лелла*, *Эолъ*. Они рано стали дремать; однакожь услыша звукъ тарелокъ за ужиномъ и узнавъ причину его, забыли сонъ и присоединились къ намъ. Нашъ столъ понравился имъ кажется менѣе, нежели ихъ кухня намъ: мой пріятель *Нена*, великій прихотникъ и лакомка, предвидя можетъ быть, что будетъ у меня ночевать, привезъ съ собою кисель, сдѣланный изъ толченаго кокоса, сока сахарна-

го тростника, и еще одной вещи, которой мы не могли понять. Это блюдо всѣ мы нашли весьма вкуснымъ.

26-го Ноября вѣтръ утвердился отъ NO и мы могли наконецъ подойти къ западной сторонѣ острова. Предвидя хлопотливыя работы, предлагалъ я гостямъ нашимъ отправиться домой; однакожъ всѣ предпочли провожать насъ въ *Юаланъ* — слово, которое они безпрестанно твердили, показывая за видимую NW оконечность острова. Увидя около полдня отверстіе въ рифахъ, отправилъ я Лейтенанта Завалишина для осмотра онаго, и убѣдясь, что это точно искомая нами гавань пошелъ къ ней подъ всѣми парусами. Вѣтръ дувшій прямо изъ гавани, заставилъ насъ положить якорь въ самомъ устьѣ оной на 35 саженьхъ глубины, имѣя по обѣ стороны коралловые рифы въ разстояніи около 70 сажень. Тотчасъ стали тянуться на завозахъ далѣе; но не успѣвъ пройти узкости прежде ночи, рѣшился я остаться тутъ на якорѣ, не предвидя въ томъ большой опасности, потому, что крѣпкаго вѣтра можно было ожидать только съ берега.

Гостей нашихъ успѣлъ я спровадить ночевать на берегъ, потому что они намъ въ хлопотахъ были въ тягость. Здѣсь сдѣлали мы нѣсколько новыхъ знакомствъ. Примѣчательнѣйшія были: *Юросъ Сине*, человекъ важный, судя по шуму съ какимъ возвестили намъ пріѣздъ его, и еще два пожилые Юрося *Кики* и *Доа*, изъ ближайшаго селенія Люаль, любезнѣйшіе изъ всѣхъ доселѣ знаемыхъ. Они привезли намъ свѣжеспеченныхъ хлѣбныхъ, плодовъ столько, что всей командѣ досталось, прочихъ фруктовъ по соизмѣрности. Съ первой минуты были мы какъ ста-

рые знакомые; объятія слѣдовали за объятіями, шутки за шутками.

Желая быть сколь можно на дружеской ногѣ со всѣми, позволилъ я сначала пускать на судно всѣхъ безъ разбора; отъ чего на палубахъ почти нельзя было пошевелиться. Это не только затрудняло насъ въ работахъ, но и дало поводъ къ непріятному открытію, что не всѣ островитяне такъ честны какъ ихъ начальники; вчера пропалъ со шканецъ термометръ въ футлярѣ, а сегодня не доискались трехъ кофельнагелей (*). Я рѣшился употребить всѣ средства чтобы не только воротить потерянное, но и предупредить подобные случаи, въ которыхъ мы можетъ быть самихъ себя болѣе должны упрекать нежели ихъ. Имъ надлежало бы быть выше людей, чтобы не подпасть искушенію присвоить себѣ одну или двѣ изъ многихъ драгоцѣнностей около ихъ какъ будто нарочно для того разбросанныхъ, чтобы ввести ихъ въ это искушеніе.

Съ наступленіемъ ночи положеніе наше способно было возбудить самыя мрачныя мысли: непроницаемая темнота усугублялась еще отъ густыхъ тучъ, изъ которыхъ по временамъ изливался сильный дождь; съ обѣихъ сторонъ грозно разбивавшееся о скалы море ревѣло часъ отъ часу сильнѣе; мелькавшіе сквозь темноту буруны, казались еще ближе чѣмъ были; все вмѣстѣ производило впечатлѣніе, которое было далеко отъ пріятнаго, и которое, взирая на всякое разсужденіе, безпрестанно возобновляло мысль о близкой опас-

(*) Большіе желѣзные гвозди, за которыя крѣпятся снасти.

ности. Для насъ она и дѣйствительно была не далека. Въ самую полночь нашель съ проливнымъ дождемъ жестокой шкваль отъ О, которымъ насъ стащило и съ верповъ и съ якоря и поворота бокомъ къ вѣтру, повлекло діагонально. Къ счастію судно обратилось носомъ въ ту сторону, съ которой рифы недалеко простирались въ море; еслибъ оно обратилось въ другую, то мы чрезъ минуту были бы на камняхъ; теперь же шлюпъ вынесло прямо въ море, и потеря наша ограничилась двумя верпами кои должно было отрубить.

На разсвѣтъ (27 Ноября) находились мы около одной мили отъ входа въ гавань, въ которую, пользуясь тихими переменными вѣтерками вошли наконецъ благополучно около 11 часовъ.

Сине и *Нена* встрѣтили насъ сопровождаемые множествомъ лодокъ, нагруженныхъ плодами. На сей разъ входъ на шлюпъ возбраненъ былъ всѣмъ, кромѣ старшинъ, дабы остальныхъ избавить отъ искушенія на воровство. Многіе, веселившіеся у насъ въ первые дни, грустно посматривали съ лодокъ своихъ на шлюпъ, сравнивая теперешнее отлученіе съ прежнимъ у насъ раздольемъ. Лишь я покажусь, всѣ кричатъ: *Юрось! Оака!* Мнѣ и самому было ихъ жаль, но я считалъ нужнымъ показать всѣмъ, что я принимаю это дѣло не въ шутку. Двухъ главныхъ моихъ гостей, *Сине* и *Нену* старался я вразумить о сдѣланномъ у насъ похищеніи; и объяснить имъ что я рѣшился настоять, чтобы намъ украденныя вещи возвратили; и что ни одинъ изъ нихъ не получить отъ меня ничего, покуда ихъ не отыщеть. Они это поняли, приняли къ сердцу, и поговоривъ что-то лю-

дямъ своимъ въ лодкахъ, оставили насъ, вмѣстѣ со всей своей свитой.

На другой день (28 Ноября) перетянулись мы далѣе внутрь гавани вплоть къ островку *Матаніялю*, на которомъ имѣлъ обсерваторію Капитанъ *Дюперре*, и гдѣ я также намѣревался расположить свою. Я провѣлъ весь день на семъ островкѣ занимаясь наблюденіями, окруженный толпою островитянъ. Около палатки обведена была на песокъ черта, которую никто переступить не покусился. Они со вниманіемъ слѣдовали за каждымъ моимъ движеніемъ; по временамъ вытягивали свое Уэ....!, очень много говорили и еще болѣе смѣялись. Они меня часто отрывали отъ работы: — видя эти добрыя, покойныя, веселыя лица, стольже далекія отъ робости, какъ и отъ дерзости, не возможно ими не заняться. Увидя компасъ закричали они въ голосъ: *Le sacre comment*, и потомъ стали толковать объ *Оакѣ* (кораблѣ), которая была здѣсь очень, очень давно, и останавливалась въ *Леллѣ*. Услыша выстрѣлы нашихъ охотниковъ, они опять закричали: *Le sacre comment*. Это же восклицаніе употребилъ и прежде нѣсколько разъ *Сине*, увидя предметы, его изумившіе. Все это убѣдило насъ что они удержали эти слова со времени *Кокили*. Но не странно ли, что изъ тысячи французскихъ словъ ими слышанныхъ, удержали они въ памяти только эту бессмыслицу? (*) Нѣсколько разъ старались мы узнавать, не помнятъ ли они именъ: *Дюперре*, *Ко-*

(*) Нѣкоторые будтобы слышали: *Сивульпе* (*s'il Vous plait*). Я этого не слышалъ.

киль, и другихъ, которыя они чаще должны были слышать, но всегда тщетно. Они повторяли за нами, и весьма ясно, слова эти, повидимому совсѣмъ не понимая ихъ значенія.

Убѣдясь въ добродушіи и смирномъ нравѣ Юаланцевъ, рѣшился я исполнить намѣреніе мое о произведеніи здѣсь опытовъ надъ отвѣсомъ, и съ сею цѣлью расположился (29) станомъ на островкѣ *Матаніяль*. Чтобы обезпечить себя отъ маленькихъ шалостей, обнесли мы станъ нашъ съ морской стороны оградой изъ камней, а съ береговой абордажною сѣткою. Жители не только этому не препятствовали, но еще и сами очень усердно помогали нашей работѣ.

Однимъ изъ постояннѣйшихъ посѣтителей нашихъ на берегу, былъ добрый нашъ сосѣдъ *Каки*, который регулярно cadaго утра приносилъ намъ печеныхъ хлѣбныхъ плодовъ и кажется не въ ожиданіи возмездія. Однажды привезъ онъ съ собой сына, мальчика лѣтъ четырехъ, который сидя на спинѣ его верхомъ боялся меня конечно болѣе, нежели у насъ мальчикъ того же возраста боится трубочиста или Арапа. Когда я къ нему приблизился, то онъ дрожа всѣмъ тѣломъ визжалъ изъ всей мочи. Страненъ или страшенъ бываетъ не черный, и не бѣлый цвѣтъ, но цвѣтъ противоположный нашему. Это мнѣ напомнило одно сатирическое сочиненіе, въ которомъ какой то *черный* Царь сказалъ про посла одного изъ Европейскихъ: «правда что онъ имѣетъ сходство съ человѣкомъ, но бѣлъ какъ ч ъ.» Мы пугаемъ ребятишекъ трубочистами; Эѳіопіане пугали бы своихъ мельниками или парикмахерами — еслибъ они у нихъ были. Цвѣтъ тѣла Англійскаго путешественника *Денеама* былъ до

такой степени противень женщинамъ одного города внутри Африки, что одинъ взглядъ на него причинялъ имъ припадки морской болѣзни.

Мы, съ своей стороны, могли подумать, что дамы Юаланскія убѣгаютъ насъ, опасаясь такихъ же припадковъ. Совершенное отсутствіе ихъ насъ изумляло. Онѣ не только не показывались къ намъ, но и въ ближайшихъ селеніяхъ нигдѣ не встрѣчались; такъ что можно было подумать, что всѣ онѣ усланы куда нибудь внутрь острова, хотя это не согласовалось ни съ довѣренностію жителей къ намъ, ни съ нѣкоторыми пантомимами первыхъ посѣтителей.

О *Сипъ* и *Ненъ* не было никакихъ слуховъ съ самаго того дни, какъ мы имѣли серіозное объясненіе о покражахъ. Мы догадывались, что они не рѣшаются показаться не отыскавъ оныхъ, и не ошиблись. 30-го поутру явился наконецъ другъ мой *Нена* и объявилъ съ радостію, что въ слѣдъ за нимъ ѣдутъ Юросы *Сипе* и *Сигира*, которые везутъ *масса* (жельзо), выставя три пальца, въ которыхъ мы узнали наши три кофельнагеля. И дѣйствительно чрезъ нѣсколько минутъ пріѣхали и послѣдніе съ кофельнагелями завернутыми въ банановые листья. Послѣдовали длинные рассказы, какъ и гдѣ они найдены, изъ коихъ я натурально ничего не понялъ; но радость ихъ была не двусмысленна; *Сипе* нѣсколько разъ принимался меня обнимать. Въ жару комплиментовъ не забылъ онъ однакоже о *Телла* (топоръ); я помнилъ не хуже его свое обѣщаніе; подарки были готовы. Разсадя старшинъ по чинамъ въ палаткѣ, велѣлъ я внести съ торжествомъ назначенныя имъ сокровища — на каждаго по топору, рубашкѣ съ запонкою и зеркалу, что-

бы они скорѣе могли имѣть удовольствіе видѣть великолѣпное свое убранство. Они были въ восхищеніи и *Cine* въ восторгѣ снялъ съ себя и на меня надѣлъ ожерелье свое изъ сухой травы, которое одна-коже такъ сильно терло опаленную солнцемъ шею мою, что я не могъ продержать его на себѣ ни минуты. — Послѣ нѣсколькихъ словъ объявили они желаніе ѣхать на шлюпѣ, чтобы показать *Cieurt* (который у насъ еще не былъ) Юрося *Николая* (Портретъ *Государя Императора*). Возвратясь оттуда застали они насъ за обѣдомъ, въ которомъ не отказались взять участія. За столомъ *Cine* вздумалось помѣняться именами съ Г-мъ *Ратмановымъ* — первый примѣръ сего общаго въ Южномъ морѣ обыкновенія. Тотчасъ и другіе тогоже захотѣли, и на мою долю пришелся пріятель мой *Нена*. Онъ вышелъ изъ палатки и объявилъ толпѣ, что онъ отнынѣ *Юрось Лицке*, а что *Нена* сидитъ въ палаткѣ; народъ изъявилъ свое одобреніе длиннымъ Уэ!

Съ сего времени были мы въ безпрестанныхъ и самыхъ дружескихъ сношеніяхъ съ жителями; и какъ мы никого не отпускали съ пустыми руками, то ежедневно имѣли посѣщенія старшинъ изъ *Леллы*. Я назову главнѣйшихъ, для того болѣе, чтобы дать понятіе объ именахъ ихъ: *Канка*, отецъ Нены, веселый и любезный старикъ, въ которомъ мы узнали старшину упоминаемаго Г. Лессономъ (*); *Cieuar-*

(*) Un vieillard plein de vigueur, très jovial, dont les traits sereins et calmes respiraient une douce autorité. Sa chevelure et sa longue barbe blanche, ondoyant sur sa poitrine, lui donnaient une physionomie vénérable.

ка, Сеоа, Сеза; Нена или *Лицке*, какъ его называли, являлся часто и брался быть Чичерономъ для другихъ, нерѣдко изъясняя то, чего и самъ не понималъ. Посѣтители снабжали насъ въ изобиліи хлѣбными плодами, сахарнымъ тростникомъ, и умѣреннѣ кокосами и бананами.

Декабря 2-го имѣли два первые дамскіе визита: Г-жа *Каки* въ сопровожденіи всѣхъ почти женщинъ изъ *Люалья*; кои пробалагурия у насъ болѣе часа, щедро одаренныя, побрели чрезъ воду домей: хохоть ихъ и болтанье долго еще были слышны.

Другое посѣщеніе, 3-хъ или 4-хъ молоденькихъ и пригожихъ дѣвушекъ изъ предѣловъ дальнѣйшихъ имѣло цѣль гораздо менѣе чистую. Сопровождавшіе ихъ родственники, или можетъ быть господа, нима-ло не двусмысленными знаками изъясняли цѣль своего прибытія. Мы не извѣдали опытомъ точно ли это было ихъ намѣреніе, или только хитрость, чтобъ выманить у насъ нѣсколько подарковъ; но если мы не ошибались, лица посѣтительницъ выражали неудовольствіе о неудачномъ покушеніи. Къ чести ихъ должно однакоже прибавить, что онѣ во все время вели себя очень скромно.

Пользуясь первою свободною минутою, ѣздила я (4) на байдаркѣ въ селеніе *Люаль*. Чтобы достигнуть до него, должно проѣхать сквозь опушку мангрововъ и другихъ растеній окружающихъ берегъ сажень на 100 или болѣе. Странно и интересно проѣзжать въ лодкѣ сквозь весьма густую рощу деревь растущихъ на тысячесводной аркадѣ, воздымающейсѣ изъ воды безчисленнымъ множествомъ отраслей, кои сплетеніемъ своимъ образуютъ непроницаемую стѣну.

Селеніе Люаль лежитъ на весьма крутомъ берегу въ густой рощѣ хлѣбныхъ, банановыхъ и пандановыхъ деревьевъ. Дома, или лучше сказать шалаши, оное составляющіе, разбросаны безъ всякой правильности или порядка. Мы нашли ихъ совершенно пустыми. Ни одной души не вышло къ намъ на встрѣчу, и еслибъ не два или три простолюдина, намъ уже извѣстные, которые лежа небрежно на рогожкахъ въ большомъ шатрѣ приглашали насъ сѣсть, то можно бы почестъ селеніе вовсе покинутымъ. Это обстоятельство, и прежде уже замѣченное, мы не знали какъ изъяснить. Довѣренность и пріязнь къ намъ жителей, ласковое наше съ ними обращеніе и подарки которыми мы ихъ осыпали, никакъ не позволяютъ предположить, чтобы они изъ ревности или боязни прятали отъ насъ свои семейства. Невѣроятно также, чтобы они уѣзжая куда нибудь на время увозили всѣхъ съ собою.

Прогулка наша была непродолжительна, потому что въ одномъ шагу отъ селенія начинались овраги, плетни и непроходимая чаща. Мы готовились уже ѣхать обратно, какъ прибылъ Юрось *Сигира*. Онъ былъ на пути къ намъ. Его пріѣздъ пооживилъ сцену; сей часъ принесли плодовъ и началось стряпанье. Мы тутъ въ первый разъ видѣли приготовленіе *Сека*, которое *Сигира* началъ тѣмъ, что отломилъ всѣ вѣтви съ листьями и принесъ ихъ въ даръ божеству, поставя на особо устроенное мѣсто въ углу, съ весьма торжественнымъ и таинственнымъ видомъ (*).

(*) О приготовленіи *Сека* будетъ говорено въ другомъ мѣстѣ по-дробнѣе; почему я здѣсь объ этомъ не распространяюсь.

Сиенра сопровождалъ насъ до стана, съ небольшимъ запасомъ фруктовъ, обѣщавъ на другой день привезти болѣе.

На слѣдующее утро первая новость, что ночью съ одной изъ шлюпокъ украденъ дреггъ (маленькій якорь). На сіе первое наглое воровство не могъ я уже смотрѣть сквозь пальцы; и потому когда *Сиенра* пріѣхалъ съ обѣщаннымъ, то ему сказано, что мы ни съ кѣмъ изъ нихъ не хотимъ имѣть никакого дѣла покуда не отыщется дреггъ. Оставя лодку съ фруктами у насъ, отправился онъ немедленно въ Люаль для поисковъ, однакожь чрезъ часъ, не являясь самъ, прислалъ за своей лодкой, изъ чего мы возымѣли подозрѣніе, что онъ не совсѣмъ чистъ въ этомъ дѣлѣ. Не желая начинать ссоръ, не велѣлъ я лодки его задерживать. Ввечеру посѣтили насъ Юросы *Нена* и *Сеза*, первый съ подаркомъ отъ *Канки*. Я обѣимъ жаловался на покражу, не далъ ни одному топора какъ они ни просили, но обѣщаль если отыщутъ дреггъ.

По утру *Сеза* явился опять, но ничего не хотѣлъ знать объ дреггѣ и слѣдственно не получилъ топора; зеркало въ золотой рамкѣ повидимому совершенно его утѣшило, онъ забавлялся пуская зайчиковъ по глазамъ своихъ вассаловъ; потомъ заставлялъ ихъ плясать; словомъ былъ веселье чѣмъ когда нибудь; все это была хитрость, чтобы отвлечь наше вниманіе. Занятые астрономическими наблюденіями были мы внезапно встревожены крикомъ: карауль! вмигъ все было въ ружьѣ. Я тотчасъ велѣлъ захватить *Сезу*, однакожь онъ со всѣми клевретами былъ уже въ полной ретирадѣ по берегу къ *N*, что и показало его

зачинщикомъ шума. Я опасался драки, но успокоился узнавъ, что все дѣло состоитъ въ похищеніи топора. Плотникъ нашъ, чтобы стукомъ своимъ не мѣшать нашимъ наблюденіямъ, вышелъ работать вонъ изъ стана. Одинъ изъ дикихъ, котораго за минуту до того видѣли перешептывающимся съ *Сезою*, подкрался къ нему сзади, ударомъ въ голову сбиль съ ногъ и выхватя топоръ пустился бѣжать чрезъ отмель въ лѣсъ. Привычнѣйшій насъ къ такой прогулкѣ воръ отъ насъ ушелъ, и потому намъ оставалось только захватить до полудюжины лодокъ близъ насъ бывшихъ, изъ коихъ двѣ принадлежали *Сезѣ*, а прочія нашимъ пріятелямъ Люальскимъ. Одного изъ нихъ *Легиака* отправили мы парламентаромъ къ *Сезѣ* съ приглашеніемъ къ намъ придти, но безъ успѣха, и вся толпа его скрылась за мысомъ къ Сѣверу. Мы приняли мѣры на случай, еслибъ миролюбные наши хозяева вздумали ополчиться — удвоили карауль на берегу и поставили въ приличномъ мѣстѣ фалконетъ. Лодки вытасцены были на берегъ и я приказалъ въ глазахъ нашихъ плѣнныхъ сдѣлать всѣ приготовленія къ сожженію оныхъ; потомъ отпустилъ ихъ съ изъясненіемъ, что если украденное не будетъ возвращено, то всѣ эти лодки и еще многія другія непременно будутъ сожжены.

Подъ вечеръ пріѣхалъ къ намъ *Какъи*, возвращавшійся изъ Леллы, съ женою и дѣтьми, и въ сопровожденіи парламентаря нашего, старика *Легиака*. Чрезъ него зналъ онъ уже обо всемъ, о захваченныхъ лодкахъ и плѣнныхъ, о намѣреніи нашемъ возвратить свое во что бы ни стало; и не взирая на то, съ великодушіемъ и довѣренностію, необыкновенными въ дикомъ,

вышелъ прямо къ намъ, презирая страшный визгъ ребятъ, кои всѣми силами старались его удерживать и съ отчаянія рвали на себѣ волосы. Разумѣется, что столь благородная черта не осталась съ нашей стороны безъ возмездія; онъ и все его семейство были осыпаны подарками. *Каки* весьма опорочивалъ поступокъ *Сезы*, по приказанію котораго были похищены и топоръ и дреггъ, находящіеся теперь въ селеніи *Тепатль*, принадлежащемъ сему старшинѣ.

Между тѣмъ жена его, которая до того оставалась въ лодкѣ, изъявила желаніе видѣть мою ставку и натурально была принята съ должною честію. Множество новыхъ вещей безпрестанно извлекали у нее то *Уэ!*, то *le sacre comment!* Старикъ хохоталъ отъ восхищенія видя вниманіе наше къ его женѣ и ребенку. Конечно никогда хозяинъ и гость не были болѣе другъ другу рады, какъ при этомъ случаѣ.

Отправля семейство домой, *Каки* остался у меня ночевать къ большому моему удовольствію, ибо бесѣда его, не взирая на недостаточныя средства объясненія, была для меня всегда интересна. Поутру жаловался онъ только, что часовые окликаами своими часто его пугали.

Я помышлялъ о средствахъ какъ бы, не доходя до крайностей, настоять на своемъ и возвратить покражи. Надежнѣйшее было конечно задержать кого нибудь изъ главныхъ юросовъ; и ввечеру 7-го представился къ тому случай: къ намъ пріѣхалъ *Юросъ Сео а*. По приближеніи его *Каки*, находившійся въ это время у меня въ гостяхъ со всѣмъ своимъ семействомъ, выпроводилъ женскую половину за ограду нашего стана, а самъ сѣлъ предъ палаткой на землю,

это знакъ уваженія. Я принялъ *Сеоа* холодно, не взялъ его подарковъ, старался съ помощію *Каки* изъяснить причину этого, и наконецъ объявилъ ему, что онъ долженъ остаться у насъ, отправя лодку свою въ *Тепатъ* къ *Сезъ* требовать топора и дрегга. Онъ съ радостію согласился остаться у насъ ночевать, воображая что мы только намѣреваемся его угостить; когда же понялъ въ чемъ дѣло, то показался встревоженнымъ. Отправленіе лодки хотѣлъ онъ все отложить до завтра, наконецъ по рѣшительному настоянію моему ее отправилъ, но приказаніе его было дано такъ, что она вмѣсто *Тепата* поѣхала въ *Люаль*. Въ сумерки объявилъ я ему, что онъ долженъ ѣхать спать на шлюпъ: это вдосталь его смутило; великаго труда стоило его къ тому склонить; онъ былъ въ страшной дилеммѣ: видя невозможность не послушаться, и не зная что его ожидаетъ на суднѣ. Впрочемъ онъ скоро успокоился и развеселился; только не соглашался отпустить *Каки*, который такимъ образомъ долженъ былъ раздѣлить его арестъ.

Въ слѣдующій день никакихъ слуховъ, ни о пропажахъ, ни о комъ изъ дальнихъ; но ближніе сосѣди съ обыкновенною довѣренностію и спокойствіемъ насъ посѣщали. *Сеоа* былъ спущенъ на берегъ, но не взирая ни на какія просьбы не получалъ свободы. Въ отчаяніи покусился онъ бѣжать, но былъ пойманъ, и тогда пришелъ въ совершенное уныніе. Сжалась надъ нимъ, рѣшился я его отпустить; но прежде въ присутствіи его и многочисленной толпы приказалъ торжественно изрубить одну изъ *Сезиныхъ* лодокъ, изъяснивъ имъ, что если завтра не возвратятся похищенные вещи, то и съ другими также поступлено бу-

детъ. Я весьма неохотно рѣшился на сію мѣру; но почиталъ ее необходимою, дабы показавъ имъ, что они обижая насъ сами болѣе теряютъ, удержать ихъ отъ дальнѣйшихъ шалостей. Опыты всѣхъ прежнихъ путешественниковъ доказываютъ, что ласковое и снисходительное обращеніе съ дикими, но соединенное съ твердостію и настойчивостію, а когда нужно то и обнаруженіе силы, есть единственное средство сохранить съ ними постоянный миръ и согласіе. Народъ, для котораго въ тѣсныхъ предѣлахъ небольшого островка заключается міръ, и который только что узналъ о существованіи породы людей отъ него различной, никакъ не можетъ имѣть тѣхъ же понятій о справедливости и собственности, какія имѣемъ мы; и потому наказывать его по нашему за то, что по нашимъ понятіямъ есть преступленіе, конечно было бы несправедливо и жестоко. Но съ другой стороны послабленіе въ началѣ необходимо поощряетъ ихъ, какъ дѣтей избалованныхъ, къ новымъ дерзостямъ, которыхъ часто нельзя иначе удержать какъ кровопролитіемъ. Я тѣмъ болѣе старался избѣжать сей крайности, что островитяне и въ самой распрѣ показали себя добрѣйшимъ народомъ. Не взирая на непріязненныя наши мѣры противу виновника ссоры, и угрозы принять еще сильнѣйшія, сосѣди наши, неучаствовавшіе въ воровствѣ, оставались около насъ съ веселыми своими лицами, а почтенный *Каки* съ философскимъ своимъ спокойствіемъ, которое и не дикому сдѣлало бы честь. Многіе шутили на счетъ кратковременнаго своего плѣна, а одинъ (*Легиакъ*) такъ полюбилъ матроса, который дюжею рукою схватя его въ водѣ за поясъ повлекъ къ баркасу, что при всякомъ посѣ-

щеніи приносилъ ему по испеченному хлѣбному плоду въ подарокъ.

Мѣра нами принятая не осталась безъ успѣха. На другой же день по истребленіи лодки, *Каки*, по обыкновенію бесѣдовавшій у меня въ палаткѣ, былъ потребованъ домой отъ имени *Cine*, и чрезъ полчаса воротился, въ сопровожденіи всего своего семейства, неся съ торжествомъ дрегъ нашъ, который будто бы найденъ симъ старшиною. Топоръ обѣщано возвратить скоро. Удовольствовавшись этимъ, приказалъ я освободить всѣ лодки, и объявить миръ и дружбу возстановленными, къ общей радости собравшихся около насъ островитянъ, выраженной длинными Уэ!

Гг. натуралисты, кои въ послѣдніе дни, по причинѣ ссоры съ жителями, нѣсколько пріостановили свои прогулки, воспользовались симъ, чтобы посѣтить *Леллу*, общую резиденцію главныхъ старшинъ, которые приняли ихъ самымъ дружескимъ образомъ, и поручили мнѣ сказать, что они съ нетерпѣніемъ ожидаютъ и меня. Я могъ помышлять объ этомъ не прежде, какъ конча всѣ свои работы на берегу. Работы сіи продолжались до 13-го Декабря, когда я опять перебрался на шлюцъ, а слѣдующій день назначенъ былъ для поѣздки въ *Леллу*.

Партія наша состояла кромѣ меня изъ Гг. *Мертенса*, *Постельса*, *Ратманова*, *Крузенштерна*, трехъ матросъ и Алеута съ байдаркой. Намъ предстояли два пути въ *Леллу*: одинъ чрезъ островъ, разлогомъ между горами *Бюашъ* и *Крозеръ*, который есть самое низкое мѣсто и единственное, которымъ можно переходить съ одной стороны острова на другую; — другой по берегу, вокругъ сѣверной

оконечности. Желая при семъ случаѣ осмотрѣть эту часть острова, избралъ я послѣдній путь, намѣреваясь возвратиться первымъ. Кромѣ *Каки*, слѣдовавшаго въ своей лодкѣ нагруженной нашими вещами, сопровождала насъ толпа знакомцевъ, кои съ радостію брались нести наши инструменты и оружіе. Между всѣми отличался старикъ *Леѣіакъ*, который особенно услужливостію своею и всегдашнею веселостію сдѣлался общимъ любимцемъ. Въ настоящую прогулку онъ не отставалъ отъ меня, и несъ либо ружье мое, либо инструменты, которые не могли быть отданы на сохраненіе въ лучшія руки.

Непріятнѣйшая часть пути предстояла намъ при самомъ началѣ. Мы должны были идти по колено въ водѣ вдоль опушки *рицфоръ* и *соннерацій*, простирающейся отъ гавани къ Сѣверу мили на полторы. Впрочемъ такія водяныя прогулки здѣсь, при 23° Р., не имѣютъ того неудобства, какое имѣли бы у насъ; и мы къ нимъ наконецъ до такой степени привыкли, что встрѣтя лужу на пути конечно ни одинъ не сдѣлалъ бы десяти шаговъ лишніхъ, чтобы обойти ее. Потомъ путь лежалъ песчанымъ или коралловымъ берегомъ до самой губы, въ которой лежитъ островъ *Лелла*. Жители вездѣ ласково насъ встрѣчали, предлагая кокосовыя орѣхи для освѣженія.

У берега губы Леллы, къ которой мы подошли уже въ сумерки, ждала насъ лодка Юрося *Сине*, предупредившаго о нашемъ прибытіи, на которой мы всѣ перѣехали на островъ *Леллу*. Весь берегъ, гдѣ намъ надлежало приставать, покрытъ былъ народомъ, высылавшимъ насъ смотрѣть; большая часть были женщины и ребята. Первыя манили насъ къ себѣ и зна-

ками требовали украшеній; но не было ни шуму, ни докучливости. Пріятель мой *Нена* встрѣтилъ насъ по поясъ въ водѣ, объявилъ что *Сине* насъ ожидаетъ и проводилъ къ нему. Послѣдній сидѣлъ въ обѣденной палатѣ и привѣтствовалъ какъ обыкновенно, указаніемъ мѣста гдѣ сѣсть.

Не прошло минуты, какъ явилось посланіе отъ Юрoся *Тогожи*, главнаго на всемъ островѣ, съ привѣтствіемъ и нѣсколькими кокосами. Мы при семъ только случаѣ узнали о существованіи сей важной особы, о которой никто изъ старыхъ нашихъ знакомыхъ не упоминалъ. Я отвѣчалъ, что въ столь позднюю пору не смѣю его беспокоить, но завтра буду благодарить лично.

Усталость заставляла насъ думать прежде всего объ успокоеніи. Замѣтя это, *Сине*, какъ предварительный хозяинъ, поспѣшилъ указать намъ квартиру нашу — особый домъ на весьма чистомъ дворикѣ — который мы поспѣшили занять. Поперекъ дверей положенная байдарка образовала заставу для незваныхъ гостей. Жаркое собственной охоты, супъ Англійскаго приготовленія, хозяйскіе плоды и рюмка вина подкрѣпили наши силы, и мы предались весьма покойному сну, не взирая на очень немягкое ложе, и ужасную возню крысъ во всю ночь.

Одною изъ первыхъ встрѣчъ нашихъ въ Лелѣ была огромная, черная свинья, оставленная здѣсь Французскимъ Корветомъ *Кокиль*, которую мы съ того времени болѣе уже и не видали. Ее увели, вѣроятно, чтобы насъ избавить отъ искушенія. Видя, что мы отъ нихъ требуемъ только сѣстнаго и никогда не имѣемъ онаго довольно, могли они легко

опасаться, что претензію нашу распространимъ мы и на свинью. Животное сіе находилось во владѣніи *Cine*, имѣло особое жилище на одномъ дворѣ съ нами и жило въ большой холѣ. Его кормятъ бананами, отъ чего оно чрезвычайно разжирѣло. Кажется, что *Кошо* (какъ ее тутъ называютъ) не исполнила надеждъ, которыя подавала; ибо кромѣ ее не видали мы на всемъ островѣ ни одного поросенка. Къ счастью у насъ на шлюпѣ оставалась еще чушка, которая почиталась непраздною, и которую я по сей причинѣ рѣшился оставить здѣсь.

Мы встали съ зарею. Первое что насъ заняло, былъ обрядъ въ обѣденной палатѣ у *Cine*, относившійся безъ сомнѣнія до религіозныхъ ихъ понятій. Я опишу его въ подробности ниже, когда буду говорить о семъ предметѣ.

Покуда приготавливали байдарку на которой я намѣревался описывать гавань, сдѣлавъ я въ сопровожденіи *Cine* визитъ первенствующему Юросу. Пройдя чрезъ весьма грязный переулокъ, вошли мы въ домъ, по видимому ничѣмъ не отличавшійся отъ другихъ. Въ обѣденной палатѣ никого еще не было. Немного спустя вошелъ въ боковыя двери съдой старецъ, по наружности лѣтъ около 70, который не обращая на насъ никакого вниманія сѣлъ. Чрезъ нѣсколько минутъ молчанія, *Cine* тихимъ голосомъ проговорилъ: *Юросъ Тогожѣ*; тогда только догадался я, что знаменитая особа уже передъ нами, и потому вставъ привѣтствовалъ его по нашему. Старикъ смотрѣлъ на меня глазами, ничего не выражавшими, и только говорилъ: *Меа?* (Что). Матросъ, меня сопровождавшій, внесъ подарки состоявшіе въ топоръ, но-

жахъ, ножницахъ, буравахъ, напарьяхъ, стругахъ, гвоздяхъ и въ заключеніе бѣлой рубашкѣ и красной шапочкѣ: все это было разложено передъ нимъ, а фуражку я надѣлъ ему на голову. У него разбѣжались глаза и онъ указывая то на то, то на другое, только что повторялъ: *Меа инее?* (что такое). Чтобы изъяснить ему употребленіе каждой вещи, въ лежащемъ возлѣ бревнѣ проверчены были дыры буравомъ и напарьемъ, топоромъ сдѣлано нѣсколько зарубокъ, которыя стругомъ были сей часъ сглажены и проч: — Многіе изъ присутствующихъ очень хорошо все понимали и изъясняли удивленіе свое длиннымъ Уэ ! Старикъ только что твердилъ: *Меа инее?* Фуражка по видимому его беспокоила, но онъ скоро нашелъ ей лучшее употребленіе, сложа въ нее всѣ мелкіе инструменты и завернувъ все въ рубашку. Замѣтя гвоздь, также для опыта въ бревно вколоченный, онъ попробовалъ было вытащить его пальцами, и очень удивился, что гвоздь даже и не шевелится. Это кажется была первая вещь, которую онъ понялъ. Скрывшись на нѣсколько минутъ онъ возвратился съ отдаркомъ состоявшимъ изъ рогожекъ и тканей — я охотнѣе принялъ бы вмѣсто ихъ столькоже пучковъ банановъ и кокосовъ. — Мнѣ намекнули что меня ждетъ супруга хозяина, — я обернулся и увидѣлъ старуху, которая съ улицы заглядывая въ боковую дверь, показывала на свою шею. Ножницы, перстень и нѣсколько нитокъ бусъ ее удовольствовали и доставили мнѣ отдарокъ подобный прежнему.

Между тѣмъ началось приготовленіе Сека, которое отличалось отъ прочихъ тѣмъ только, что во все время одинъ человѣкъ держалъ вверхъ кубокъ хозяи-

на (шелуху кокосоваго орѣха), который не прежде отдалъ стряпунамъ, какъ когда пришло время выдавливать сокъ. Между тѣмъ *Тогожѣ* расшевелился, посадилъ меня подлѣ себя на рогожку, и съ большимъ вниманіемъ разсматривалъ меня и все что было на мнѣ и со мною. Цвѣтъ моего тѣла болѣе всего изумлялъ его. Любопытство его простиралось далѣе, нежели я могъ оное удовлетворить. *Тогожѣ* дѣлалъ мнѣ множество вопросовъ, на которыя я, разумѣется, могъ ему отвѣчать только его же словами, надъ чѣмъ онъ отъ всего сердца смѣялся. Всѣ присутствующіе были къ нему чрезвычайно уважительны, говорили весьма тихимъ голосомъ и не смотря ему въ глаза.

Въ продолженіе разговора *Тогожѣ* упомянулъ о *Кошо* у насъ находившейся, о которой онъ слышалъ. Я сказалъ, что уступлю ее ему, если въ возвратъ получу довольно кокосовъ, хлѣбныхъ и другихъ плодовъ. Сколько мы поняли, *Тогожѣ* изъявилъ на то свое согласіе.

Возвратясь домой отправился я на байдаркѣ на южную сторону губы, но не отѣхалъ 200 сажень, какъ байдарка лопнула и мы съ трудомъ догребли назадъ къ берегу. Кожаные суда сіи въ жаркихъ странахъ, гдѣ и вода и воздухъ постоянно имѣютъ температуру высшую 20° Реом., весьма непрочны, и потому не представляютъ тѣхъ удобствъ какъ тамъ гдѣ изобрѣтены.

Въ ожиданіи исправленія ее, пошли мы въ сопровожденіи *Нены*, и какъ обыкновенно окруженные толпою жителей, по острову, имѣющему въ окружности не болѣе 2-хъ миль, и исходили его вдоль и поперекъ. Всѣ берега его, за исключеніемъ немно-

гихъ мѣсть, гдѣ деревья или утесы выдаются въ море, обнесены стѣною складенною изъ камней вышиною футъ пять, защищающею дома и плантаціи отъ волненія. Такими же стѣнами обнесены и земли, разнымъ юросамъ принадлежащія. Сіи послѣднія стѣны имѣютъ вышины сажени по три. Насъ изумляла огромность камней въ этихъ стѣнахъ: нѣкоторые имѣли фута по 4 во всѣхъ размѣреніяхъ, слѣдственно содержали не менѣе 60 кубич. футъ вещества и вѣсу не менѣе 150 пудъ. Намъ непонятно было какими средствами могли жители поднимать такія громады въ вышину отъ 5 до 6 футъ? Многіе необитаемые островки по отмелямъ обнесены такими же стѣнами. Особенно примѣчательны также каналы пресѣкающіе въ разныхъ направленіяхъ средину острова. Каналы эти были вначалѣ конечно только обыкновенные между мангровами протоки; но жители утвердили берега ихъ каменными же стѣнами и сдѣлали ихъ чрезъ то настоящими каналами, глубиною въ 3 и 4 фута, кои много способствуютъ сообщеніямъ. Эти каналы только съ южной стороны сообщаются съ моремъ. Чтобы пройти на другую сторону острова, должны мы были брести вдоль ихъ почти по поясъ въ водѣ. При семъ случаѣ налитанные масломъ проводники наши имѣли большое преимущество предъ нами: они выходили изъ воды и были сухи, а мы долго еще должны были влачить цѣлую массу налитанныхъ водою тряпокъ, называемыхъ одеждою.

Проводники наши неоднократно изумляли насъ похожею на инстинктъ смѣтливостію, съ какою они на грязи или на пескѣ узнавали слѣды юросовъ; намъ

случалось по такимъ слѣдамъ съ помощію ихъ дѣйствительно находить тѣхъ, кого искали.

Пополуденные часы были посвящены на измѣреніе основаній и угловъ въ разныхъ частяхъ губы.

Утѣхою моею въ свободныя отъ работъ минуты, было заниматься съ дѣтьми, кои съ утра до вечера осаждали каменную стѣну, къ которой прилегалъ нашъ домъ и чрезъ которую они не дерзали переступить. Веселость и благонравіе ихъ были восхитительны. Двѣ или три дѣвочки отъ 13 до 15 лѣтъ почлись бы красавицами и у насъ. Большіе, черные глаза, полные огня; зубы какъ перлы, черты лица препріятныя; къ несчастію прелестныя личики сіи большею частію покрыты грязью. Плутовки эти очень искусно умѣли выманивать у насъ вещи имъ нравившіяся; за то учили насъ пѣть свои пѣсни и восхищались нашею понятливостію (*). Къ хозяйской дочери, дѣвочкѣ лѣтъ около 6-ти и, мимоходомъ сказать, большой кокеткѣ и болтушкѣ, собирались иногда подруги въ одномъ изъ домиковъ подлѣ нашего. Бесѣды ихъ довольно единообразны, но бусы и серьги иногда ихъ разшевеливали; онѣ пѣли, а подѣ ихъ пѣсни мальчики плясали — ибо женщинамъ плясать не позволено. Между прочимъ есть у нихъ игра нѣсколько похожая на нашу: въ *ладоши*, только гораздо сложнѣе. Онѣ

(*) Двѣ слѣдующія пѣсни показались намъ между ими фаворитными; я пишу ихъ сообразно Французскому правописанію, кромѣ *zi* во второй пѣсни:

Sondé Ouagma Catanazic, combien non non.

La Saczi ca (bis) Nin nin Couluca (bis).

Здѣсь опять встрѣчаются чистыя Французскія слова, безъ связи и смысла.

салятся другъ противъ друга и бьютъ ладоньми, то о свои колѣна, то объ ладони сопротивницы или даже сосѣдней пары. Дѣло состоитъ въ томъ, чтобы при множествѣ разныхъ оборотовъ руками не сбиться съ порядка. Это сопровождается въ тактъ весьма единозвучною пѣснію.

Въ слѣдующій день намѣревались мы возвратиться домой; но описныя работы заняли насъ до самаго вечера и принудили возвращеніе отложить до слѣдующаго утра. Намъ не трудно было въ этомъ утѣшиться: когдабъ не необходимость поспѣшать, то мы рады были бы пробыть и гораздо долѣе между этимъ добродушнымъ и любезнымъ народомъ.

Пользуясь тихою лунною ночью, пошелъ я прогуляться вдоль морскаго берега. Въ нѣсколько минутъ отрекомендовались мнѣ въ провожатыя до полудюжины молоденькихъ дѣвушекъ, которыя уловками тонкаго кокетства не отстали бы отъ опытнѣйшихъ красавицъ Лондона и Парижа; но пристыдили бы ихъ своей пристойностію. Онѣ старались побѣдить меня превосходя другъ друга веселостію; смѣялись, пѣли пѣсни, въ которыхъ повторялось мое имя, и проч. Толпа мальчиковъ съ шумомъ и смѣхомъ насъ сопровождала, и вѣрно на столичныхъ гульбищахъ не видѣлось никогда шайки болѣе шумной. Гостепріимство жителей не дремало и въ этотъ поздній часъ; многіе пріатели, мимо жилищъ которыхъ намъ случилось проходить, выходили съ кокосами и бананами и приглашали къ себѣ отдохнуть. Вдругъ смѣхъ и говоръ умолкли и всѣ отъ мала до велика, какъ будто тронутые волшебнымъ прутикомъ, съли въ кружокъ на землю. Я стоялъ между ими, не зная

что думать объ этомъ странномъ явленіи, пока не увидѣлъ магической онаго причины, Юрося *Сиеира*, стоявшаго у воротъ своего дома. Покуда я съ нимъ говорилъ, царствовало въ толпѣ, за минуту толь шумной, глубокое молчаніе. Нѣсколько повѣсь только, подкрадываясь вдоль стѣнки, смѣялись изъ подъ тишка, съ разными обезьянскими увертками.

Съ ранняго утра 17-го Декаб. стали мы собираться въ обратный путь. Съ вечера условились мы съ *Неной* и *Сипе*, чтобы каждый изъ нихъ сопровождалъ насъ на своей лодкѣ, кои намъ были нужны для нашихъ вещей. Казалось, что объ стороны другъ друга понимали, и множество *Пауа* (Пуддингъ, о которомъ я уже упоминалъ) готовившееся ночью, считали мы доказательствомъ, что хозяинъ нашъ собирается въ дорогу. Но когда дѣло дошло до того чтобы ѣхать, то мы съ изумленіемъ увидѣли, что ни одинъ изъ пріятелей нашихъ не думаетъ объ исполненіи своего обѣщанія. *Нены* совсѣмъ не было, а *Сипе* нашли мы прилежно трудящимся надъ очищеніемъ золы изъ того дома гдѣ мы жили, отъ насъ же полученною железною лопатой, и нимало объ насъ не помышляющимъ. По многимъ настояніямъ приказалъ онъ намъ дать лодку пустую, и самъ скрылся; мы такимъ образомъ принуждены были, вмѣсто большой свиты и большаго запаса, отправиться домой съ пустыми руками, и въ сопровожденіи одного только неизмѣннаго *Каки*.

Мы терялись въ предположеніяхъ, чему приписать то, что мы называли *измѣною* друзей нашихъ, и неохотнѣе всего останавливались на мысли, что мо-

жетъ статья обогащенные нами сверхъ надежды, не считали они болѣе нужнымъ объ насъ заботиться(*).

Это разстроило нашъ планъ итти обратно чрезъ островъ и заставило взять прежній путь; но на сей разъ избѣгли мы непріятной ходьбы по коралловому берегу, простирающемуся отъ Леллы къ Сѣверу, проѣхавъ каналомъ, идущимъ отъ губы Леллы почти до самой сѣверной оконечности. Каналь сей, извивается между романическими боскетами рицофоръ и сон-нерацій, и еслибъ мутная соленая вода могла хоть на минуту обратиться въ прозрачный источникъ, ничто не могло бы быть прелестнѣе сего мѣста. Юросы селеній, мимо которыхъ мы проѣзжали, по обыкновенію встрѣчали насъ съ приношеніями; а одинъ изъ нихъ *Каки* (уже третій сего имени), изъ селенія *Петакъ*, послѣдовалъ за нами. Перетащивъ лодки чрезъ перешеекъ около 100 сажень шириною на сѣверную сторону, продолжали мы путь вдоль берега и къ обѣду прибыли на плюпъ.

Оба *Каки* съ нами обѣдали. Петакскій отличавшійся особенною живостію и веселостію, ѣлъ и пилъ

(*) Кромѣ ножей, ножницъ, топоровъ, желѣзныхъ инструментовъ, гвоздей и множества бездѣлицъ, подаренныхъ *Cine* и его женамъ, получилъ онъ отъ меня еще стаканъ съ Латинскою надписью имени судна, года, мѣсяца, и пр. Будущему посетителю Юалапа пріятно будетъ встрѣтить слѣды его предшественниковъ. Въ такомъ удаленіи отъ Европы, въ иномъ, такъ сказать мірѣ, всякая бездѣлица, напоминающая объ отечествѣ, радуется. Баночкѣ изъ подъ Eau de Cologne у *Cine* (единственная вещь доказывавшая пребываніе Кокили) обрадовался я какъ старому знакомому. Вспомните о восхищеніи Кинга, когда ему въ Камчаткѣ попалась ложка съ надписью: London: Изъ инструментовъ нами оставленныхъ многіе трудно будетъ узнать. При насъ уже струги наши обращаемы были нерѣдко въ топорики.

все съ большимъ аппетитомъ. Старый *Каки* повель его по шлюпу и все ему изъясняль и рассказываль, пока теска его пришелъ въ такое восхищеніе, что сталъ бранить безъ милосердія дома всѣхъ юросовъ въ *Лелль*, начиная съ дома *Тогожи* до послѣдняго: говоря, что въ нихъ къ чему ни прислонишься, замараешься; здѣсь же все такъ чисто, такъ гладко.

Весь слѣдующій день оставались мы въ ожиданіи пріятелей нашихъ изъ *Леллы*, не будучи въ состояніи помириться съ мыслию, что они насъ забыли. Наконецъ подъ вечеръ, видя что никого нѣтъ, отправилъ я *Легіака* нарочнымъ въ *Леллу* объявить *Юросамъ*, что мы чрезъ день отправляемся въ море, и что если *Тогожа* хочетъ получить отъ насъ свинью, а прочіе еще подарки, то чтобы не теряли времени.

19-го Декабря сняли лагерь нашъ съ острова *Матаніаль* и приготавливали окончательно шлюпъ къ походу.

Я ѣздилъ въ *Люаль* на *Тукъ-Тукъ Сека*, о которомъ мнѣ съ вечера еще *Каки* что то очень много говорилъ: это было прощальное намъ угощеніе. Обрядъ различествовалъ отъ обыкновеннаго только бѣльшимъ количествомъ хлѣбныхъ и другихъ плодовъ. За симъ всѣ обитатели *Люала* подносили мнѣ прощальные подарки, состоявшіе въ рогожкахъ, тканяхъ, топорахъ и кольцахъ, которыхъ накопилось наконецъ цѣлый возъ. Все шло очень чинно и торжественно; одинъ слѣдовалъ за другимъ и говорилъ ту же фразу, въ которой я понималъ только слово *Юросъ*. *Каки* представлялъ мнѣ по очереди всѣхъ приносителей, и называлъ кому именно должно дать

топоръ. Въ заключеніе всего вся компанія, съ подарками и съ оставшимися отъ праздника плодами сопровождала меня на шлюпъ.

Жена *Каки* изъявила желаніе видѣть нашу *Оаку*, чему я тѣмъ болѣе былъ радъ, что до сихъ поръ ни одна Юаланка не оказала намъ этой чести, и старался утвердить ее въ семъ намѣреніи обѣщаніемъ богатыхъ подарковъ. Но пріѣхавъ на островъ *Матаніяль* ее взяло раздумье; она не хотѣла ѣхать далѣе, увѣряя что будучи беременна не въ силахъ взлѣсть на судно. Ни наши убѣжденія, ни самага супруга — истинныя или притворныя — не могли склонить ее. Мы подозрѣвали, что пріѣздъ *Ненъ* былъ причиною такого непостоянства, ибо женщины обязаны оказывать Юросамъ еще большее уваженіе, чѣмъ мужчины.

Старшина сей явился одинъ и съ пустыми руками, и огорчилъ насъ извѣстіемъ, что *Сипе* къ намъ быть не намѣренъ; да и самъ онъ оказывалъ большое нетерпѣніе насъ оставить, и поминутно твердилъ о топорѣ, ему обѣщанномъ. Я приглашалъ его ночевать у меня, но онъ непремѣнно хотѣлъ ѣхать на берегъ; но лишь только я на то согласился, какъ и онъ перемѣнилъ намѣреніе, и объявилъ, что остается у меня вмѣстѣ съ *Каки* — какъ будто хотѣлъ только убѣдиться, не намѣренъ ли я его задержать. Въ слѣдующій день (20 Д.) оба оставили насъ щедро одаренные, и съ обѣщаніемъ прислать намъ много плодовъ. Мы однакожъ не дождались ихъ лодокъ, и только что сдѣлали послѣднія наблюденія для хронометровъ, снялись съ якоря и вышли изъ гавани — тораздо скорѣе и легче чѣмъ входили въ оную.

Имѣя надобность для связи описей нашихъ осмо-

трѣть восточную сторону острова, перешли мы туда на другой день, и противу острова *Леллы* въ самомъ близкомъ разстояніи легли въ дрейфъ, въ несомнѣнной надеждѣ скоро увидѣть у себя кого нибудь изъ пріятелей нашихъ: но тщетно; мы видѣли ихъ спокойно расхаживающими по берегу, по видимому ни мало насъ не замѣчая, и принуждены были, чтобы не прервать работы, продолжать нашъ путь.

По утру 22 Декабря подошедъ снова къ порту *Ла Кокиль* отправилъ я Гг. *Ратманова* и *Мертенса* въ *Люаль* къ доброму нашему другу *Каки*, съ тѣмъ, чтобы вручить ему для доставленія Главному ихъ старшинѣ обѣщаннаго животнаго, котораго я, сказать откровенно, не отправлялъ до сихъ поръ въ надеждѣ получить отъ *Тогожи* соразмѣрный отдарокъ. Они возвратились около полдня. Не только *Каки* съ семействомъ, но и все селеніе *Люаль* сбѣжалось къ нимъ на встрѣчу, изъявляя нелицемѣрную радость видѣть ихъ еще однажды. *Каки* очень понятно изъяснялъ, какъ ему по отбытіи шлюпа было скучно; не было *Оаки*, не было домовъ на островѣ, и пр. — Въ увѣреніяхъ сего добраго, почтеннаго чловѣка не было конечно ни малѣйшаго притворства. Я увѣренъ, что онъ по насъ будетъ скучать, такъ какъ мы всегда съ любовью и удовольствіемъ объ немъ вспоминать будемъ. Во все время нашего знакомства не имѣли мы ни одного случая быть имъ недовольными; дружескія и самыя искреннія сношенія не были прерваны ни на одну минуту; ни одного дня не проходило, чтобы онъ намъ не доставлялъ хлѣбныхъ и другихъ плодовъ и отъ него одного получили мы ихъ конечно не меньше какъ отъ всѣхъ другихъ вмѣстѣ; за

то и онъ отдаренъ нами несравненно болѣе всѣхъ главныхъ юросовъ. И теперь прислалъ онъ намъ банановъ и кокосовъ сколько на скоро собрать могъ. При прощаніи спрашивали всѣ: не за женами ли своими ѣдемъ, и воротимся ли съ ними чрезъ два дни?

Взявъ на свое попеченіе присланную нами свинью, *Какі* съ обыкновенною основательностію распросилъ, чѣмъ ее кормить и какъ съ нею обращаться. Не взирая на знакомство съ *Кошо*, всѣ старались держаться отъ нее въ почтительномъ разстояніи. Желательно, чтобы надежда насъ не обманула и полезное сіе животное здѣсь размножилось. Тогда скажемъ, что мы не одними бездѣлками заплатили сему безпримѣрно доброму и любезному народу за его гостепріимство.

Теперь, покаместъ, можемъ мы съ неменьшимъ удовольствіемъ сказать предъ свѣтомъ, что трехнедѣльное пребываніе наше на Юаланъ не только не стоило ни одной капли крови человѣческой, но что мы добрыхъ островитянъ могли оставить съ прежними неполными свѣдѣніями о дѣйствіи огнестрѣльныхъ орудій нашихъ, которыя они почитаютъ назначенными только для убиванія птицъ. Что такое пуля они не знаютъ; если и *La Coquille* была столь же счастлива какъ мы, то нѣжный слухъ ихъ еще не былъ поражаемъ грознымъ звукомъ пушечнаго выстрѣла. Послѣ двухъ посѣщеній Европейскихъ кораблей! не знаю, найдется ли подобный примѣръ въ лѣтописяхъ раннѣйшихъ путешествій въ Южное море.

Убравъ шлюпку, наполнили мы паруса и покинули наконецъ интересный сей островъ, оставившій намъ самыя пріятныя воспоминанія.

Общая замѣчанія объ островѣ Юаланъ.

Островъ *Юаланъ* (*) имѣетъ въ окружности 24 мили. Срединѣ его лежитъ, по нашимъ наблюденіямъ, въ широтѣ $5^{\circ} 19' N$, и долготѣ $196^{\circ} 54' W$ отъ Гринича. Разлогъ между двумя гористыми массами, простираясь поперекъ всего острова отъ Запада къ Востоку, раздѣляетъ его на двѣ неравныя половины, изъ коихъ южная слишкомъ вдвое болѣе сѣверной. На сей послѣдней возвышается гора *Бюашъ* (1854 ф. надъ водою), съ круглою вершиною и постепенно во всѣ стороны снижающимися боками. Южная половина отличается горою *Крозеръ*, (1867 футъ), протягающеюся гребнемъ отъ NW къ SO, которой сѣверный бокъ весьма крутъ, а вершина иззубрена. Вообще сія часть острова имѣетъ много пиковъ, то отдѣльно стоящихъ, то купами, на подобіе ослиныхъ ушей. Одинъ особенно примѣтный пикъ, съ правильною коническою вершиною, обращенный къ гавани *Ла Кокиль*, назвали мы памятникомъ *Мертенса*.

Сѣверная половина острова окружена сплошнымъ коралловымъ рифомъ, который разрываясь противу разлога, образуетъ съ обѣихъ сторонъ острова по гавани: съ западной ту, въ которой стояло наше судно, а съ восточной, называемую островитянами *Нинмолишонъ*, а Капитаномъ *Дюперре*, по имени лежащаго въ ней островка, *Леле* (**). Южную половину острова обле-

(*) Капитанъ *Дюперре* пишетъ *Уаланъ*, по намъ всегда слышалось *Ualan* (Франц. произн.), съ чѣмъ и Капитанъ *Дюрвиль* согласился.

(**) Островитяне выговариваютъ не *Леле*, а *Лелла*, точно такъ какъ бы Русской выговорилъ это слово.

гаеть гряда низменныхъ коралловыхъ острововъ, соединенныхъ между собою рифами и образующихъ съ берегомъ острова мелководный лагунъ, которымъ можно объѣхать вокругъ всей этой части. Гряда сія перемѣжается около южной оконечности острова и оставляетъ мѣсто небольшой гавани, названной Французами *Port Lottin*, которой мы не осматривали.

Берегъ, защищенный рифомъ отъ ударовъ волнъ, окруженъ опушкою *манерововъ* (*Rizophora Mangle*) и другихъ въ водѣ растущихъ деревъ, образующихъ стѣну весьма густой и свѣжей зелени, которая необычайностію своею сначала нравится, но напослѣдокъ единообразностію утомляетъ зрѣніе. Опушка сія, отходящая отъ берега на большее или меньшее разстояніе, не только дѣлаетъ невозможнымъ опредѣлить настоящую онаго окраенность, но безпрестанно должна измѣнять видъ острова, выигрывая со стороны моря то, что она теряетъ съ береговой, чрезъ осушеніе болота, служащаго ей основаніемъ и покрывающагося послѣ произрастеніями болѣе полезными.

Вообще весь островъ отъ моря и до самыхъ вершинъ горъ, за исключеніемъ только острѣйшихъ пиковъ горы *Крозеръ*, покрытъ густѣйшимъ, и по причинѣ множества віющихся растеній, почти непроходимымъ лѣсомъ. Вблизи жилищъ лѣсъ сей состоитъ изъ хлѣбныхъ, кокосовыхъ, банановыхъ, и другихъ плодоносныхъ деревъ (*). Перешеекъ между обѣими гаванями есть одно мѣсто, которымъ можно переходить съ одной стороны острова на другую. Разстоянія

(*) См. Доктора *Мертенса* обзоръіе прозябелій Каролинскихъ острововъ. Ч. III. No 9.

туть не болѣе $2\frac{1}{2}$ миль; но дорога, по причинѣ многихъ топей, непріятная, а наипаче послѣ дождя.

На всякомъ шагу встрѣчаются текущіе съ горъ ручьи прекраснѣйшей воды. Изобиліе ихъ, сила и богатство прозябеній, и погода нами испытанная въ такое время года, которое въ тропикахъ обыкновенно есть сухое, свидѣтельствуютъ о необычайно сыромъ климатѣ сей земли. Во все наше здѣсь пребываніе не проходило ни одного дня безъ дождя, продолжавшагося нерѣдко по нѣскольку дней непрерывно. Мы промыкали насквозь въ нашихъ палаткахъ, и всевозможнаго труда стоило намъ сохранить инструменты отъ ржавчины и поврежденія. Термометръ (Реом.) стоялъ во все время между $+ 24^{\circ}$ и $+ 20^{\circ}$. Со всѣмъ тѣмъ не могли мы замѣтить, чтобы климатъ сей былъ вреденъ для здоровья. Природные жители казались намъ здоровою и крѣпкою поро도로 людей; это можетъ быть изъяснено привычкою; но наши люди, не имѣя сей привычки, и обязанные сверхъ того оставаться по нѣскольку часовъ по поясъ въ водѣ, все это весьма хорошо перенесли. При отправленіи не имѣли мы ни одного больного, да и въ послѣдствіи имѣли ихъ не болѣе.

Селенія, какъ вообще на *островахъ* замѣчается, расположены здѣсь наиболѣе вдоль береговъ; но съ моря ихъ весьма мало видно, потому что оныя заслонены или грядою коралловыхъ островковъ, или густою опушкою мангрововъ. Всѣ селенія обнесены каменными стѣнами, какія описаны выше, коихъ назначеніе есть конечно отдѣленіе собственности; каждое имѣетъ особенное названіе, распространяющееся и на

округъ къ нему принадлежащій. Слѣдующій списокъ оныхъ составленъ со словъ обстоятельнаго друга нашего *Каки*.

	Названія селеній.	Имена Юр-совъ которымъ принадлежать.	Число жителей.		Примѣчанія.
			Мужс.	Женс.	
О. Лелла.	Ликъ	Сигира	6.	5.	Селенія означены въ томъ порядкѣ, какъ оныя одно за другимъ слѣдуютъ.
	Сяуаиръ	Сипе	10.	15.	
	Нинфуяль	Сигира	14.	5.	
	Метаисъ	Канка	5.	4.	Здѣсь живетъ Канка.
	Тя	Канка	20.	10.	
	Іать	Сипе	13.	9.	
О. Юаланъ.	Лимесъ	Симуарка	2.	3.	Въ Іать живутъ всѣ главные юросы: Тогожа, Сипе, Нена, Сигира и пр.
	Петакъ	Канка	6.	4.	
	Пгыжыкъ	Аликъ Нена	8.	7.	
	Сіелать	Сеза	10.	7.	Это 1-е селеніе къ N отъ Леллы. Прочія слѣдуютъ къ NW и такъ дальѣе вокругъ всего острова.
	Уія	Нена	9.	6.	
	Матенте	Нена	18.	9.	
	Таюен-зякъ	Сигира	3.	2.	
	Тепать	Сеза	10.	8.	
	Люаль	Сипе	20.	15.	
	Уэгать	Сигира	10.	14.	
	Фунолофъ	Селикъ	2.	2.	

	Названія селеній.	Имена Юровъ которымъ принадлежатъ.	Число жителей.		Примѣчанія.
			Мужс.	Женс.	
О С Т Р О В Ъ Ю А Л А Н Ъ.	Лясъ	Селикъ	10.	8.	какъ фр. Ueule
	Юёль	Сипе	5.	3.	
	Іела	Сипе	11.	8.	
	Уіо	Сигира	12.	10.	
	Линмутъ	Селикъ	9.	6.	
	Мотъ	Селикъ	10.	7.	
	Леапъ	Сеза	7.	6.	
	Кыюшъ	Сеза	6.	4.	
	Лигинле-лемъ	Сеза	8.	6.	
	Уэ	Сеза	4.	3.	
	Тагоэнь	Канка	5.	3.	е какъ h.
	Иша	Канка и Не-на	8.	6.	
	Невоалиль	Канка и Не-на	7.	6.	какъ фр. Sulmo- uep.
	Сюльмоэнь	Симуарка	6.	5.	
	Утуэ	Канка и Не-на	10.	7.	
	Тамоутъ	Канка и Не-на	5.	4.	
	Меенке	Симуарка	7.	5.	
	Іеунгаль	Симуарка	5.	4.	
	Функоль	Сипе	13.	7.	
	Теафъ	Сипе	6.	5.	
	Кепле	Тогожа	8.	6.	
	Лела	Селикъ	5.	4.	
	Іесенгъ	Сипе	6.	4.	

	Названія селеній.	Имена Юросовъ которымъ принадлежать.	Число жителей.		Примѣчанія.
			Мужс.	Женс.	
О. Ю А Л А Н Ъ.	Меалемъ	Сеоа	6.	4.	Число жителей неизвѣстно.
	Пиліюль	Сипе	13.	8.	
	Пѣкъ	Тогожа	—	—	
	Теноагъ	Сигира	8.	5.	На южномъ берегу губы <i>Нин-мошонъ</i> .
	Сянжикъ	Сигира	7.	5.	
	Таоэятъ	Нена	8.	6.	
	Тоуоль	Канка и Нена	9.	6.	
	Ниннемъ	Нена	9.	7.	
	Лугафъ	Сеоа	4.	3.	
	Фуомсенгъ	Сеоа	6.	5.	
		Всего	409.	301.	

Судя по тому, что мнѣ случилось видѣть, я не имѣю причины сомнѣваться въ точности означеннаго числа жителей. Названій нѣкоторыхъ селеній, которыя мы встрѣчали, въ этомъ спискѣ нѣтъ. Можетъ быть они пропущены, можетъ быть также что *Каки* называлъ не отдѣльныя деревни, но вообще маестности или округи. Такъ на прим.: *Уэгатъ* и *Мело*, принадлежать къ одному округу и включены въ названіи *Уэгатъ*.

Присовокупя то что случайно забыто, также Юросовъ съ ихъ женами, въ сей списокъ не включенными, можно полное населеніе Юалана положить до

800 душъ обоого пола, кромѣ дѣтей, которыхъ было по соразмѣрности весьма много.

Старшины ихъ, *Юроси* (*), раздѣляются на два класса: *главные*, коимъ принадлежать всѣ земли и которые всѣ вмѣстѣ живутъ на островѣ Лелѣ, и *второстепенные*, живущіе по селеніямъ. Мы не могли въ точности изслѣдовать степени зависимости и взаимныхъ отношеній сихъ двухъ классовъ. Каждый главный *Юросъ* имѣетъ подѣ собою нѣсколько второстепенныхъ. Сіи послѣдніе оказываютъ такое же уваженіе первымъ, какое имъ простолюдины. Кажется они весьма мало имѣютъ собственности независимой отъ главныхъ старшинъ. Нерѣдко вещи, имъ подаренныя, являлись чрезъ минуту въ рукахъ послѣднихъ, и однажды пріятель нашъ *Каки* жаловался на *Сине*, своего начальника, что онъ любитъ все отнимать. Со всѣмъ тѣмъ они гораздо богаче простаго народа.

Сей послѣдній не имѣетъ совершенно никакой собственности. Онъ можетъ пользоваться сахарнымъ тростникомъ сколько нужно для его пропитанія; иногда имѣетъ хлѣбный плодъ, но до кокосовъ не дерзаетъ касаться. Народъ въ семъ случаѣ весьма вѣренъ *Юросамъ*. Въ прогулкахъ нашихъ мы часто просили кокосовъ, коими деревья отягчены были; но всегда получали въ отвѣтъ: *Юросъ Сине, Юросъ Сеза*; и никто не рѣшался сорвать ни одного, хотя весьма легко могли бы всю бѣду сложить на насъ. Лодки нагруженныя плодами проѣзжали ежедневно мимо

(*) *Ю* должно выговаривать какъ Французское *U*.

насъ изъ сосѣдственныхъ деревень въ Леллу, часто приставали у нашего стана, но мы никогда не могли получить съ нихъ ничего. Отъ этого мѣна наша во все время была весьма не изобильна. Все что мы имѣли, доставляли намъ юроси и наиболее второстепенные.

Между главными юросами подчиненности мы не замѣтили. Одно исключеніе изъ этого *Юросъ Тогожѣ*, предъ которымъ и простолюдины и Юроси равно уничижались. Мы не могли понять, на чемъ оказываемое ему уваженіе основывалось? Еслибъ онъ признаваемъ былъ за главнаго старшину надъ всѣми старшинами, что на другихъ островахъ Европейцы называютъ *Царемъ*, то конечно имѣлъ бы сколько нибудь болѣе другихъ власти, чѣмъ нибудь бы отъ нихъ отличался, и по крайней мѣрѣ былъ не бѣднѣе другихъ. Изъ всего этого мы ничего не замѣтили. Никто не заботился о *Тогожѣ* за глазами, и мы о существованіи его узнали только случайно. Имущества имѣетъ онъ на островѣ менѣе почти всѣхъ другихъ; домъ его заслоненъ другими, отъ которыхъ ничѣмъ не отличается, и къ которому должно пробираться чрезъ прегрязный переулокъ. Одно отличіе его дома состояло въ низенькихъ воротахъ изъ тростника на улицу; въ другіе же дома входъ просто чрезъ отверстіе въ стѣнѣ. Не знаю случайное ли это различіе, или имѣющее отношеніе къ его сану.

Намъ не представилось случая узнать какъ велика власть юросовъ надъ ихъ вассалами? на чемъ она основана? и какія имѣютъ средства первые для содержанія въ повиновеніи послѣднихъ? Намъ казалось что все дѣлается само собою. Какъ въ семействѣ все

слушается старшаго, такъ здѣсь всѣ повиновались юросамъ, безъ всякаго видимаго принужденія или не-удовольствія. Ни разу не видалъ я чтобы простолюдинъ въ чемъ нибудь ослушался Юрося; но столь же мало чтобы послѣдній какимъ нибудь образомъ давалъ ему чувствовать тягость своей власти, чтобы требовалъ отъ него невозможнаго, сердился, бранилъ его, а всего менѣе чтобы билъ. Вообще я во все время ни въ какомъ разрядѣ, ни въ какомъ возрастѣ людей не слышалъ ни одного съ гнѣвомъ сказаннаго слова, ни одной занесенной для удара руки. Когда нужно бывало поудалить толпу, одного знака рукою для сего достаточно; одно *Ситъ!* Юрося, и всѣ его гребцы стремглавъ бѣгутъ въ лодку. По истинѣ, когда я припоминалъ, какъ безчеловѣчно поступаютъ на другихъ островахъ Южнаго моря старшины съ народомъ, какъ тамъ мало гонятся за тычками, и какими полновѣсными палочными ударами очищаютъ они обыкновенно сквозь толпу гостямъ дорогу, и сравнивалъ такое обращеніе съ обычаями здѣшними, то часто готовъ былъ усомниться, между дикими ли я нахожусь. По всему этому казалось, что основаніе общественнаго ихъ зданія есть добрый и тихій нравъ народа. Власть юросовъ есть чисто моральная, повиновеніе вассаловъ произвольное; и какъ первымъ не входить въ мысль угнетать послѣднихъ болѣе чѣмъ было при предкахъ, такъ послѣдніе не мечтаютъ о томъ, чтобы права свои распространить на кокосовые орѣхи. Гдѣ нѣтъ угнетенія, нѣтъ сопротивленія; гдѣ нѣтъ сопротивленія не нужно силы, не нужно законовъ.

Замѣчательно, что главные юроси живутъ не во владѣніяхъ своихъ, разсѣянныхъ по острову Юалану,

но всѣ вмѣстѣ на островѣ Лелѣ, и большая ихъ часть въ селеніи *Іатѣ*, принадлежащемъ Юросю *Сипе*. Лелла есть какъ бы столица Юалана. Вѣроятно что это есть мѣра политическая, служащая къ упроченію всегдашняго мира на островѣ^(*), ибо властолюбныя мысли не могутъ родиться тамъ, гдѣ старшины, находясь всегда вмѣстѣ, безпрестанно другъ за другомъ наблюдаютъ. На всѣхъ высокихъ островахъ Каролинскаго Архипелага, по извѣстіямъ Шамиссо, идетъ непрерывная война между разными селеніями, Юаланцы же не знаютъ, что такое есть оружіе. Къ тому же началу, можетъ статься, должно отнести странное расположеніе селеній на островѣ, изъ коихъ принадлежащія тому же владѣтелю лежатъ не соединенно, но разсѣянно, такъ что болѣе двухъ имѣній тогоже помѣщика нигдѣ вмѣстѣ нѣтъ, какъ изъ списка селеній видно.

Весь народъ почитаетъ себя раздѣленнымъ на три колѣна: *Пенме*, *Тонъ* и *Лишенее*; къ первому принадлежатъ большая часть главныхъ юросовъ: *Сипе*, *Сигира*, *Аликъ-Нена*, *Канка*, *Симуарка*, *Селикъ*, *Сеза* и *Нена*; *Тогожа* и *Сеоа*, принадлежатъ ко второму. *Ситель Назюэнзанъ*, упоминаемый въ ихъ молитвахъ, причисляется къ роду *Пенме*. Второстепенные юроси и простолюдины принадлежатъ непременно къ тому же роду, къ которому и ихъ главный Юрось. Это намекаетъ на патріархальное правленіе, находимое между многими скитающимися племенами. Изъ роду *Лишенее* встрѣчали мы только второстепен-

(*) Далтонъ нашелъ на островѣ Целебесѣ подобное обыкновеніе
Nouvelles Annales des Voyages. Octobre 1832. p. 39.

ныхъ *Юросей* и простыхъ людей, а ни одного главнаго старшины.

Наружные знаки уваженія весьма просты. Встрѣтя старшаго садятся; проходятъ мимо его дома согнувшись; говорятъ съ нимъ тихимъ голосомъ, и не смотря ему въ лице. Стоять въ обществѣ почитается у нихъ, кажется, такимъ же невѣжествомъ какъ бы у насъ лежать. Изъявляя дружбу или любовь обнимаютъ они пріятеля, трутъ носомъ и нюхаютъ сильно руку (*).

Юроси ничѣмъ по наружности отъ другихъ не отличаются. Почище приглаженные волосы, поновѣе поясъ, чистѣйшее тѣло, свѣжій цвѣтокъ въ ушахъ, или листокъ въ чубѣ и бѣлая развязность, суть единственные примѣты по которымъ можно различить Юрося; и еслибъ они не брали осторожности при первой встрѣчѣ, показывая на себя, говорить: *Юрось*, то мы часто смѣшивали бы ихъ съ простолюдинами. Но лодки главныхъ юросовъ имѣютъ отличіе, состоящее въ четырехугольной пирамидѣ на подобіе крышки Китайской бесѣдки, сплетенной изъ кокосовыхъ веревокъ и унизанной сплошь маленькими ракушками, которая ставится на площадку образуемую коромыслами. Подъ сею пирамидою хранятся обыкновенно плоды, которые они берутъ съ собою.

(*) Замѣчательно, что подобный же обычай изъявлять любовь или уваженіе существовалъ въ древности между кочующими Аравійскими племенами. Бытія, I, 27; 26-27. И рече ему Исаакъ отецъ его: приближися ко мнѣ облобызай мя, чадо. И приближився лобыза его: и обоня воню ризъ его, и благослови его, и рече: се воця сына моего, и пр.

Цвѣтъ тѣла обоихъ половъ каштановый, женщинъ свѣтлѣе нежели мужчинъ. Ростъ послѣднихъ не выше средняго. *Сине* изъ высокихъ имѣлъ 5 ф. $7\frac{1}{2}$ д. Англійскихъ (2 арш. 6,5 в.); сложены стройно, но не атлетически. По большей части худощавы. Хотя Юроси столько же празднотлюбивы здѣсь какъ и въ другихъ мѣстахъ, но какъ пища ихъ почти исключительно растительная, то и не достигаютъ они такой непомѣрной дородности, какъ старшины на другихъ островахъ Великаго Океана, а особенно на Сандвичевыхъ. Одинъ старецъ *Тогожѣ* имѣлъ большое брюхо. Вообще мужчины довольно сильны. *Сине*, по видимому не изъ силачей, однажды въ шутку поднялъ на руки и вертѣлъ какъ ребенка изъ стороны въ сторону одного изъ спутниковъ нашихъ, въ которомъ вскорѣ потомъ оказалось вѣсу слишкомъ 5 пудъ. На лицахъ ихъ написана доброта и спокойствіе; но вообще черты совершенно незначащія; глаза безъ всякаго выраженія; что и натурально; лице тамъ только пріобрѣтаетъ выразительность, гдѣ въ игрѣ страсти; а у нихъ этого кажется нѣтъ. У молодыхъ людей глаза веселые; а нѣкоторые мальчики могли бы служить идеаломъ непринужденной веселости.

Женщины вообще не пригожи; недостатокъ румянца — по нашимъ понятіямъ необходимая принадлежность красоты — ненатуральный лоскъ тѣла отъ кокосоваго масла, отвислыя груди, дѣлають ихъ дурными. Но изъ молодыхъ дѣвушекъ были нѣкоторые, которыхъ большія, полныя огня очи, бѣлые, ровные какъ жемчугъ зубы и округлость членовъ, но болѣе всего выраженіе доброты и любезности дѣлали прелестны-

ми, а непринужденная веселость безъ наглости, и пристойность безъ застынчивости, необыкновенно привлекательными.

Къ великой досадѣ нашли мы ихъ весьма неопрятными; порокомъ этимъ отличаются они невыгодно отъ другихъ островитянъ сего моря, которыхъ тѣлесная чистота обыкновенно превосходитъ нравственную. Эти пригожія лица по большей части покрыты были грязью, не менѣе Ситхинскихъ красавицъ нашихъ. Это довольно трудно согласить съ чистотою, которую они наблюдаютъ въ домахъ своихъ. Я думаю мы показались *Cine* большими Циниками съ нашими куликами и голубями. Увидя однажды перья и прочее не идущее на сковороду, въ углу дворика, на которомъ мы жили, обнаружилъ онъ довольно ясно свое неудовольствіе, и мы съ тѣхъ поръ строго наблюдали за чистотою.

Гибкость членовъ ихъ превосходить всякое вѣроятіе. Онѣ сидятъ подогнувъ ноги такъ, что нижняя часть ноги, отъ колѣна до ступни лежитъ параллельно лядвей. Когда упираютъ рукою о землю, то сгибъ руки, противоположный локтю, изгибается вонъ, образуя вмѣсто входящаго, выходящій уголъ. Г. Постельсъ не хотѣлъ рисовать ихъ въ семь положеніи, опасаясь, что знатоки примутъ это за грубую ошибку съ его стороны.

Не взирая на всегдашнюю жизнь на воздухѣ, Юаланцы чрезвычайно зябки. Только пойдетъ дождь, они уже дрожатъ отъ холода, и стараются куда нибудь укрыться подъ вѣтръ. Въ одну изъ моихъ поѣздокъ въ Леллу, шкваль съ дождемъ засталъ насъ на рифѣ въ совершенно открытомъ мѣстѣ. Большая часть

проводимых моих тотчас разбѣжалась; а изъ оставшихся нѣкоторые спрятались за меня и за Г-на Мертенса; одинъ же, которому некуда было дѣваться, взялъ два плоскіе камня и держалъ ихъ въ видѣ ширмы противу лица, чтобы по крайней мѣрѣ какую нибудь часть тѣла защитить отъ дождя.

Мужчины ходятъ совершенно нагіе, за исключеніемъ узкаго пояса съ мѣшечкомъ, надѣваемого на подобіе суспензорій и удовлетворяющаго всѣмъ требованіямъ приличія. Какъ поясъ, такъ и ткань изъ волоконъ банановаго дерева на него употребляемая, называются *толъ*.

Женщины носятъ кусокъ тойже ткани по поясу, шириною вершковъ шесть. Эта полубюбка обвязывается такъ слабо, что женщины по большей части должны ходить согнувшись, дабы необходимая вещь эта держалась на сгибѣ крестца. Но что такое положеніе дѣлаетъ еще страннѣе, есть рогожка служащая имъ подушкою для сидѣнія, которая серединою прикрѣпляется сзади къ поясу, а во время ходьбы, болтаясь обоими концами, бьетъ по ногамъ. Нельзя вообразить фигуры смѣшнѣе. Впрочемъ этотъ подвижной стулъ носятъ онѣ только дома, чтобы переходя съ мѣста на мѣсто, не имѣть всякій разъ надобности объ немъ заботиться. Мужчины собираютъ волосы на затылокъ и завязываютъ ихъ точно какъ у насъ конскіе хвосты въ сырое время. Бороду нѣкоторые оставляютъ въ природномъ состояніи, другіе выщипываютъ. Они охотно позволяли себя брить нашему цырюльнику. Длинныхъ и густыхъ бородъ мы почти совсѣмъ не видали. Они носятъ весьма мало украшеній; обыкновеннѣйшее есть цвѣтокъ или листокъ воткнутый въ пронятую

мочку уха или въ чубъ; когда же его нѣтъ, то нижній конецъ уха загибается и продѣвается сквозь мочку. Въ верхнемъ концѣ уха дѣлается также маленькая дырочка, въ которую вставляется какое то благовонное зернышко. У нѣкоторыхъ видѣлъ я въ этомъ мѣстѣ длинную соломенку съ крестомъ на концѣ, который поворачиваясь по вѣтру, вертится съ великою скоростью. Нѣкоторые носятъ на шеѣ ожерелья изъ цвѣтовъ; другіе бусы изъ кокосовой шелухи и ракушекъ или продолговатые куски черепахи и т. п. Что до послѣднихъ принадлежить, то мнѣ кажется, что оныя иногда служатъ не столько украшеніемъ, какъ знакомъ отличія рода. Часто упоминаемый *Каки* носилъ всегда на шеѣ продолговатый кусокъ черепахи, дюйма 4 длиной и около $1\frac{1}{2}$ шириной; а въ прощальное угощеніе, о которомъ я говорилъ, всѣ жители Люяла имѣли тоже на шеѣ. У другихъ я никогда этого не видалъ.

Туалетъ дамъ также не очень сложенъ. Волосы свои оставляютъ они иногда въ природномъ состояніи, а иногда завязываютъ въ пучекъ, но не на затылкѣ какъ мужчины, а на сторонѣ, и притомъ не натягиваютъ ихъ такъ туго. Уши ихъ всегда набиты благовонными цвѣтами и травами, отъ чего мочки растягиваются наконецъ дюймовъ до двухъ въ поперечникъ, и когда украшеніе вынется, то отвиснувъ дѣлаютъ непріятный видъ. Одно изъ доказательствъ благорасположенія дамы, когда она поднесетъ цвѣтокъ изъ своего уха. Хрящъ въ носу также пронимаютъ, но я весьма рѣдко видѣлъ какое нибудь въ немъ украшеніе; однакожъ иголки наши всегда были вкладываемы въ носъ; получа кусочекъ бумажки, тотчасъ свертывали

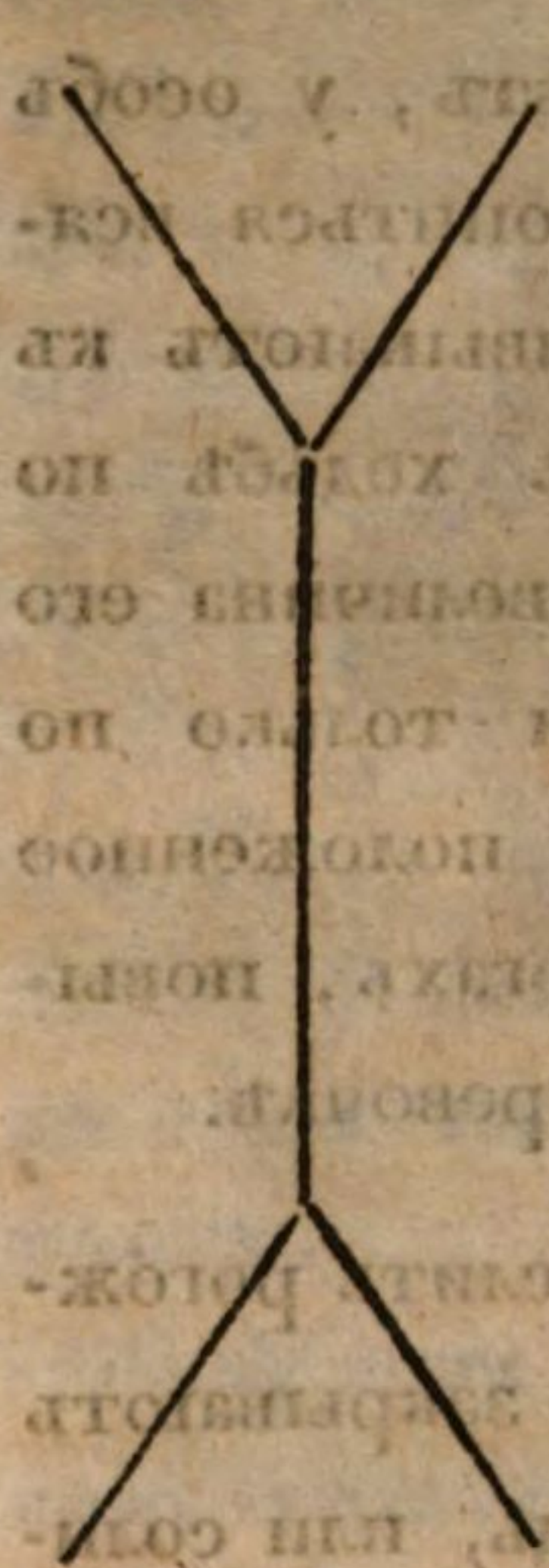
въ трубочку и въ носъ. Но самая примѣчательная часть ихъ убранства есть ожерелье, могущее служить доказательствомъ, что мода не въ одной Европѣ любить идти на перекоръ здравому разсудку. Это ожерелье, или справедливѣе сказать хомуть, имѣетъ около 9 дюйм. въ объемъ и состоитъ изъ безчисленнаго множества кокосовыхъ веревочекъ, завязанныхъ на глухо. Галстухъ этотъ никогда не снимается. Можно вообразить себѣ, *что* тутъ въ теченіе лѣтъ, у особъ столь чистоплотныхъ, должно наконецъ скопиться всякой всячины..... Шей женщинъ привыкаютъ къ этому украшенію, какъ ноги мужчинъ къ ходьбѣ по острымъ коралламъ. Мы замѣтили, что величина его соразмѣрна возрасту особы: дѣти носили только по нѣскольку нитокъ; вѣроятно, что чрезъ положенное время число оныхъ увеличивается. На ногахъ, выше сгиба, носятъ онѣ по одной такой веревочкѣ.

Къ туалету дамъ можно также причислить рогожку, заступающую мѣсто зонтика, которою закрываютъ они себѣ голову и спину когда идетъ дождь, или солнце сильно печетъ.

Оба пола натираются кокосовымъ масломъ, обыкновеніе общее на островахъ Великаго Океана. Юроси употребляютъ масло заранѣе выжатое, для котораго они весьма жадничали нашею посудой; у простолюдиновъ видѣлъ я растолченный орѣхъ, завернутый въ тряпочкѣ, которою они прямо натираются. Запахъ этого притиранія не худъ, но весьма силенъ и столь проченъ, что гребенка которою *Нена* провель себя раза два по головѣ, нѣсколько мѣсяцевъ удержала этотъ запахъ, сколько ее ни мыли. Тоже было и съ

парусинными койками матрось, на которыхъ островитяне часто сидѣли.

Оба пола испещряють себя узорами, безъ большой симметріи, и очень не красиво. Вдоль рукъ и ногъ проведены прямыя, длинныя черты; перпендикулярно къ нимъ коротенькія, и т. п. Одна постоянная фигура, которую почти всѣ имѣли, есть слѣдующая:

Эта фигура должна изображать птицу.

Она помѣщается на рукъ выше другихъ узоровъ; по одной, по двѣ и по три и не по ровну на обѣихъ рукахъ. Нѣкоторые думали что число ихъ имѣетъ отношеніе къ важности сана: я однакоже этого не замѣтилъ. Мы не имѣли случая видѣть какъ эти узоры наносятся; сколько мы могли понять изъ разсказовъ, верхняя кожица соскабливается раковиною, и обнаженная такимъ образомъ плева натирается сокомъ растений.

Домы ихъ приспособлены къ климату какъ нельзя лучше. Четыре высокіе столба связываются вверху попарно, подъ острымъ угломъ, и въ большей или меньшей высотѣ отъ земли, смотря по величинѣ дома. На нихъ накладывается стропило, которое составляется изъ трехъ жердей, соединенныхъ такимъ образомъ, что концы онаго возвышены около 10 футъ надъ серединою, отъ чего крыша получаетъ видъ огромнаго сѣдла. Это придаетъ домамъ Юаланскимъ особенный характеръ. Къ столбамъ и стропилу прикрѣпляются поперечныя и продольныя жерди, около коихъ пере-

плетается крыша изъ пандановыхъ листьевъ, не достигающая до земли фута на 4. Пустое пространство сіе заставляется щитами, сплетенными изъ тростника или расщепленнаго бамбу. Для выхода дыма особаго отверстія нѣтъ; онъ выходитъ въ двери или теряется въ верхней части крыши. По высотѣ домовъ воздухъ въ нихъ никогда не спирается, и всегда бываетъ чистый и прохладный.

Таково строеніе всѣхъ домовъ вообще, кои отличаются только величиною, и нѣкоторыми отмінными во внутреннемъ расположеніи, смотря по назначенію ихъ. Большая часть домовъ сажень двухъ въ квадратъ и такой же высоты; но большія *обѣденныя палаты*, коихъ каждое селеніе имѣетъ по одной, имѣютъ сажень по 8-ми въ квадратъ, и отъ 30 до 40 футъ вышины. У сихъ послѣднихъ передняя стѣна совсѣмъ не забрана, на правой рукѣ есть еще боковая дверь, въ лѣвомъ углу полка на которую ставится жезль, посвященный *Сителю-Назюэнзяпу*, Тритоновы рога ему принадлежащіе, листья *Сека*, въ жертву ему приносимыя и пр., а въ землю врыты одинъ или два плоскіе камня, съ ямкой по срединѣ, для разбитія корней сего растенія. Въ спальняхъ домахъ бываетъ по двѣ двери на передней сторонѣ, одна вышиною фута два, а другая во всю вышину стѣны. У небогатыхъ людей, живущихъ только въ одномъ домѣ, отгораживается рогожками пространство, служащее спальней. Полъ обыкновенно устланъ рогожками.

Жилища главныхъ юросовъ состоятъ изъ нѣсколькихъ домовъ.

Слѣдующее подробное описаніе обиталища Юрося *Сине* дастъ понятіе и о всѣхъ прочихъ.

l, l, l, суть изъ большихъ камней складенныя стѣны, каковыми обнесены всѣ жилища юросовъ. Довольно странная вещь, что *Iamъ*, гдѣ, какъ уже сказано, живетъ большая часть юросовъ, есть владѣніе *Сине*; но домъ cadaго Юрося обнесенъ такою стѣною. Приходя съ улицы (мимоходомъ сказать весьма грязной), встрѣчается во первыхъ (*a*) домъ, который соединяетъ въ себѣ назначенія нашихъ Salons, Drawing rooms, столовыхъ, и пр., который, для отличія отъ другихъ, я называю *облѣденною палатою* (*). Тутъ хозяинъ проводитъ большую часть дня, сидя обыкновенно по лѣвую сторону входа въ *A*; тутъ пекутся хлѣбные плоды, готовится и пьется Сека; тутъ принимаетъ онъ гостей, сажая почетныхъ возлѣ себя, а прочихъ въ кружокъ *B, B, B*; менѣе значащіе, или занятые какимъ нибудь дѣломъ, препятствующимъ принять участіе въ общемъ разговорѣ, убираются въ другой конецъ *C, C, C*. Тутъ съ утра до ночи бываетъ стеченіе народа, которое при насъ было обыкновенно такъ велико, что большая часть должна была помѣщаться внѣ дома. Стѣна изъ щитовъ изъ разщепленнаго бамбу (*k, k, k*) отдѣляетъ внутренніе покои Юрося, куда никто не имѣлъ входа кромѣ его и непосредственно къ его дому принадлежащихъ, къ коимъ причислялись и мы. Войдя въ двери *m*, находишь по обѣ стороны такія же стѣны изъ щитовъ,

(*) Г-нъ Лессонъ называетъ сіи дома *Ломъ Уну*, или *Пае*. Намъ не случилось слышать сего названія.

за коими по два отдѣленные дома; с есть пребываніе днемъ старшей супруги *Cine*; въ *d* обитаетъ вторая Султанша; въ *b* видѣли мы всегда множество дѣтей, не самаго *Cine*, но какимъ то образомъ принадлежавшихъ его семейству; тутъ ночеваль и сынъ его, трудной ребенокъ отъ фаворитной жены, подъ надзоромъ старой няньки; назначенія дома *e* я не знаю. Миновавъ корридоръ входилъ на дворикъ, на коемъ три дома; два почти одинакой величины съ другими (*f, g*), третій *h* гораздо поменьше ихъ. Въ *g* *Cine* ужиналъ и проводилъ ночь; въ *h* ночевала жена его съ 4-хлѣтнею дочерью; тутъ же собирались къ маленькой *Cine* подруги и занимались разными играми; въ *f* отведена была намъ квартира, которою мы владѣли по произволу, перетаскивая туда и байдарку нашу; въ *i* лежалъ такой камень, на какомъ они разбиваются сека, который однакоже при насъ ни разу не былъ въ употребленіи. Въ *o* отгорожено мѣсто для свиньи, оставленной здѣсь Капитаномъ Дюперре. Все пространство за щитами *k, k*, устлано весьма чистыми рогожами изъ бамбу же, кромѣ пространства *n, n*, гдѣ нѣсколько кокосовыхъ, банановыхъ и хлѣбныхъ деревьевъ, образуя маленькій домашній садикъ, пріятно разнообразили интересную семейственную картину. Все пространство въ длину шаговъ 70, въ ширину около 30-ти.

Описаніе домовъ стоило намъ не много времени; описаніе что въ нихъ находится займетъ насъ не дольше, потому что они почти совершенно пусты. У народа ведущаго жизнь столь простую и единообразную домашняя утварь скоро можетъ быть перечтена.

Посреди каждого дома виситъ съ потолка большой мелкій ящикъ, служащій для сохраненія отъ крысъ провизій и пр. Въ двухъ или трехъ другихъ мѣстахъ вѣшаются маленькіе ящики или просто жерди съ крючками, на которыя прицѣпляются всякія мелочи: употребляемыя для питья шелухи кокосовыя, иногда весьма чисто оплетенныя; запасныя *толы*, мелкія рыболовныя орудія и пр.; мелочи отъ насъ полученныя тутъ же вѣшались. Корыто изъ хлѣбнаго дерева фута три длиною и около $2\frac{1}{2}$ шириною, обдѣланное въ видѣ лодочки, въ которомъ приносится вода при приготовленіи сека, есть необходимая мебель каждого дома; внѣ употребленія служитъ оно стуломъ. Нѣсколько меньшихъ корытцъ для разныхъ употребленій, и станочки для тканія *толовъ* дополняютъ вѣдомость ихъ домашней утвари.

Толы дѣлаются изъ волоконъ банановаго дерева. Нитки, которыхъ приготовленія мнѣ не случилось видѣть, красятся въ черный, бѣлый, желтый и красный цвѣта. Для составленія *основы* есть маленькій станочикъ, на которомъ около четырехъ палочекъ обводится нитка, такъ чтобы послѣдовательно одна нитка переходила чрезъ другую, какъ въ нашихъ станкахъ. Когда основа достигла желаемой ширины завязывается она на концахъ и снимается со станка. Когда *толъ* долженъ быть одного цвѣта, то дѣло это скоро кончено; но когда съ узорами, то каждый рядъ основы составляется изъ такого числа отдѣльных нитокъ вмѣстѣ связанныхъ, сколько переменъ цвѣтовъ; можно вообразить себѣ какого труда и вниманія требуетъ это дѣло, чтобы всѣ отдѣльныя нитки составили по ширинѣ основы одну правильную черту, и

какъ томительна должна быть эта работа. Образъ тканья очень подобенъ нашему. Въ оба конца основы продѣваются палочки; одинъ конецъ укрѣпляется за что нибудь, другой за поясъ работницы, такимъ образомъ основа растягается. Челнокъ, совершенно подобный нашему ткацкому, съ уткомъ, пробрасывается то на одну, то на другую сторону, и пр. Замѣчательно, что даже узелъ, которымъ онѣ связываютъ нитки, есть совершенно тотъ же какой употребляютъ наши ткачи.

Въ домахъ второстепенныхъ юросовъ, въ углу гдѣ ставится жезль *Ситель Назюэнзяпа*, хранятся большіе топоры, которые по видимому почитаются достояніемъ общественнымъ. Они дѣлаются изъ большихъ раковинъ, обтачиваются коралловыми камнями въ видѣ полуцилиндра, заостряются и веревками прикрѣпляются къ деревянной рукояткѣ. Часть прилагаемая къ рукояткѣ дѣлается совершенно круглою, чтобы поворачивая топоръ можно было давать ему выгоднѣйшее положеніе при срубкѣ дерева. Самый большой топоръ мною видѣнный былъ дюймовъ 20 длиною и около 4-хъ толщиною. Топоры сіи бываютъ всякой величины; но самые малые вытѣснены отчасти желѣзными топориками, въ которые они стараются обращать всякій обрубокъ желѣза, имъ попадающійся. Каменныхъ топоровъ мнѣ не случилось видѣть, хотя оныя и бываютъ въ употребленіи, потому, что базальтъ и другіе твердые камни, изъ которыхъ топоры можно дѣлать, называются *Телла*.

Мѣсто обыкновеннаго ножа заступаетъ острая

раковина, которую носят въ поясъ или на нижней губѣ, что придаетъ имъ странный видъ.

Мы не нашли между ими никакого музыкальнаго инструмента, ни даже простаго барабана. Вообще они кажется не имѣютъ большихъ музыкальных способностей. Фортепiano и флейту слушали они со вниманіемъ; но ни который изъ сихъ инструментовъ не производилъ на нихъ по видимому большаго впечатлѣнія.

Къ домашней утвари можно причислить и лодки ихъ, о сохраненіи которыхъ они до такой степени пекутся, что нѣкоторые держатъ ихъ въ домахъ своихъ.

Большія лодки юросовъ имѣютъ отъ 25 до 30 ф. длины, и не болѣе $1\frac{1}{2}$ ф. ширины. Онѣ выдалбливаются всегда изъ одного дерева (хлѣбнаго). Отъ того ли что нѣтъ толстыхъ деревьевъ, или ихъ берегутъ, но все лодки ихъ съ надѣлками по бортамъ, шириною около фута, а по концамъ около 2 футъ. Надѣлки сіи привязываются веревками; въ дирочки вставляются бѣлыя раковинки; пазъ ничѣмъ не замазывается, и потому при малѣйшемъ волненіи или когда лодка загружена, вода течетъ въ нее ручьями и должно ее безпрестанно отливать. Часто видѣли мы со смѣхомъ какъ островитяне старались остановить течь, замазывая дыры хлѣбнымъ плодомъ (подобно какъ Алеуты наши затыкаютъ дыры въ байдаркахъ мясомъ). На легинькихъ коромыслахъ утверждень тонкій, параллельный лодкѣ, брусокъ для поддержанія ея. Въ такой лодкѣ бываетъ по 8-ми и по 10-ти человекъ гребцовъ. Онѣ отдѣлываются и оглаживаются очень чисто и мажутся краскою, составленною

изъ красной глины, которой они умѣютъ дать отмѣнный лоскъ. Обыкновенныя лодки во всемъ подобны симъ параднымъ, но не такъ чисто отдѣланы и меньше; есть не болѣе 6 футъ длины и 1 ф. ширины. Гребутъ гребками которыя вездѣ одинаковы, а на мелкихъ мѣстахъ толкаются шестами, или тѣми же гребками обороченными вверхъ лопастью. Лодки эти хорошо разочтены для своего назначенія: онѣ легки и мало сидятъ въ водѣ: слѣдственно могутъ чрезъ мелководные протоки мангровами подходить къ селеніямъ, а гдѣ нужно безъ труда быть перетаскиваемы. Ограниченное мореходство Юаланцевъ не требуетъ отъ нихъ иныхъ качествъ. Они никогда не выѣзжаютъ за рифъ; не имѣютъ ни случая, ни надобности ѣздить подъ парусами, и потому совсѣмъ ихъ не знаютъ — это я думаю единственный случай по всей Полинезій. Чтобы выманить ихъ за рифъ нуженъ какой нибудь необыкновенный случай, какъ на прим. появленіе судна; и тогда они довольно неловки, путаются между собою, и пр. словомъ самыя плохіе моряки. Большую часть изъ нихъ у насъ на шлюпѣ укачивало при непримѣтномъ почти колебаніи судна. Юроси чрезвычайно дорожатъ большими своими лодками: *Cine* при всей своей добротѣ и гостепріимствѣ прятался отъ насъ, чтобы не дать своей лодки.

Тѣ кои высочайшее блаженство поставляютъ въ безмятежномъ *far niente*, не должны бы желать ничего болѣе, какъ сдѣлаться Юаланскимъ Юросемъ. Они проводятъ жизнь въ совершенной праздности. Встаютъ съ восхожденіемъ солнца — они спали бы долѣе еслибъ человѣку не было положено предѣлъ на все

— часа два проходить въ натираніи тѣла кокосовымъ масломъ и *такъ*. Между тѣмъ въ обѣденной палатѣ разводится огонь и все готовится къ печенію хлѣбныхъ плодовъ. Часу въ 9-мъ собираются пить сека. Обряды при семъ наблюдаемые опишу я такъ, какъ мы замѣтили ихъ при торжественныхъ случаяхъ.

Хозяинъ беретъ растеніе какъ оно вынуто изъ земли, и сѣвъ противу почетнаго гостя, говоритъ ему что то, какъ бы прося разрѣшенія. Получа оное отламываетъ корни, а все прочее ставить въ уголь на полку въ даръ *Ситель Назюэнзяпу*. Это впрочемъ не всегда было наблюдаемо. Между тѣмъ стряпунъ или стряпуны (*) подпоясываются банановыми листьями, развязываютъ волосы и потомъ снова ихъ завязываютъ, но уже не на затылкѣ, а на темѣ. Они начинаютъ работу свою тѣмъ, что вымываютъ камни на коихъ сека колотится; потомъ бьютъ согласно въ ладоши 26 или 30 разъ; потомъ берутъ камни служащіе пестами и ими ударяютъ нѣсколько разъ о большіе камни; число ударовъ кажется не опредѣлено; мы насчитывали разное: отъ 10 до 17. За симъ принимаются уже за корни, которые расколачиваютъ, покуда они составятъ одну волокнистую массу. Тогда бьютъ камнемъ о камень нѣкоторое время очень часто, и за симъ начинается выдавливаніе. Подливъ нѣсколько воды на разбитую массу мнутъ ее руками о камень, чтобы она издала сокъ; дѣлаютъ изъ нее

(*) У *Сипе* и *Тогожи* сека приготовляли по два человѣка. Не знаю важности ли сана или числу посѣтителей это соотвѣтствуетъ.

комъ, который руками съ большимъ усиліемъ выжимаютъ въ приготовленныя кокосовыя шелухи. Выжавъ разъ, подливаютъ опять воды, опять мнутъ, и опять выжимаютъ, и продолжаютъ такъ пока нужное число сосудовъ наполнится. Между тѣмъ хлѣбные плоды уже испеклись и сняты съ камней и вмѣстѣ съ катакомъ, кокосами и пр. на подносахъ, сплетенныхъ изъ кокосовыхъ вѣтвей, положены предъ гостемъ, отъ котораго опять будто ожидается разрѣшеніе. Гость разламываетъ одинъ хлѣбъ и это служитъ знакомъ, что всякій можетъ приниматься за ѣду. Тогда кравчій подноситъ гостю чашу съ секою. Они не оскорблялись когда мы, какъ по большей части случалось, отказывались отъ сего нектара. Піющій подноситъ чашу ко рту и наклонясь шепчетъ молитву (о которой будемъ говорить ниже) и одувъ пѣну беретъ полонъ ротъ секи, — нѣкоторые все глотаютъ, другіе, все подержавъ во рту выплевываютъ, но большая часть проглотя половину, остальное выплевываютъ; въ заключеніе слѣдуетъ сильное кряканье и кривлянье, котораго причины я не понимаю, потому что отвѣдивъ нѣсколько разъ сего напитка, я нашелъ его совершенно безвкуснымъ и ни мало не жгущимъ. За секою слѣдуетъ закуска. У *Тогожи* предъ каждымъ положено было на особомъ подносѣ по кокосу и по хлѣбному плоду. Этимъ праздникъ кончается; гость идетъ домой, и все что отъ ѣды осталось уносится за нимъ (*). Такимъ образомъ были мы часто Юросями снабжаемы.

(*) Замѣчательно, что на островѣ Минданао также въ обыкно-

Точно такъ, но за исключеніемъ той части обряда которая относится къ гостю, Юроси всякое утро пьютъ сека, и это составляетъ ихъ завтракъ. Мнѣ случалось видѣть что тоже было повторяемо и ввечеру, но это кажется исключеніе и настоящее *тукъ тукъ сека* бываетъ только по утрамъ.

Кромѣ Сека употребляютъ они подобнымъ же образомъ иногда корень другаго растенія, называемаго *Кауа*, на какой случай имѣютъ особые камни, колотушки и даже особыя корыта для воды. Однакожь при насъ *Кауа* ни разу не толкли.

Кромѣ утренняго сека, которое совершенно соответствуетъ утреннему питію *Кавы* въ Таити и на другихъ островахъ, не могъ я замѣтить, чтобы они имѣли положенные часы для ѣды; они ѣдятъ когда имъ вздумается, довольно часто, но по немногу и кажется даже ночью; по крайней мѣрѣ *Нена*, когда ночевалъ у меня, всегда заботился, чтобы съ вечера поставлена ему была тарелка съ хлѣбными плодами и т. п.; съ чѣмъ онъ въ продолженіи ночи обыкновенно управлялся. Пьютъ весьма мало: растительная пища дѣлаетъ это конечно ненужнымъ.

Рыба и раки суть единственная животная пища ими употребляемая. Они не имѣютъ снѣдомыхъ четвероногихъ животныхъ; но лѣса ихъ изобилуютъ голубями и курами, а берега куликами, которыхъ они однакоже не ѣдятъ. Главную ихъ пищу составляютъ: *хлѣбные плоды, кокосы, корень катакъ, таро*

веніи уносить всѣ остатки пиршества за гостемъ. См. Путешествіе Форреста.

(Agum), бананы, сахарный тростникъ, и пр., которые они ѣдятъ частью сырые или просто спеченные, частью же въ разныхъ смѣсяхъ. Поваренное искусство ихъ сложнѣе нежели бы можно было подумать; словоохотный *Cine* описывалъ приготовленіе множества блюдъ, подвязавъ по образу стряпуновъ чубъ на темя, и показывая знаками какъ что дѣлается. Мы изъ всѣхъ сихъ блюдъ познакомились съ однимъ *Пауа*, и я уже упоминалъ какъ оно намъ понравилось. Хлѣбный плодъ, долго не сохраняющійся, запасаютъ они въ прокъ, квася въ землѣ, и называютъ его тогда *Гуро*.

Печеніе хлѣбныхъ плодовъ, катака, и пр. совершается въ землѣ точно такъ какъ на другихъ островахъ. Огонь достается треніемъ дощечки изъ мягкаго дерева, по направленію слоевъ, палочкою изъ жесткаго; въ одномъ концѣ борозды, отъ сего образовавшейся, накопляются по мѣрѣ тренія стружки; треніе производится сначала тихо, потомъ постепенно скорѣе и скорѣе, а когда дерево уже разгорячится, то весьма скоро, отъ чего наконецъ стружки воспламеняются. Вся операція продолжается не болѣе минуты. Для сего дѣла нужна особенная привычка; мы пробовали часто, но ни разу не успѣли достать огня такимъ образомъ.

Я не видалъ чтобы жены юросовъ ѣли вмѣстѣ съ мужьями; кажется что здѣсь онѣ подлежатъ подобнымъ же запрещеніямъ какъ и на многихъ другихъ островахъ, если и не въ разсужденіи качества пищи какъ тамъ, потому что имъ покамѣстъ разбирать не изъ чего. Онѣ не имѣютъ также права входить въ обѣденную палату. Жена *Тоеожи* могла толь-

ко украдкою заглянуть въ боковыя двери, чтобы получить подарокъ. Впрочемъ они не исключительно въ этомъ домѣ ѣдятъ; я видалъ *Cine* ужинающаго въ домикѣ возлѣ насъ.

Пища простаго народа натурально еще единообразнѣе. Невкусный родъ банановъ называемый *Калаишъ*, прѣжесткій и непріятный панданъ, сахарный тростникъ, нѣсколько хлѣбнаго плода, и изъ рыбнаго промысла то, что не надобно юросямъ, достается имъ. Лучшіе роды бананъ, катахъ, кокосы, вѣроятно также многіе роды, рыбъ суть исключительная собственность юросовъ (*). Это дѣлаетъ народъ мало разборчивымъ, и онъ съ удовольствіемъ ѣлъ всѣ наши кушанья. Когда мы на берегу обѣдали, то обыкновенно предъ дверьми палатки собиралась толпа, сколько изъ любопытства, столько же чтобы чѣмъ нибудь поживиться. Юроси гораздо разборчивѣе; однакожъ солонина наша всѣмъ нравилась, — она разумѣется шла подъ названіемъ *Кошо*. Хилійское сладковатое вино скоро полюбили, но водку съ отвращеніемъ выплевывали.

Мы не имѣли случая узнать какъ они употребляютъ апельсины.

Долгъ безпристрастнаго историка заставляетъ меня теперь упомянуть объ обычаѣ, который я охотно прешель бы молчаніемъ, и который я

(*) Насъ удивляло малое, по соразмѣрности, количество кокосовыхъ деревьевъ на островѣ, разведенію коихъ кажется ничто бы не препятствовало. Юроси такъ дорожатъ сими плодами, что прикрѣпляютъ иногда къ деревьямъ горизонтальныя рѣшетки въ высотѣ футъ 30 отъ земли, въ защиту отъ незваныхъ гостей — предосторожность въ другихъ мѣстахъ не виданная.

почиталъ существующимъ только между Готтенто-
тами, съ тѣхъ поръ какъ Миссіонеры воспретили его
(какъ я не сомнѣваюсь) Таитской Королевѣ (*) — я
говорю о гнусной *фтиріофагіи*, которую Докторъ
Мертенсъ по справедливости почиталъ первымъ ша-
гомъ къ челоѡкоядству. Здѣсь не принадлежитъ
она, какъ было на Таити, къ исключительнымъ пра-
вамъ какого нибудь класса. Всѣ другъ друга равно
обѣдають, не опасаясь недостатка. Мы такъ часто обна-
руживали имъ отвращеніе наше, что при насъ они нѣ-
сколько удерживались удовлетворять превратному ап-
петиту своему; но иногда шутили надъ нами, дѣлая
примѣръ будто бросаютъ на насъ нѣкоторое живот-
ное. Въ посѣщеніе у *Тогожи*, *Сине* вздумалъ по-
вторить эту шутку, но я вскочилъ съ сердцемъ и
сказалъ, что если онъ еще разъ это сдѣлаетъ, то я
сей часъ уѣду домой. Ему не трудно было меня
успокоить, между тѣмъ какъ *Тогожа*, по обыкновенію
своему ничего не понимавшій, только что повторялъ:
Меа инее? наконецъ *Сине* изъяснилъ ему и всему
собранію въ чемъ дѣло, и разговоромъ возбудилъ
такое же удивленіе нашимъ странностямъ и предраз-
судкамъ, какъ Драгоманъ Али Паши Египетскаго изъ-
яснившій ему о Европейскихъ ученыхъ обществахъ
и о кофе съ молокомъ. Не доставало только изъ
толпы восклицанія: «*Ахъ они невѣрные!*»

Поѣсть, поспать, посидѣть въ кружку и побола-
гурить, вотъ въ чемъ проходитъ жизнь Юрося. Ум-
ственные его силы въ такой же всегдашней праздно-

(*) См. Wilson's Missionary Voyage.

сти какъ и физическія; онъ не боится недостатка и не имѣетъ непріятелей; онъ не знаетъ ни страха, ни надежды; страсти его дремлютъ — отъ этого конечно кроткій, тихій нравъ, но и ограниченность умственныхъ способностей Юросовъ; они всѣ почти безтолковы; съ послѣднимъ изъ народа объяснялись мы лучше, и даже съ женами ихъ, потому что онъ хоть что нибудь дѣлаютъ.

Сидѣть сложа руки считается неприличнымъ между Юаланскими дамами, не менѣе какъ и между нашими; но не имѣя разнообразныхъ занятій нашихъ, ограничиваются онъ тканіемъ *тола*, и нянченіемъ дѣтей своихъ. Не взирая однакожь на то держать онъ и нянюшекъ. Жена *Сине* ночевала всегда съ шестилѣтнею своею дочерью; а грудной сынъ, подъ присмотромъ старой няньки спалъ въ особомъ домѣ. По окончаніи утренняго туалета первое было требовать къ себѣ сына, котораго обнимала съ нѣжностію.

Простой народъ вездѣ имѣетъ болѣе работы нежели знать; но тамъ гдѣ нужды человѣка весьма ограничены, и природа все почти даетъ добровольно, не можетъ и рабъ быть отягченъ работою. Доставленіе матеріаловъ для починки и постройки лодокъ и домовъ; самая починка и постройка, составляютъ барщину, на которую люди только временно употребляются; — всегдашнія же занятія суть присмотръ за господскими плантаціями, собираніе плодовъ (*) и доставленіе ихъ въ столицу, и рыбная ловля.

(*) Для собиранія кокосовъ надѣваютъ они себѣ на ноги пуги изъ пандановыхъ листьевъ или веревочныя, такъ чтобы нога

Последняя есть почти исключительное занятіе женщинъ; по крайней мѣрѣ мы весьма мало видѣли мужчинъ ею занимавшихся. Они имѣютъ большіе невода изъ кокосовыхъ веревокъ, съ поплавками, весьма похожіе на наши; кошель фута 4 въ длину и 2 въ ширину, растянутые палкою, которыми они рыбу въ водѣ поддѣваютъ; большихъ рыбъ колютъ легкими деревянными копьями; на тотъ же конецъ имѣютъ маленькое орудіе, состоящее изъ трехъ рыбныхъ зубовъ воткнутыхъ въ короткую рукоятку. Удѣ они не имѣютъ, потому что за рыбою никогда не ѣздятъ въ море, но весь промыселъ производятъ по внутреннюю сторону рифа. По отмелямъ во многихъ мѣстахъ складены у нихъ изъ камней *закольы* или *перборы*, въ которые рыба при полной водѣ входитъ, а въ малую остается запертою и легко достается въ добычу.

Черепяхъ, которыхъ въ гавань заходитъ довольно много, они также ловятъ, но какимъ образомъ, я не имѣлъ случая видѣть; не знаю также ѣдятъ ли ихъ; имѣю однакоже причину въ этомъ сомнѣваться. Намъ не удалось поймать ни одной черепахи; нѣсколько было заострожено, но кончалось всегда тѣмъ, что ушедъ подъ камни обрывали лини, или вырывали

отъ ноги была на фупъ, которыми взлѣзая на дерево обнимаютъ оное кругомъ, и могутъ держаться весьма крѣпко. Снятие хлѣбныхъ плодовъ требуетъ болѣе осторожности, ибо упавъ на землю плодъ разбивается въ куски. Для сего употребляютъ особый инструментъ называемый *Тангасъ*; это есть длинный шестъ съ рогулькою на концѣ, которою, задръвъ за вѣтку, отламываютъ плодъ и осторожно подаютъ внизъ.

остроги. Нѣсколько разъ запутывались онѣ въ бакштаги нашего футштока, бились иногда долго, рвали веревки, ломали все, но ни разу не имѣли мы счастья или ловкости поймать хоть одну.

Мужчины всѣхъ классовъ весьма любятъ собираться въ кружокъ и разговаривать. Пристойность собраній ихъ по истинѣ достойна подражанія. Мы конечно не понимали содержанія ихъ разговоровъ; невозможно однакоже, чтобы всѣ всегда были одного мнѣнія; не взирая на то не замѣтили мы никогда ни неудовольствія, ни спора, ни крупнаго слова. Говорить тихимъ голосомъ есть общій обычай, и я часто замѣчалъ, что громкія наши рѣчи не слишкомъ имъ нравились; и вообще я думаю, что не взирая на ненарушимую дружескую связь, въ которой мы во все время съ ними находились, оставили мы по себѣ славу народа безпокойнаго, который не умѣетъ говорить тихо, и которому не посидится на мѣстѣ; — послѣдняго не могли мы дѣлать долго по двумъ причинамъ, ради занятій нашихъ, и потому что сидѣнье по ихъ обычаю для насъ очень безпокойно. Особенно любятъ они собираться такимъ образомъ въ сумерки. Въ это время и мы иногда къ нимъ присоединялись, и веселье бывало общее, хотя гости большею частію другъ друга не понимали.

Кромѣ огня на очагѣ не употребляютъ они другаго средства для освѣщенія своихъ домовъ; да и не имѣютъ въ томъ надобности, потому что около 8 часовъ всѣхъ клонитъ сонъ, и позже этого времени мало видно людей не спящихъ. Они не имѣютъ также обыкновенія вставать по ночамъ чтобы бѣситься, какъ на нѣкоторыхъ островахъ Полинезіи.

Мы не нашли у нихъ никакихъ публичныхъ увеселеній, и можемъ, кажется, заключить изъ этого, что таковыя не въ обыкновеніи, ибо невѣроятно, чтобы юросамъ никогда не вошло въ мысль насъ ими повеселить. Впрочемъ по просьбѣ нашей они всегда охотно плясали. Пляску ихъ, какъ и вообще пляску, столько же трудно описать какъ и изобразить кистью. Нѣсколько человѣкъ становятся въ линію одинъ за другимъ, тихо переступаютъ на одномъ мѣстѣ съ одной ноги на другую и дѣлаютъ разныя движенія руками, которыя не взирая на многоразличіе и видимый недостатокъ системы, производятся всѣми съ такою удивительною точностію, что смотря сзади такой колонны, кажется будто это автоматы движимые одною машиною; всѣ движенія притомъ плавны, и при стройномъ сложеніи тѣла, здѣсь общемъ, имѣютъ дѣйствительно много граціи. Изъ этого исключить должно принужденныя движенія головою. Все происходитъ въ тактъ пѣсни, которая поется тихимъ, принужденнымъ голосомъ, голосомъ человѣка имѣющаго въ сильной степени одышку, — довольно непріятнымъ. Пляски эти подвержены особымъ правиламъ; не только женщины не имѣютъ права принимать въ нихъ участія, но кажется, что и мужчины только съ разборомъ могутъ между собою плясать. При пляскахъ надѣваютъ они на руки по ниже локтя кольца изъ раковинъ выточенныя, называемыя *Моэкъ*.

Мы не замѣтили между ими никакихъ азартныхъ игръ. Оныя бываютъ изобрѣтаемы людьми для убиванія времени, или для присвоенія себѣ чужой собственности; о послѣднемъ добрые Юаланцы не помы-

шляютъ, а въ первомъ успѣваютъ очень хорошо и безъ игръ. Не нашли также никакихъ гимнастическихъ упражненій, ни борьбы, ни метанія въ цѣль и т. п. Всѣ сего рода занятія имѣютъ большее или меньшее отношеніе къ войнѣ или звѣриной охотѣ, а они не знаютъ ни того, ни другаго; всѣ ведутъ къ тому, чтобы въ противной сторонѣ видѣть врага, а главная черта характера Юаланцевъ есть видѣть во всякомъ другомъ брата.

Они не имѣютъ совершенно никакого оружія, ниже палки противу человѣка назначенной, и потому не могутъ, кажется, имѣть и отдаленнаго понятія о войнѣ; есть ли этому другой примѣръ на земли? Три-тоновы рога, коихъ звукъ на всѣхъ островахъ Великаго Океана служить знакомъ войны, есть и на Юаланѣ; но они сложены на святилищѣ *Назюэнзяна*, и служатъ только при обрядахъ религіозныхъ, какъ увидимъ ниже.

Все доселѣ сказанное свидѣтельствуется уже объ удивительной добротѣ нрава сего народа, которому едва ли можно найти подобный въ свѣтѣ. Они не знаютъ сильныхъ душевныхъ движеній: не уязвляютъ себя рыбьими костями для изъясненія печали, которая въ слѣдующую минуту забывается — но мрачное лице и потупленные глаза обнаруживаютъ состояніе души. Въ радости не доходятъ они до изступленія, но обнаруживаютъ ее объятіями и непритворнымъ смѣхомъ. Встрѣчая незнакомаго, не употребляютъ они ни пальмовыхъ вѣтвей, и никакихъ другихъ знаковъ мира, потому что не знаютъ инаго состоянія кромѣ мира. Дѣтскою довѣренностію и неизмѣнною, непринужденною веселостію, рекомендуютъ они себя съ

выгоднѣйшей стороны, въ самую первую минуту; дальнѣйшее знакомство открываетъ въ нихъ кротость, ровный, постоянный нравъ, услужливость и даже честность. Дневный грабежъ предпринятый *Сезою* не можетъ свидѣтельствовать противъ этого, потому что негодяи есть во всѣхъ земляхъ и между юросями; но въ очищеніе характера народнаго должно сказать, что всѣ безъ исключенія опорачивали его поступокъ, и даже дѣти, которыя обыкновенно переговариваютъ то, что слышать отъ старшихъ. Въ одной изъ бесѣдъ у дочери *Сипе*, о которыхъ я упоминалъ, кто то называлъ имя *Сезы*; я сказалъ: «*Сеза Колукъ*» — и все малолѣтнее собраніе въ одинъ голосъ закричало: «*Сеза Колукъ*,» съ такимъ жестомъ и съ такимъ выраженіемъ лица, которыя доказывали что это было отъ сердца. *Сеза* самъ ни разу не показывался во всю нашу бытность въ *Лелъ*, конечно не отъ страху, потому что мы самъ восемь въ столицѣ ихъ ничего не могли ему сдѣлать. Воры въ *Таити*, и на другихъ островахъ, не показывали такой застынчивости. Въ прогулки наши, часто окруженные толпою, не только не имѣли мы надобности пещись, чтобы изъ рукъ чего нибудь не было вырвано, но поручали имъ носить наши ружья и инструменты, о сохраненіи которыхъ пеклись они болѣе нежели мы сами. Мы ѣздили на ихъ лодкахъ, и никогда ничего не теряли. Гг. Естествоиспытатели въ разъѣздахъ своихъ всегда сопровождаемы были островитянами, кои оказывали имъ всякую помощь, лазили на деревья, несли ихъ ноши, и пр. Дружба ихъ была безкорыстна. Они часто просили у насъ то, что имъ было нужно; но это совсѣмъ не въ возмездіе того, что они намъ привозили.

Мы часто пытались сообщить имъ какое нибудь понятие о мѣновой торговлѣ, потому что для насъ немножко накладно было быть съ ними на отдаркахъ; но тщетно; много ли, мало ли было привезено, Юрось или ничего не требовалъ, или просилъ топора; а обыкновенно довольствовался тѣмъ, что ему было дано.

О гостепріимствѣ лишнее было бы послѣ этого и упоминать; оно встрѣчается у Бедуиновъ и Готтентотовъ: какъ же не быть ему здѣсь? Хозяинъ не бѣжитъ гостю на встрѣчу, не обнимаетъ его думая про себя: «нечистый бы тебя побралъ!» но съ ласковымъ, покойнымъ лицомъ показываетъ ему возлѣ себя мѣсто; готовится сека, пекутся хлѣбные плоды, пируютъ тихо; но тутъ гостепріимство останавливается, не распространяясь, какъ у многихъ другихъ народовъ, даже и на жену хозяина; гость прощается такъ же безъ восторговъ, и все что осталось отъ пира уносится за нимъ.

Но болѣе всего обнаруживается кроткій, уживчивый нравъ ихъ, въ семейственномъ ихъ быту. Поэты не выдумали бы здѣсь бѣса брачнаго; но конечно столь же мало бредней о Дорисѣ и Дафнѣ. Супруги обходятся между собою дружелюбно, и по видимому на одинаковой ногѣ. *Каки* часто совѣтовался съ своею женою, подобно какъ у насъ въ дружныхъ семействахъ; получая подарки не забывали они никогда женъ, которыя съ своей стороны никогда не упускали спрашивать: *а едѣ мое?* когда тѣ возвращались съ подарками. Къ дѣтямъ какъ отецъ такъ и мать нѣжны, но безъ гримасъ. У *Тогожи*, не имѣющаго своихъ дѣтей, заступаетъ ихъ мѣсто сынъ *Неньи*

лѣтъ 8-ми, прекрасный, живой мальчикъ, котораго старикъ не могъ утерпѣть, чтобы каждую минуту не трепать, то за щеку, то за ухо; и тотъ принималъ это съ видомъ доказывавшимъ, что онъ понимаетъ и цѣнить всю нѣжность старика. Дѣти ихъ вообще благонравны; окруженные ребятами не слышали мы никогда писка и визга ихъ; въ толпахъ мальчиковъ не замѣтили мы ни разу ни ссоры, ни драки, что однакоже не препятствуетъ имъ быть живыми и даже до бѣшенства. Молоденькія дѣвушки чрезвычайно милы, ласковы и ни мало не застѣнчивы: но большія попрошайки.

Безпримѣрная кротость нрава не исключаетъ въ нихъ великой веселости. Кажется они не знаютъ что значить скука; всегда рады случаю посмѣяться, хотя бы это было и на собственный свой счетъ, и кажется охотнѣе смѣялись надъ собою, нежели надъ другими. Шутки принимали весьма охотно, и никогда на нихъ не сердились. Они изъясняютъ веселость, или одобрѣніе точно также какъ жители другихъ острововъ сего моря — т. е. ударяя правою ладонью въ сгибъ лѣвой руки прижатой къ тѣлу, что производитъ весьма сильный, глухой звукъ. Они надрывались отъ смѣха, когда мы въ шутку, въ платяхъ своихъ пробовали дѣлать тоже, и разумѣется безъ успѣха. Напротивъ того они не могли хлопнуть громко ладонями.

Многоженство терпимо, однакожъ не въ общемъ употребленіи. Всѣ главные юроси имѣютъ по нѣскольку женъ: У *Сине* 2, у *Нены* 3; и пр. Напротивъ того второстепенные юроси, намъ извѣстные, всѣ имѣли по одной только женѣ. Изъ двухъ женъ

Сине одна явно была предпочитаема, но я не замѣтилъ, чтобы другая была въ какой нибудь отъ нее зависимости.

Многоженство, хотя и не всеобщее, и меньшее число женщинъ противу мужчинъ, причиною, что холостяковъ здѣсь весьма много; а это необходимо должно влечь за собою нѣкоторыя обыкновенія, не совсѣмъ согласныя съ чистою нравственностію, которыя мы сначала, можетъ быть несправедливо, почитали однимъ изъ слѣдовъ пребыванія здѣсь первыхъ Европейцевъ. Юанланки не могутъ похвалиться тою цѣломудренностію, каковою, по рассказамъ, отличаются женщины на Радакъ. Я не имѣлъ случая испытать строгости правилъ замужнихъ, — но кажется что и между ими не всѣ Пенелопы, и что они даже и не кичатся быть ими; примѣръ тому жена *Каки*, которая находила удовольствіе обвинять въ беременности своей одного изъ нашихъ спутниковъ (который однакоже никакъ въ томъ не признавался); и самъ *Каки* любилъ очень надъ этимъ шутить, представляя часто какъ жена его будетъ плакать по своему возлюбленномъ.

Читая путешествія въ страны отдаленныя, мы убѣждаемся, — и въ этомъ состоитъ одно изъ величайшихъ наслажденій приносимыхъ симъ чтеніемъ — что нѣтъ народа, какъ бы онъ малочисленъ не былъ, на какой бы низкой степени образованности ни находился, который бы не признавалъ бытія существа высшаго, распоряжающаго судьбами людей. Смотри по характеру народа, по большей или меньшей его испорченности, можетъ быть также по климату, и по изобилію или бѣдности страны, изображенія сего существа, вещественныя и умственные, бываютъ

весьма различны, часто уродливы, и почти всегда недостойны мудрости и благости Творца міра, откровеннаго намъ нашею религіею; но при всемъ несовершенствѣ своемъ доказываютъ необходимость безсмертной частицы человѣка возноситься къ своему началу, въ міръ невещественный, послѣднее но вѣрное убѣжище отъ непріятностей, съ которыми заключеніе ея въ персти неразлучно. Въ семъ отношеніи религія народовъ дикихъ заслуживаетъ всего вниманія путешественника, ищущаго не только удовлетворенія своего любопытства, но и поученія.

Предметъ сей болѣе всѣхъ другихъ заставилъ насъ сожалѣть о незнаніи языка Юаланцевъ. Не взирая на многія ихъ толкованія, остались мы съ весьма темными только свѣдѣніями о ихъ религіи. Божество ихъ называется *Ситель Назюэнзянъ*. Онъ былъ человѣкъ изъ роду *Пенме* (или можетъ быть родъ сей ведется отъ него;) онъ имѣлъ двухъ женъ *Кажуа Синъ Ляга*, *Кажуа Синъ Нѣнфу*, и дѣтей: *Ринъ*, *Ауріери*, *Наиуоленъ* и *Сеуапинъ*. Кажется что *Ситель Назюэнзяна* почитаютъ они вмѣстѣ и родоначальникомъ и божествомъ своимъ.

Ситель Назюэнзянъ не имѣетъ ни храмовъ, ни моравъ, ни кумировъ. Въ каждомъ домѣ устроено въ углу особое мѣсто, гдѣ жезль отъ 4 до 5 футъ длиною, съ одного конца заостренный а съ другаго имѣющій выемку, изображаетъ общественнаго Пената. Онъ довольствуется самою умѣренною жертвою, состоящею въ вѣтвяхъ и листьяхъ растенія *Сека*. Тутъ же лежащіе Тритоновы рога, какъ принадлежность его, заставляютъ думать, что онъ былъ воинъ, ибо звукъ сего рога служитъ знакомъ войны по всѣмъ

островамъ Южнаго моря. Со смертію его какъ видно храмъ Янусовъ заперся навсегда, и орудіе сіе служить только при обрядахъ до религіи принадлежащихъ, одинъ изъ коихъ описанъ ниже. Черезъ рѣчку, при которой лежитъ селеніе Люаль, протянута была ниточка, съ обѣихъ сторонъ закрѣпленная за деревья, и унизанная красными цвѣточками: это было также одно изъ невинныхъ приношеній *Ситель-Назюэнзяпу*.

Питіе сека есть несомнѣнно часть ихъ религіозныхъ постановленій, отъ чего и самое растеніе содержится въ такомъ уваженіи, что имъ даже непріятно было, когда мы до него дотрогивались на корню. Это есть какъ бы облація въ честь *Назюэнзяпа* и слѣдующая молитва, которую они при семъ и всегда съ благоговѣніемъ повторяютъ, есть вѣроятно формула приношенія. Они говорятъ:

Талаэлемъ сека Мэ....(*) Ситель Назюэнзяпъ (<i>Пенме</i>)	
Ринъ сека	} (<i>Пенме.</i>)
Наитуоленъ сека	
Сеуапинъ сека.	
Шиешу сека.	(<i>Тонъ.</i>)
Мананзяуа сека.	(<i>Лишенее.</i>)
Кажуа Синъ Ляга сека	} (<i>Пенме.</i>)
Кажуа Синъ Нѣнфу сека	
Ольпатья сека.	(<i>Лишенее.</i>)
Тогожѣ сека.	(<i>Тонъ.</i>)

Вся эта молитва, за исключеніемъ первыхъ трехъ

(*) Мэ..... говорится очень протяжно и на распѣвъ. *Нѣнфу* произносится въ носъ.

словъ, коихъ настоящаго смысла я не знаю, состоятъ изъ собственныхъ именъ, съ присовокупленіемъ названія растенія сека. Между ими встрѣчаются имена женъ и 3-хъ сыновей *Ситель Назюэнзяпа* и напоследокъ имя нынѣшняго Юрося *Тогожи*. Каждое изъ сихъ лицъ почитаютъ они принадлежащимъ къ одному изъ трехъ колѣнъ, на кои раздѣляется народъ, какъ означено въ скобкахъ противу именъ ихъ.

Церемонія, о которой упомянуто выше, происходила въ обѣденной палатѣ у *Сине* и состояло въ слѣдующемъ. Человѣкъ, бывшій главнымъ дѣйствующимъ лицомъ, сидѣлъ сложа ноги подъ собою на опрокинутомъ сосудѣ, въ которомъ приносятъ воду когда пьютъ сека. На шеѣ имѣлъ онъ ожерелье изъ вѣтви молодого кокосоваго дерева, въ рукахъ держалъ жезлъ изображающій *Ситель Назюэнзяпа*, который онъ безпрестанно прижималъ къ колѣнамъ. Глаза его были мутны; онъ поминутно вертѣлъ головою и то свисталъ какимъ то страннымъ образомъ, то имѣлъ отрыжку, а иногда кричалъ и оплевывался, какъ обыкновенно дѣлаютъ при питіи сека. Онъ произносилъ прерывистыя и невнятные слова, между которыми иногда слышно было *Юрось Лицке* (такъ меня вообще называли). Вообще кажется, что это было подражаніе состоянію человѣка упившагося секою; и я думалъ одно время, что онъ и дѣйствительно былъ въ этомъ состояніи. Предъ нимъ лежалъ рогъ изъ большой раковины. Между тѣмъ на очагахъ нагрѣваемы были каменья и все приготовляемо къ печенію хлѣбныхъ плодовъ, однакожъ въ тишинѣ и молчаніи, какія приличны при торжественномъ случаѣ. Когда кривлянье это продолжилось довольно долго, *Сине* под-

нялъ рогъ и поднесъ его почтительно жрецу, который потрубя нѣсколько возвратилъ его, и вскорѣ потомъ вскочилъ и выбѣжалъ изъ дома боковыми дверями, ступя мимоходомъ ногою въ горящій очагъ. Намъ сказали, что онъ побѣжалъ къ *Тогожъ* повторить ту же штуку. Онъ бѣжалъ по улицѣ вертя жезломъ во всѣ стороны, и все что было на его пути разбѣгалось сломя голову. Чрезъ полчаса или около того онъ возвратился держа жезлъ какъ ружье *на руку*, наклонившись и какъ будто украдкою вошелъ боковыми дверями въ домъ и поставя жезлъ на мѣсто сѣлъ между нами совершенно здоровъ и какъ ни въ чемъ не бывало.

Что эта церемонія именно означала, мы не могли понять, не взирая на длинные рассказы *Сине* и другихъ. Можетъ быть, что представленіе человека въ сильномъ страданіи, какое происходитъ отъ неумѣреннаго употребленія секи, установлено съ нравственною цѣлію удержать другихъ отъ сего порока; и это тѣмъ правдоподобнѣе, что мы во все время не видали ни одного человека ушившагося секою. Въ послѣдствіи жрецъ этотъ, одинъ изъ постоянныхъ посѣтителей нашего стана, принадлежавшій къ роду Лишенге, и называвшій себя *Сіяликомъ* Ситель Назюэнзяпа, много рассказывалъ мнѣ о какихъ то лодкахъ прибывшихъ съ моря; но и это толкованіе, подобно многимъ другимъ, было для насъ потеряно.

Кажется, что они имѣютъ нѣкоторыя темныя идеи о состояніи человека по смерти. На покойниковъ надѣваютъ они всѣ лучшія украшенія, обвертываютъ тѣло въ ткани, складываютъ руки вмѣстѣ къ пахамъ, и зарываютъ въ землю. Я видѣлъ свѣжую

могилу въ селеніи *Уэгатъ*. Она находилась подлѣ са-
маго дома родственника покойника, и отличалась дву-
мя цѣльными банановыми деревьями, вдоль ее положен-
ными. — При разсказахъ о семъ предметѣ они часто
указывали на небо.

Языкъ Юаланцевъ звученъ, мягокъ и нѣженъ. (*)
Они говорятъ весьма пріятно и безъ шумной торо-
пливости, замѣчаемой обыкновенно въ разговорахъ ди-
кихъ. Измѣненіями голоса, выраженіемъ глазъ и тѣ-
лодвиженіями стараются они придать выраженіе рѣ-
чамъ. Во всѣхъ языкахъ женщины говорятъ пріят-
нѣе мужчинъ, и здѣсь также. У меня долго отзывав-
лось въ ушахъ *Шалъ - Шалъ?* какъ? плясать?
которое говорили молоденькія дѣвушки, когда я ихъ
просилъ, чтобы они поплясали. Надо припомнить,
что женщинамъ на Юаланѣ пляска запрещена.

Островъ Юаланъ можетъ служить весьма хоро-
шимъ пристанищемъ, и именно для китобойныхъ су-
довъ, близъ сихъ мѣстъ промышляющихъ, и для кора-
блей плывущихъ въ Китай восточнымъ путемъ. По-
койная гавань, хорошій климатъ, добрый народъ, изо-
биліе прѣсной воды и плодовъ, которые не менѣе мяс-
ной пищи способствуютъ подкрѣпленію людей послѣ
продолжительнаго плаванія, даютъ ему сіе преиму-
щество.

Изобильнаго морскаго запаса здѣсь ожидать нельзя;

(*) Собранныя нами слова сего языка, вмѣстѣ съ дальнѣйшими объ-
немъ замѣчаніями, помѣщены въ концѣ Главы XIII.

но во временномъ продовольствіи недостатка нѣтъ. Дикіе голуби и куры доставляютъ сколь вкусное жаркое, стольже сочную и питательную похлѣбку. Четыре или пять человѣкъ стрѣлковъ снабжали насъ ими въ такомъ изобиліи, что мы могли ежедневно варить на всю команду свѣжую кашу. Кулики даютъ хорошее жаркое. Рыба и черепахи, еслибъ найти средство ловить ихъ, служили бы весьма хорошимъ подспорьемъ; но мы въ этомъ не имѣли никакой удачи, а отъ жителей много получить нельзя. Изъ плодовъ можно имѣть сколько угодно низкихъ родовъ банановъ и сахарнаго тростнику; хлѣбный плодъ можно всегда имѣть отъ Юросовъ, наши люди скоро къ нему привыкли и предпочитали его хлѣбу. Кокосовъ и лучшихъ банановъ нельзя имѣть много. Первыхъ получали мы такъ мало, что не болѣе двухъ разъ въ недѣлю могли давать всѣмъ людямъ по одному. Къ морскому запасу можно причесть только сахарный тростникъ и апельсины. Послѣдніе при насъ были незрѣлы, и потому мы не знаемъ, на какое оныхъ количество можно надѣяться. Бананы незрѣлые держатся съ недѣлю и дозрѣваютъ. Есть еще родъ огурца, плодъ растущій на деревѣ, круглый и съ весьма толстою и твердою кожею, который будучи посоленъ или въ уксусъ, даетъ прекрасный *пикль*; но мы не въ такомъ количествѣ его нашли, чтобы запасти на команду.

Можетъ быть со временемъ Юаланъ будетъ снабжать мореходцевъ свиньями. Похвальное намѣреніе Капитана Дюперре осталось втунѣ. Желательно чтобы нашъ опытъ имѣлъ лучшій успѣхъ.

Прѣсная вода, которую мы брали изъ ручейка

текущаго чрезъ селеніе *Люаль*, содержитъ нѣкоторое количество соляной кислоты, но это не мѣшаетъ ей быть вкусною и здоровою и хорошо сохраняться. Дровъ хорошихъ нѣтъ; огромныя Сонераціи могутъ доставить какое угодно количество, но сырыхъ и едва ли способныхъ высохнуть.

Но пора мнѣ проститься съ Юаланомъ и добрыми, любезными его обитателями. Отъ души желаю, чтобы они насъ также полюбили какъ мы ихъ; чтобы посѣщеніе наше возбуждало въ нихъ такія же пріятныя воспоминанія, какъ въ насъ пребываніе между ими; чтобы все нами для нихъ сдѣланное существенно улучшило ихъ состояніе; но болѣе всего, чтобы они никогда не имѣли причины сожалѣть, что бѣлые люди нашли дорогу къ ихъ уединенной землицѣ.

Сдѣланное мною описаніе острова Юалана почерпнуто безъ всякаго прибавленія, но только съ исключеніемъ лишнихъ подробностей, изъ журнала моего, веденнаго на мѣстѣ, безъ всякаго соображенія съ повѣствованіями путешественниковъ, посѣтившихъ прежде насъ сей островъ (*); нарочно для того, чтобы за-

(*) Voyage médical autour du monde, exécuté sur la corvette la Coquille, par R. P. Lesson. — Observations sur le sol, sur les productions de l'île Oualan, et sur ses habitans, leur langage, leurs mœurs, etc. par R. P. Lesson; Journal des Voyages, publié par D. Frick et N. Deville-neuve, Mai et Juin. Журнала начальника сей Экспедиціи, Капитана *Дюперре*, не было въ Россіи, когда замѣчанія сіи писаны.

ключенія мои остались совершенно независимыми отъ сужденій другихъ. Теперь остается мнѣ указать на нѣкоторыя разности между тѣми и другими.

Я не буду говорить о неважныхъ различіяхъ, неизбѣжныхъ при описаніи народа, съ которымъ возможно толковать только по пальцамъ, и достаточно объясняемыхъ недостоверностію всѣхъ симъ способомъ собираемыхъ свѣдѣній; но обращаю вниманіе на такія только противурѣчія, кои даютъ совсѣмъ иныя понятія о состояніи и нравахъ описываемаго народа. Съ другой стороны укажу я и на тѣ мѣста, въ коихъ догадки одного подтверждаются замѣчаніями другаго.

Одно изъ главныхъ между нами противурѣчій состоитъ въ толкованіи словъ; *Тонъ*, *Пенме*, и *Лишенее*, кои я почитаю названіями родовъ или коленъ, на кои народъ раздѣляется, а Г. Лессонъ названіями сословій или кастъ, прибавляя къ симъ тремъ еще нѣсколько другихъ подраздѣленій, которыхъ мы не замѣтили.

Я долженъ признаться, что мое толкованіе не совсѣмъ удовлетворительно. Еслибъ это точно были *колѣна*, въ томъ смыслѣ какъ мы обыкновенно принимаемъ, то отъ чего бы изъ колѣна *Лишенее* не было ни одного *главнаго* Юрося, хотя второстепенныхъ было нѣсколько?

Но съ толкованіемъ Г. Лессона я также не могу согласиться. Мы не замѣтили столь строгаго отлученія разныхъ классовъ между собою, ни столь рѣзкаго различія въ наружномъ видѣ старшинъ и простаго народа, какъ говоритъ Г. Лессонъ. Мы видѣли, что большая часть главнѣйшихъ и богатѣйшихъ юросовъ были *Пенме*. Изъ рода *Тонъ*, которое Г.

Лессонъ почитаетъ равнозначащимъ Царю, было двое: *Тогожа* и *Сеоа*. Послѣдній ничѣмъ не отличался отъ *Юросовъ Пенме*. *Ситель - Назюэнзяпъ*, ими боготворимый, былъ *Пенме*. Въ молитвѣ, въ которой онъ играетъ первую роль, именуются особы всѣхъ трехъ наименованій, чего кажется не могло бы быть, еслибъ оныя означали *касты*.

Въ удрученномъ лѣтами Юросѣ, о коемъ упоминаетъ Г. Лессонъ, не называя его имени, не лѣзя не узнать нашего *Тогожу*. Г. Лессонъ говоритъ рѣшительно: *L'île de Oualan est regie par un chef suprême qui porte le titre d'Urosse toll ou tône Les autres commandent les divers districts de l'île, ou entourent le roi dans Lélé.* Въ другомъ мѣстѣ: *c'était la demeure du Roi de l'île.* Выше говорено въ подробности, почему мы въ *Тогожѣ* никакъ не могли признать *Царя* всего острова.

Молитва или формула, при питіи сека произносимая, оправдываетъ догадку Г. Лессона, что старшины по смерти пользуются нѣкотораго рода поклоненіемъ, но общаго Пантеона юросовъ намъ не случилось видѣть.

Г. Лессонъ ошибся, говоря, что напитокъ *Сека* готовится изъ *листьевъ*, или *вѣтвей* сего растенія (*); оно готовится, подобно какъ на всѣхъ островахъ Полинезіи, изъ корней. Мы нѣсколько разъ видѣли, какъ въ своемъ мѣстѣ упомянуто,

(*) Journal des Voyages, XXVI. 286. Voyage médical p. 130 и 194.

На стр. 129 сказано *boisson fermentée*; но это явная ошибка.

что старины отломивъ коренья, вѣтви съ листьями приносили въ даръ *Ситель Назюэнзяпу*. Корни сіи толкутся не въ деревянномъ сосудѣ, а на особыхъ камняхъ, врытыхъ въ землю.

Г. Лессонъ сильно нападаетъ на нравственный характеръ юросовъ. Хотя и мы не всегда ими могли похвалиться, хотя одинъ изъ нихъ явно участвовалъ въ похищеніяхъ, у насъ сдѣланныхъ, и мы подъ конецъ возымѣли нѣкоторыя сомнѣнія въ благодарности ихъ; со всѣмъ тѣмъ я долженъ заступиться за нихъ противъ нападокъ нашего предшественника. Вотъ какъ честить ихъ Г. Лессонъ: Des dispositions aussi bienveillantes et aussi aimables ne se retrouvaient point chez les Urosses; soit par mélange d'orgueil, de vanité ou de l'avarice, soit qu'ils pensassent que nos présents leurs étaient dus, ils se montraient avides, insatiables et sans noblesse, ni générosité dans le caractère. А въ другомъ мѣстѣ: Ceux de Oualan (les chefs) nous parurent envieux jaloux de leurs prérogatives et sans la moindre noblesse dans le caractère. Онъ рассказываетъ, что одинъ изъ нихъ простеръ наглость до того, что покусился похитить руль отъ ялика въ глазахъ матросовъ Французскихъ и приказалъ раздѣть одного изъ офицеровъ, оставшагося въ Леллѣ. Мы готовы узнать въ этомъ молодцѣ извѣстнаго уже читателямъ моимъ Юрося *Сезу*, котораго дурныхъ качествъ однакоже другіе не раздѣляютъ. Мы ихъ вообще нашли добродушными и гостепріимными, хотя можетъ быть и не въ такой степени, какъ низшіе классы. Таково по крайней мѣрѣ впечатлѣніе, сдѣланное ими на всѣхъ моихъ спутниковъ, изъ коихъ ни одинъ конечно не раздѣлитъ мнѣнія Г-на Лессона.

Съ другой стороны мы не нашли, чтобъ они были просвѣщеніе или образованіе другихъ. Напротивъ того, мы гораздо съ большею пользою бесѣдовали со второстепенными Юросями, и большую часть свѣдѣній нашихъ заимствовали отъ нихъ; первые же отличались какою-то лѣнностію и вялостію ума и тѣла, дѣлавшими ихъ совершенно безтолковыми.

Г. Лессонъ почитаетъ Юаланъ вреднымъ для здоровья; намъ онъ не показался таковымъ, не взирая на великую сырость, судя по состоянію здоровья людей. Въ продолжительное пребываніе, наипаче въ дождливое — или лучше сказать въ жаркое время года, потому что дождливое продолжается здѣсь кажется круглый годъ — здоровье людей, не привыкшихъ быть безпрестанно въ водѣ и въ сырости подъ вертикальнымъ солнцемъ, можетъ наконецъ пострадать; но нѣсколько дней нужныхъ на освѣженіе экипажа, кажется никогда повредить не могутъ. На природныхъ жителяхъ не замѣтили мы слѣдовъ злокачественности климата; они показались намъ здоровою и крѣпкою породою людей. Я не могу согласиться также, чтобы большая часть жителей страдала извѣстною въ Южномъ морѣ наочною болѣзнію; напротивъ того намъ показалось, что едва ли и десятая доля сею болѣзнію заражена.

Между изображеніями разныхъ орудій, приложенными къ статьѣ въ *Journal des Voyages*, есть одно (фиг. 6.) подъ названіемъ *Sague*, въ которомъ мы узнаемъ жезль *Назюэнзяпа*, такъ часто нами упоминаемый, но который Г. Лессонъ почитаетъ просто

рыболовнымъ орудіемъ. Весьма легко можетъ быть, что они ту же, или совершенно подобную вещь употребляютъ и для рыбной ловли, хотя мнѣ этого и не случалось видѣть; но въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что маленькому жезлу, ставимому на особомъ возвышенномъ мѣстѣ въ *облѣденныхъ палатахъ* и окруженному вѣтвями растенія сека оказывается уваженіе, какимъ обыкновенныя рыболовныя орудія никогда не пользуются.

Мы не замѣтили никакого различія въ языкѣ, какимъ говорятъ разные классы жителей; мы находили, что всѣ безъ исключенія говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ; и слова заимствованныя отъ однихъ, всегда служили намъ и для объясненій съ другими. Случалось часто и съ нами, что на одинъ и тотъ же вопросъ одинъ отвѣчаетъ такъ, другой иначе; но это не отъ различія языковъ, а отъ весьма извѣстной трудности сдѣлать вопросъ свой понятнымъ дикому, а иногда и отъ того, что одна и та же вещь имѣетъ и у нихъ по нѣскольку названій.

Съ мнѣніемъ Г. Лессона о Монгольскомъ происхожденіи Юаланцевъ я не могу согласиться; но какъ замѣчаніе сіе относится до жителей всего Каролинскаго Архипелага, то и буду я говорить объ этомъ тогда, когда мы болѣе съ симъ народомъ познакомимся. Чтожъ принадлежитъ собственно до обитателей Юалана, то хотя они и принадлежатъ къ одному племени съ жителями всего Каролинскаго Архипелага, но есть дѣйствительно слѣды, что они были въ какомъ нибудь сообщеніи съ Японцами и заняли у нихъ нѣкоторые обряды древнѣйшей въ Японіи вѣры

Син-то (*). » Вѣра сія основана на почитаніи духовъ невидимыхъ, называемыхъ **Синъ** или **Ками**, въ честь коихъ воздвигаются храмы, **Мя**; жезлы изъ дерева **Финокки** (*Thuja japonica*), къ коимъ привязываются лоскутки бумаги, служатъ символомъ божества, и ставятся посреди зданія; эти символы, называемые **ео-фей** встрѣчаются во всѣхъ домахъ, гдѣ ихъ держатъ въ маленькихъ **мя**. Возлѣ сихъ божницъ ставятъ горшки съ цвѣтами и зелеными вѣтвями **Сакари** (*cleveria kämpferiana*), и часто миртовыми и сосновыми. Тутъ ставятъ также двѣ лампы, чашку чаю, и нѣсколько сосудовъ наполненныхъ напиткомъ **Саке**; колоколь (**Сутсу**), барабанъ (**Тайко**) и другіе музыкальные инструменты; и ко всему этому присоединяется зеркало (**кагами**) какъ эмблема чистоты душевной. **Даири**, почитаемые потомками божества, носятъ названіе **Тен-си** (сынъ неба). При посвященіи каждаго **Даири** берется мѣра его роста жезломъ изъ бамбу, который сохраняется въ храмѣ, и по смерти **Даири** уважается какъ **Ками** или духъ.« Эти деревянные жезлы окружаемые зелеными вѣтвями и музыкальными орудіями, очень напоминаютъ намъ жезлы **Ситель Назюэнзяпа** съ листьями сека и Тритоновыми рогами. Если прибавимъ къ этому что **Тен-си**, или **Си-тенъ** Юаланцы скорѣй всего выговорили бы какъ **Си-тель**; сходство между **Саке** и **Сека**; и совершенно Японскую гармонію нѣкоторыхъ именъ упоминаемыхъ въ ихъ молитвѣ,

(*) Г. Клапротъ, въ *Nouvelles Annales des voyages*. Décembre. 1833.

какъ на пр. *Кажуа-синъ-Ляа*, *Кажуа-синъ-нѣнфу*; то невольно будемъ приведены къ догадкѣ, что когда нибудь Японское судно было занесено на берега Юалана, и находившіеся на немъ познакомили островитянъ съ своими преданіями и обрядами, которые натурально со временемъ должны были весьма много измѣниться.

П Р И М Ъ Ч А Н І Я.

Стр. 167 Таблица.

Докторъ *Бристерь*, сравнивая сей выводъ средней температуры Ново-Архангельска съ своею формулою, выражающею распространѣніе теплоты на поверхности земнаго Шара, усомнился въ точности его; ибо по этой формулѣ выходитъ температура сего мѣста нѣскольکو градусовъ ниже (См. London et Edinburgh Philosophical Magazine and Journal of Science. Third Series V. I. N° 6). Мы имѣли случай видѣть метеорологическій журналъ за прошедшій годъ, веденный нынѣшнимъ Главнымъ Правителемъ, который даетъ почти тотъ же выводъ. Подробное извлеченіе изъ сего журнала будетъ помѣщено въ Запискахъ Императорской Академіи Наукъ; здѣсь довольно замѣтить, что среднія изъ мѣсячныхъ *максимовъ* и *минимовъ* (наблюденія и въ этомъ случаѣ дѣланы между 8 часовъ утра и 9 часовъ вечера) суть $+ 8^{\circ}, 53$ и $+ 5^{\circ}, 15$, а средняя температура года (съ погрѣшностію на которую указано въ Таблицѣ $(+ 6^{\circ}, 84)$).

Стр. 188.

По повѣйшимъ извѣстіямъ послано было въ прошломъ годѣ изъ Ситхи судно для поиска острововъ между шир. 40° и 46° и долг. 144° и 155° , однакожь безъ успѣха.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

Введение.....	1
Глава I. Отправление изъ Кронштата. Плавание до Копенгагена и Портсмута. Пребываніе въ сихъ мѣстахъ.	13
— II. Плаваніе отъ Портсмута до Тенериффы и Ріо-Жанейро. Пребываніе въ сихъ мѣстахъ.....	21
— III. Плаваніе отъ Ріо-Жанейро до губы Зачатія и Вальпарейзо. Пребываніе въ сихъ мѣстахъ.....	33
— IV. Плаваніе отъ Вальпарейзо до Ново-Архангельска.	73
— V. Пребываніе въ Ново-Архангельскѣ. Замѣчанія о колоніяхъ Россійско-Американской Компаніи вообще, и въ особенноти о Ново-Архангельскѣ,.....	81
<i>Прибавленіе.</i> Извлеченіе изъ метеорологическаго журнала веденнаго въ Ново-Архангельскѣ.	
— VI. Плаваніе отъ Ситхи до Уналашки. Пребываніе на семь островъ, съ замѣчаніями объ ономъ. Плаваніе мимо острововъ Прибылова, Св. Матвѣя и Беринга, въ Камчатку. Пребываніе въ Петропавловской гавани.....	168
<i>Прибавленіе.</i> Извлеченіе изъ метеорологическаго журнала веденнаго въ селеніи <i>Илмюлюкъ</i> , на островъ Уналашкѣ.....	
— VII. Плаваніе отъ Камчатки до Юалапа. Пребываніе на семь островъ. Замѣчанія объ ономъ.....	204

ПОГРѢШНОСТИ.

Стр. 179, строка 19

вм. около 300 футъ. *читай*: немного больше 1000 футъ.

Стр. 192, строка 3 снизу:

вм. около 300 футъ *читай*: слишкомъ 900 футъ.

Bayerische
Staatsbibliothek
München

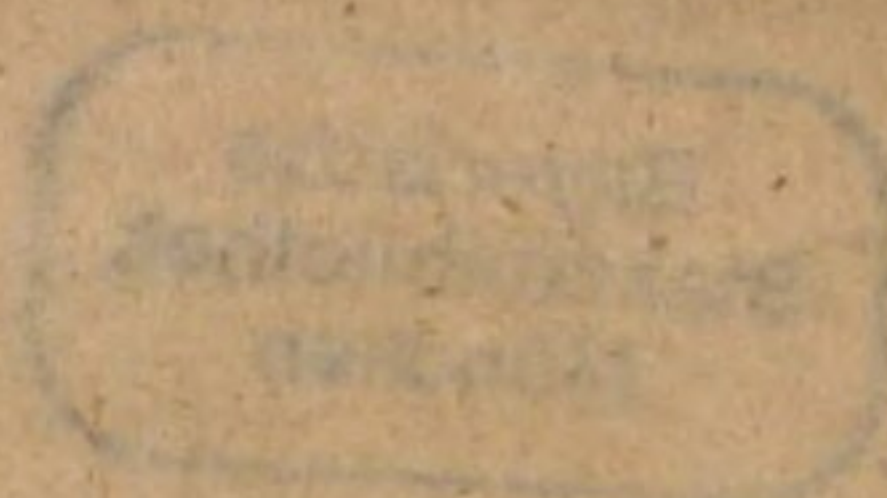
ПОЛЪШНОСТЪ

Стр. 118, строка 13

въ около 500 фута шириной; глубина около 1000 фута

Стр. 118, строка 5 снизу:

въ около 500 фута шириной; глубина около 500 фута

Каменск

150 рр

Litke, Fedor P.,

Putešestvie vokrug světa soveršennoe po pověleniju Gosudarja Imperatora
Nikolaja I., na voennom šljupě Senjavině v 1826, 1827, 1828 i 1829 godach
flota kapitanom Fedorom Litke
Bd.: 1. - Otd. istor. - 1834. - 294 S. : Ill.

St. Peterburg 1834

It.sing. 1488-1

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10469938-3